

ЖРЕБИЙ ПЕРВОГО АРКАНА

І

ВАЛЛЕЙСКИЙ
ЛЕС

После казни беременной жены по ложному обвинению, Баи Финч, в прошлом — ремесленник и просто славный парень, вынужден бежать из родного города в поисках той силы, которая поможет ему свершить своё собственное правосудие. Ради этого он готов шагнуть во тьму и столкнуться лицом к лицу с прошлым, от которого он отрекался всю жизнь. Но возможно ли это, умереть и переродиться иным, и в то же время остаться верным самому себе? Пройти до конца и сохранить собственную душу и рассудок? Разгадка скрывается в конце пути, за тянущимся с болот туманом. Но дорога туда не близкая, а карты предостерегают: придёт час и за всё придётся держать ответ.

Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: "Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные.

Джованни Пика делла Мирандола (1463–1494).

Из "Речи о достоинстве человека"

Эта карта занимает особое положение в Таро, потому что ей не присвоено какого-либо числа — ее ключевым значением является Ноль. Иногда данную карту располагают в начале Старшей Арканы, иногда в конце. Шут (или как его еще именуют — Дурак) олицетворяет одновременно начало и завершение мистических поисков.

Из трактовки старших аркан Таро.

К вечеру хмурые тучи, примчавшиеся с северо-востока вместе с пронизывающим до костей ветром наконец разродились мерзкой мокрой моросью. Она застала меня на тракте, вскоре после того как я оставил за спиной столб, сообщающий всякому путнику, что ближайший постоялый двор «на Перекрёстке» находится в двадцати милях отсюда.

Мрачное грозное небо темнело впереди, заставляя благоговейно трепетать перед своим могуществом. Молния блеснула далеко-далеко и вскоре звонкий раскат грома прокатился по зеленеющим полям пшеницы, широко раскинувшись по обе стороны от дороги. Они уже давно отгеснили спасительный лес вдаль, так что он казался лишь небольшой темнеющей полоской у горизонта.

Потрескавшаяся за последние недели июльской жары земля жадно впитывала влагу, которая прибила, наконец, вездесущую пыль и омыла пожухшую от жары зелень, будто даруя ей новую жизнь. Казалось, полевые травы и листья придорожных кустов переживают вторую молодость, словно была весна и они только распустились, юные и свежие.

Где-то ещё через полмили на меня обрушился настоящий ливень. Дорожный плащ не мог более спасти от изливающихся сверху потоков. Вскоре на мне осталось ни одной сухой нитки, и холод начал сжимать хватку.

Вместе с холодом я ощутил что устал.

И что на самом деле не прочь съесть что-нибудь...

А ещё — что я жив.

Я жив...

Я не вполне понимал почему. Как я могу продолжать жить теперь, когда её больше нет? Почему мир вокруг меня вообще до сих пор стоит? Как он смеет не замереть в почтительной скорби? Как смеет двигаться дальше? Словно ничего не произошло. Словно он вообще может существовать без неё.

Вот и моя жизнь почему-то не остановилась. Опустевшая и потерявшая всякий смысл, она продолжалась вот уже который день.

И тем не менее, я всё ещё был жив. И даже впервые за долгое время вдруг почувствовал холод и голод. Когда я в самом деле ел в последний раз? В смысле — нормально ел. В том постоялом дворе по дороге из Столицы домой? Тогда, в другой жизни, выходит. Сколько времени назад это было? Три дня или три недели? Я даже не уверен сколько времени прошло за завесой лихорадки. Теперь же все эти злключения дают о себе знать.

Мне вдруг стало ясно, что по такому ливню до постоялого двора я просто не доберусь. Упаду где-нибудь без сил и бесславно сгину в канаве, если не найду себе еду и кров ближе, чем через двадцать миль.

Это явно была не та участь, которой мне хотелось. Умереть я успею всегда, тем более собственная жизнь казалась мне теперь не дороже горсти дорожного праха, но прежде чем это сделать — кое-какие счёты стоило бы свести. Не знаю как. Как-нибудь. В конце концов, это была единственная причина продолжать идти дальше.

Где-то через милю после моей встречи со стеной дождя, от основного тракта ответвилась небольшая колея, убегаящая куда-то в поля. Посеревший от времени деревянный придорожный столб рядом с ней сообщал, что это поворот на очередной безымянный хутор. Сколько я их уже прошел, десятки? Не знаю. Все они словно сливались в

моей памяти воедино.

Меньше всего в эти дни я хотел человеческого общества, да видно сейчас без него не обойтись.

Чернеющие домики вдалеке словно бы жались друг к другу под серой дождливой занавесью. Еле заметные и маленькие, они не обещали ни уюта, ни гостеприимства. Куда там, даже невозможно было определить жилой ли хутор или заброшенный? Впрочем, судя по ухоженному полю — живой. Другой вопрос — будут ли там рады кому-то вроде меня? Или я зря потрачу драгоценные силы на этот крюк? Я ведь выгляжу теперь не слишком располагающе. С такой физиономией меня примут за какого-нибудь беглого преступника, и, в целом, будут даже правы. Но попытаться стоит. Да хотя бы купить у фермеров какой еды. В конце концов, у меня были деньги, а хуторяне — народ небогатый. Может и получится чего.

Пролегающую в низине колею уже изрядно размыло. Вода собиралась в рытвинах, кое-где сами собой уже натекли целые запруды, местами — глубиной выше щиколотки. Обувь предательски хлюпала, промокшая одежда липла к телу, спутавшиеся волосы раздражающе лезли в глаза — кажется, стягивающий их шнурок соскользнул и потерялся. Досадная мелочь, способная свести с ума. К тому моменту как я добрался до ближайшего подворья, на мне не осталось, кажется, ни единой сухой нитки.

Вот ведь... Хоть бы что-ли в сарай кто пустил, да дал краюху хлеба. Уже не до хорошего.

Стук в калитку едва ли кто-то мог расслышать в рокоте бьющихся о крышу капель. На мой оклик «Люди добрые, есть ли кто?» отозвалась только пара огромных сторожевых псов.

Гулкий предупредительный лай разнесся по двору. Я заметил как в одном из окон мелькнуло недружелюбное лицо, а спустя минуту дверь приоткрылась, и явно выдавший виды, но всё ещё крепкий сидящий мужик появился на пороге мазанки. Из-за его плеча выглядывали пара лбов помоложе, у одного из них в руках красовался арбалет.

— Кто таков и чего надо? — грубо поинтересовался фермер.

— Путник, шёл до Перекрёстка, но попал под дождь. Теперь ищу сухой угол переждать непогоду и немного еды. За всё заплачу, естественно.

Старик нахмурился.

— От кого бежишь? — он бил наугад, но, видать, чутьё у него было что надо.

— От дождя с грозой, — ответил я, ощущая досаду. Нет, не пустит. Знаем мы таковых. Народ замкнутый, подозрительный. Впрочем, живи я сам в крошечном хуторке среди полей, наверняка сам был бы таким.

И верно, старик посмотрел на меня так будто мой портрет с надписью «разыскивается живой или мёртвый» уже расклеен на каждом столбу.

— Вот что, путник, иди-ка ты и дальше куда шёл, — сказал он. — Мы тут не рады чужакам и никакие неприятности нам не нужны.

— Плачу серебром, — произнёс я, уже скорее от отчаянья. Зря. Если фермер и сомневался в том что я принесу неприятности, то теперь ему всё стало кристально ясно.

— Проваливай отсюда, — ощетинился он. — Ещё чего не хватало...

Псы предупредительно зарычали, тонко уловив настроение хозяина.

— И к соседям не суйся! — слышалось вдогонку, за тем дверь захлопнулась.

К соседям я все равно сунулся, но подозрительный вечерний гость с изуродованным лицом, пришедший в разгар вечерней грозы вызывал у замкнутых хуторян только одно желание — закрыть дверь и спустить собак.

Только в самом последнем домишке, построенном, судя по срубам, совсем недавно, дверь не спешила захлопываться. Хозяин домика на вид был мой ровесник, хотя ниже ростом и более коренастый, крепкий и румяный, именно про таких и говорят «кровь с молоком».

— Мне б хоть еды купить, почтеннейший, — уже без особой надежды говорил я, с содроганием представляя себе как сейчас поплыву через это поле обратно на большак, а затем буду тащиться в сторону корчмы под стеной дождя, который и не думал заканчиваться. — Хлеба и чего ещё не жалко. Я всё оплачу.

— Э, приبلудный! Это ж как же ты по таким хлябям, да ещё и на ночь глядя пойдёшь-то? Путь неблизкий, того и гляди смочет по дороге, — ответил фермер.

Забрезжила слабая надежда.

— Если это будет вам не в тягость, то я отчаянно нуждаюсь в тепле очага и сухом углу. Если нет места у очага, меня вполне устроит и сарай.

Я не поручился бы, что мольба не сквозила в моём тоне в тот момент. Этот яростный ливень воистину вернул к жизни всё вокруг включая меня, заставив забыть о скорби и вспомнить о собственных потребностях.

— Ты это, мил-человек, не стоял бы тогда под дождём? — сказал молодой фермер. — Погоди-ка с минуту под навесом, я спрошу мою хозяйшкуню, там и порешим.

Он исчез за дверьми, а я поспешно спрятался под крышу сарая. Пока хозяина не было — успел вылить из сапог скопившуюся воду и попытался отжать плащ. Холод понемногу начал подбираться к горлу, добавляя неприятных ощущений. Однако тот факт что на меня больше ничего не лилось заставлял почти блаженствовать.

Ну что ж... когда-то я умел довольствоваться малым, и самое время припомнить каково это. Надеюсь удастся хотя бы перекусить. По идее если поесть, то шансы добраться до трактира сильно возрастут.

Однако Забытые Боги вдруг сменили гнев на милость. Дверь скрипнула вновь и голос молодого фермера произнёс:

— Заходи, приبلудный! Как говорится, чем богаты.

Внутри было тепло и скромно: стол со скамьями у окна, пара табуретов, простецкий деревянный ящик, хозяйская кровать у стены да пустующая люлька рядом с ней — вот и вся мебель. В сложенном из грубо отёсанных камней очаге горел огонь, над которым висел чугунный котелок. Простые бревенчатые стены отвечали на жар огня в очаге, наполняя дом дивным ароматом свежего сруба. Сосна или ель, я не очень хорошо их различал, но от запаха становилось как-то светлее на душе.

Запах дерева — всё равно что запах новизны и новых начинаний. Новая посуда, новая мебель, новые дома — всё пахнет свежим деревом. Во всяком случае — в наших краях. В этом доме всё было такое простое и новое. Прямо как в том домишке в Ключевском Переулке, который я намеревался выкупить в ближайшие же месяцы после свадьбы. Славный домик в славном месте, и, несмотря на мои старые и сложные отношения со Столицей, я мечтал жить там вместе с ... вместе с ней.

А теперь её нет, и всё потеряло смысл.

Невысокая толстушка при виде меня приподнялась с табурета, явно придерживая округлый живот. Одета она была по простому, в платье из некрашеного льна, а светло-русые волосы убирала в столь же простую косицу. Хорошенькое круглое личико и добрые глаза, какие бывают только у юных и открытых, не встречавшихся покуда с теми тяжбами, которые жизнь столь щедро отсыпает со временем каждому человеку. Сейчас эти добрые глаза с

жалостью и тревогой всматривались в моё изуродованное огнем лицо.

— Это Стасья, моя хозяйюшка, — сказал фермер. — А меня Томом звать.

— Мира вашему дому, господа, — я отвесил почтительный поклон. В самом деле, было за что поклонится им. — Моё имя — Джон. Я шёл по тракту на север, надеялся к ночи добраться до постоянного двора, но непогода застигла меня врасплох. Благодарю за то что пустили, и в долгу не останусь.

Хозяйка, несмотря учтивые слова, такому гостю явно не обрадовалась. То ли вид мой потрепанный ее настораживал, то ли перспектива что с меня сейчас натечет воды на полноценную лужу — чёрт разберёт. Должно быть и то, и другое.

Том поймал взгляд супруги.

— Ты это... мужик, садись к огню, а мы щас плащ твой выжмем, да сушить сунем.

Стасья небрежно бросила в угол у двери какую то ветошь, и они оба скрылись в сенях с моими вещами, не слушая возражений. Вышло неловко, но боги с ними, уж сглажу впечатление как-нибудь. Не впервой. Хуторяне-то народ простой, ничего зазорного в таких вещах не видят. Это у нас, городских, жизнь полна условностей, что там гость может себе позволить в чужом доме, а чего — нет. Да и до того ли мне? Тут сапоги бы спасти. Вымокли насквозь, и к утру явно не просохнут. Эх, не на пользу шоре такие хляби... вощение вощением, но как бы не раскисли. Новые теперь так просто не сошьешь — негде и некогда, а дорога впереди дальняя.

Пока я возился с обувью, хозяева о чём-то напряженно переговаривались на крыльце. Видно, мнения разделились: слов было не разобрать, но женский голос звучал особо обеспокоено.

Молодожёны... первенца ждут...

Вот надо же было так совпасть...

Я буквально силой заставил себя отвлечься на дела насущные и полез в сумку за кошельком. Мой нехитрый скарб только слегка отсырел, что было равносильно чуду. Арбалетная тетива в отдельной скатке не пострадала вообще, сам арбалет спас кожаный чехол. Вот ведь как в воду глядел когда его делал.

Хозяева вернулись через пяток минут, он — с вполне добродушной, почти масляной улыбкой, она — чуть поджав губы. Однако увидев, что деньги мужу не померещились, будущая мама ошутимо приободрилась и стала собирать на стол, явно стараясь не привлекать к себе внимание. Как и у всех селян, у неё всё было написано на лице: меня она побаивалась, однако присутствие мужа даровало ей спокойствие. Она знала, верила — вот он, её защитник. Надежда и опора. И он, конечно, не допустит чтобы ей причинили вред, а меня — так и вовсе убьёт в случае чего.

Я уговаривал себя не смотреть на неё. Просто не смотреть.

— Пожрать — это мы запросто, сами ужинать собирались, — сказал Том. Голос у него был громкий, зычный, и мне невольно подумалось, что он наверняка слывет среди своих душой компании. — А про постой... тут уж звиняй, тюфяк да одеяло. Не нажили пока добра гостей принимать.

— Этого будет уже более чем достаточно, почтенный, — ответил я. И в самом деле, тюфяк у огня на полу казался мне сейчас лучшим из мест где когда-либо приклонял голову человек.

— Чьих будешь-то? И как угораздило в нашу глушь?...

— Да вот, из Нотли иду, — соврал я, где-то внутри опасаясь, что правда может

навредить этим славным радушным людям. — Думал попытать счастья на новом месте. Говорят, что у границ на северо-западе мало рабочего люду живет, даже в ремесленных цехах вечный недобор.

— Да... далеко ж тебя понесло... — задумчиво протянул Том. — Места-то там, говаривают, дурные, и люд им под стать. А в Нотли-то чего не жилось? Хороший же городишко! И деньги там водятся — всё ж Столица рядом... Стась, ты чего удумала там? Сито же попортишь!

— Меня бабка научила: в очаге обожглась — тыкву приложи, — назидательно сказала хозяйюшка, старательно превращая кусочек тыквы в пюре. — А ему же больнее, лицо ж не руки.

Я почувствовал себя ещё более неловко, едва подобрав скомканные слова благодарности. Ожог уже зарубцевался, а боль стала терпимой, пусть и раздражающей. Я привык к ней, невольно воспринимая как заслуженную кару за случившееся. К тому что кого-то постороннего она беспокоит я был немного не готов.

Проклятье... зажить-то ожог заживёт, а след так и останется напоминанием о том, как я оказался беспомощен перед властью имущими. Не смог защитить самое дорогое что у меня было.

Том меж тем выбрался из-за стола и добыл из ящика бутылку с какой-то настойкой.

— А ты замёрз, небось, в такую ж сырость? Может пока ждём — того, по одной, для сугреву?

Стасья недовольно проворчала что-то про "лишь бы повод", а затем, бросив взгляд на мокрого и продрогшего меня, видимо сочла, что повод достаточно весомый.

А я заколебался. Спиртного я никогда не пил. Это был больше чем принцип — призрачная память об отце. Отец учил что алкоголь — это зло, губит суть человека, а таким как мы всегда нужна ясная голова. Отец говорил: что бы не случилось с тобой, все нужно пережить и принять самому, а не прятаться от самого себя на дне бутылки.

Однако сейчас искушение хоть раз отступить от его слов и залить собственное горе на пару с чувством вины было непреодолимо сильно. Слишком свежо всё это, слишком. К тому же и отказываться неудобно: по сельским меркам и в самом деле от всей души предложение...

Но все-таки нет.

— Спасибо, хозяин, но нельзя мне.

— Да что будет с одной-то? — искренне расстроился Том.

— Прости нижайше, мои родители были с юга родом. Там это дело запрещено.

Том разочарованно убрал бутылку под стол.

— Южане... дык, Господь наш Император же не запрещает...

— Отстань ты от человека, не хочет он! Я лучше вам молока с мёдом дам. Для согреву. — сварливо прервала мужа Стасья, протягивая мне пузатый компресс. Я не смог сдержать исполненный благодарности взгляд. Даже неловко улыбнулся.

— Спасибо ещё раз. Оно и правда всё ещё болит. Это... пожар, в общем, случился.

Не то чтобы правда, не то чтобы ложь. Огонь — был. Не пожар, правда. Костёр. Охрана И жаждущая зрелища толпа.

— Ничего не осталось, кроме пепелища. А жить на пепелище... сами понимаете.

— Потому и с места снялся чтоль? — сочувственно спросил Том.

Я кивнул.

Передо мной как раз появилась миска с ароматным густым рагу, и следом — кружка с крепким травяным отваром. Божественный аромат овощного бульона сделал чувство голода почти невыносимым. К счастью в крестьянском доме можно было обойтись без церемоний.

Том с не меньшим аппетитом принялся за свою порцию, простодушно продолжая расспросы:

— А свои-то чего? Всё ж с семьёй-то всё попроще будет.

— Ага, то-то ты меня от семьи сюда увёз, — кокетливо отозвалась хозяйюшка. — Сколько ты отца уламывал?

Том подарил супруге тёплую улыбку.

— Три ярмарки осенние за тобой ездил. Ну уговорил же.

— Ага, уговор вон, пинается уже! — рассмеялась она в ответ.

...интересно, невольно подумалось мне, если положить руки на живот, то можно ли почувствовать эти движения самому? И каково это, знать что то таинственное существо внутри — твое дитя? Интересно, что почувствовал бы я сам, обернись всё иначе? Старая соседка-повитуха, мудро ухмыляясь, помнится, пророчила шевеления к концу августа...

— Три года, стало быть? Уважаю. Отец отдать не хотел?

Том расплылся в довольной улыбке и продолжил с видом человека, заслуженно почивающего на лаврах.

— Ну, она-то из Вестборна. А я чего, хуторянин. По меркам её бати, ни кола ни двора. Вот пришлось денег подкопить, дом поставить, да её очаровать на чердаке пару раз. Ну а там ему уже и деваться некуда было.

Стасья беззлобно махнула на мужа полотенцем.

— Охальник! Постеснялся бы. Что теперь человек подумает?

— А я чего? — тоном святой невинности отозвался Том. — Я ж женился, а не просто так очаровывал... Мужик, ты это, не подумай, Стасья — баба честная... А если сомнения есть, могу на кулаках объяснить.

— Сиди уже, защитник... Вечно тебе бы в драку влезть... — смущённо проворчала хозяйюшка, положив передо мной изрядную краюху хлеба. — Да ты ешь, Джон, ешь. Не слушай его. Он так-то добрый...

— Да нету у меня сомнений в вашей доброте и честности, — ответил я, напоминая себе что это она ко мне обращается. Сам же назвался Джоном. — Тем более мне такой способ сватовства знаком не понаслышке.

Том одобрительно усмехнулся и спросил:

— А твоя хозяйка, выходит, пока с мальцами у родственников осталась?

Да с чего он вообще решил... ах да, кольцо же! Я ведь так и не нашёл в себе сил ни снять его, ни на правую руку надеть. Будто это хоть что-то изменит теперь.

— Не стало моей хозяйки.

Стасья простодушно ахнула и всплеснула руками. Том понуро замолк.

— Да... теперь что уж... — мне не хотелось говорить об этом. И этих сочувствующих взглядов не хотелось тем более. — Не дело в благодарность за ваше радушие мраку нагонять. А в особенности за чудесное рагу. Птица своя или дичь?

— Да своя, овощи тоже, — гордо ответил Том, охотно оставляя неприятную тему, спасибо ему. — Петух соперника подрал. Так что считай повезло тебе.

— Действительно, повезло. Очень вкусно. К тому ж такие овощи да в такую засуху. Две ж недели без облачка на небе жарило.

— Ну так если я её гляди из колодца не полью, то она меня ночевать не пустит, — Том снова улыбнулся в спину жене. — Так это ещё что.... пришёл бы в октябре, ты б её кровяную колбасу попробовал! Это я тебе скажу.... Мммм!

— Звучит аппетитно, — согласился я. Действительно аппетитно. Уж в чем-чем, а в заготовках хutorяне знали толк. — А с пшеницей нынче как? По городу тревожные слухи о неурожае ходили.

— Ну с этим-то да, беда, — Том мигом посерьезнел. — Боюсь, молотить нечего будет. Колосья пустые через один, а шас и то что набралось — погниёт.

— То есть не слухи. Беда, стало быть.

— Беда... Оно как, прошлогодние-то запасы голодать не дадут, но вот налоги в этом году нас пощиплют. Не смертельно, но как по мне лучше б то что его светлости причитается — засеять в следующем году, больше б было толку. А вот городам сложнее будет.

Стасья понуро вздохнула.

— Не бойсь, — ободрил её супруг. — Тестя, если чего, прокормим.

— С таким хозяйством точно не пропадете, — согласился я. — А уж вместе — так тем более.

Том довольно глянул на жену и потянулся за пирогом.

— За то и выбрал. С ней вместе — хоть в огонь....

Я устроился у очага, пристроив под голову собственную сумку. Боги, тепло... Все еще сырая одежда в считанные секунды стала горячить кожу, источая едва заметные струйки белого пара. Молоко с мёдом сделало свое дело, и зародившаяся было простуда с позором отступила. Ну и славно. На утро буду как новый, и в целом дождь, если он продолжится и завтра, будет уже не так страшен. Доберусь до постоянного двора, куплю припасов и кой-чего из вещей, а то бежать-то пришлось второпях, не до сборов было.

А оттуда — в Вестборн. А оттуда — посмотрим.

Хозяева перестали ворочаться на своей постели, и вскоре послышался томов могучий храп. Огонь в очаге понемногу потрескивал, постепенно сходя на нет. Я постарался поуютнее завернуться в одеяло — домишко выстынет за ночь, и проникший в дом утренний холод, несомненно, изберет меня своей первой целью. Так что нужно было спать пока была возможность нежиться в тепле.

Однако стоило закрыть глаза и огонь возвращался. Он преследовал меня неустанно, вновь вставая перед внутренним взором каждую ночь.

Каждый раз я прорываюсь сквозь толпу словно сквозь болотную трясиину, не отрывая взгляда от языков разрастающегося пламени. И каждый раз понимаю, что я слишком далеко, с каждым шагом всё дальше и дальше.

Люди хватают за одежду и тянут назад десятками рук.

«Он не в себе, он не в себе. Молчи. Терпи. Падай ниц. Возноси хвалу».

За тем, прямо как тогда, я всё же вырываюсь вперед к костру, с единственной мыслью что я вытащу ее и всё будет хорошо. Пусть уже калекой, но вытащу, не оставлю... Тот самый безумный миг в моей жизни, отчаяннее которого в ней никогда не было и, наверное, не будет.

Секунды длятся вечность, и кажется было что моя взяла. Что остается один шаг в огонь,

один последний рывок...

...а потом — отрезвляющий удар сбивающий с ног, за ним ещё один и ещё. Не встать — мне не позволяют, вдавливая лицом в проклятую тлеющую головню, выбитую из костра чьим-то сапогом во время потасовки.

Мне не успеть. Снова не успеть.

Времени нет.

Ничего больше нет.

Только адская боль да крепкая хватка закованных в латные рукавицы рук, оттаскивающих меня прочь. И всё что я могу — это только смотреть, наблюдая в мельчайших подробностях все детали её агонии. Память хранила это зрелище, тщательно повторяя из раза в раз.

И слова, с ядовитым триумфом произнесённые у моего уха. Так, чтоб никто больше не слышал:

«Я знаю кто ты такой».

Я снова и снова просыпался в холодном поту, осознавал, что это был сон. А случившегося уже ничего не изменит — я уже опоздал, не предвидел, не предотвратил, не вытащил. Чертыхался заставлял себя заснуть снова. Но лишь за тем чтобы вновь увидеть огонь. И так до того самого часа, когда утренний холод не вернул меня в реальность из мира снов.

Хозяева ещё сладко спали. Стараясь не потревожить их раньше времени я тихо выскользнул в сени, а оттуда — во двор. И нырнул в утро словно в ледяную воду. Оно встретило меня туманом поднявшимся над возделанными полями и на удивление безоблачным небом, того самого удивительного глубокого оттенка, какой бывает в только перед рассветом. Через считанные минуты диск солнца должен был показаться на востоке, дабы вновь обогреть мир. Ночной холод спасался от него прочь, словно сгущаясь отступая. Проникая под одежду. Возвращая в реальность.

Двор просыпался. Матёрый пёстрый петух взобрался на крышу курятника и громко приветствовал первые лучи солнца. Из-за забора послышался ответный крик. За тем третий, совсем поодаль. Вслед за петухами подворье начало наполняться звуками просыпающегося скота. Новорожденный день вступал в свои права.

Студёная вода из бочонка смыла остатки сна и тыквенного сока. Надо сказать, бабушкино средство сотворило чудо, и привычная уже нудная боль почти сошла на нет. Наверное, зря я на лечение рукой махнул, и надо бы попросить у хозяйюшки ещё пару кусков тыквы с собой.

Подумалось, что время неумолимо идёт вперёд. Проклятый день казни минута за минутой всё дальше и дальше отступал в прошлое, навсегда оставаясь позади. Даже ожог всё-таки заживает. Шрам, правда, останется насовсем, но что уж теперь...

А вот я сам? Я смогу «зажить» после всего этого? В детстве вроде как то смог... впрочем, только по тому что сам был очень мал, почти ничего не понимал, и ещё долго верил что отец жив и непременно найдёт меня. У меня была возможность принять всё постепенно, пусть и болезненно. А теперь...

Дверь дома скрипнула и на пороге появился заспанный Том.

— Доброе утро! — пожелал он.

— Доброе, — согласился я. Что бы там не болело на душе, утро и правда было таковым.

— Глянь-ка, так-таки распогодилось! — фермер занял моё место у кадки. — Свезло

тебе. Колею конечно размыло, за то денёк будет погожий.

— Это да... погодка что надо, к обеду опять жара будет. Надо выдвигаться по хорошему, пока прохладно.

— Да не торопись ты так! — осадил Том, попутно отфыркиваясь от воды. — Там Стаська сейчас завтрак сообразит. Поешь нормально и пойдешь себе.

— Спасибо, но я б всё ж лучше по дороге поел. И без того стеснил вас.

— Да ладно, стеснил, тоже мне! Идём, говорю, завтракать! А то я тебе твои вещи не отдам, будешь знать.

На завтрак была каша, молоко и хлеб с творожным сыром. Мне с утра кусок в горло не лез, так что свою порцию я впихнул в себя с величайшим трудом и исключительно из вежливости.

— По такой погоде доберешься до Перекрестка примерно к обеду, это если неспешным шагом, — напутствовал Том, пока я укладывал в свою торбу божественные стасьины пироги и ещё кое-что из припасов. — Места там людные, народу много ездит, тем более в Вестборне скоро ярмарка. Сейчас все туда тянутся, так что попутчика в два счёта найдёшь. Всё ж на телеге лучше чем пешком.

— Спасибо. Думаю, договорюсь с кем-нибудь.

— Держи вот ещё яблочек с собой, — хлопотала меж тем хозяйшка, буквально впихивая мне в руки старый холщовый мешочек с мелкими кислучими яблочками. Теми самыми, которых в августе в наших краях зреет столько, что всякий хозяин почитает за благо отсыпать каждому встречному ведёрко-другое, потому как выкидывать — жалко, а избавиться как-то нужно. Я принял гостинец с благодарностью, хотя сам их терпеть не мог. Впрочем, еда есть еда, пусть и такая, но стодиться.

— Бывал раньше на Перекрёстке? — спросил хозяин.

— Не, не случалось.

— Тогда добрый совет тебе в догонку, непременно попробуй тамошнюю похлёбку. Вкусно сказочно, вот бы рецепт, да Стасьюшке.... А вот эль там бавленный, хуже некуда. И пиво тоже.

— Ну, это мне не пригодится, а вот похлёбку пожалуй что и попробую, — я как раз нашарил в сумке свой кошель с монетами.

Увидав на своей ладони серебро, Том вмиг сделался растерянным.

— Это зачем? Ты ж вчера уже...

Я только махнул рукой.

— Берите. У вас вон пополнение скоро, неурожай... лишним не будет.

Оставляя хутор за спиной я запоздало думал о том что пятак отдал сгоряча, конечно. С другой стороны, черт подери, все равно я приберегал эти деньги для собственной семьи, которой у меня теперь нет. По большому счёту я купил себе хорошее настроение. Мысль, что отомщу таким образом злему року. Пусть хоть у кого-то всё будет хорошо, раз мне не судьба.

С хозяевами распрощался тепло, искренне пожелав им любить и беречь друг друга долгие годы. А затем отправился через поле в сторону тракта, возвращаясь в вожденное одиночество.

Солнце уже начало припекать, жадно иссушая последствия вчерашнего ливня. Вся почва вокруг превратилась в настоящее болото, и идти было по прежнему не легко. Впрочем по

сравнению со вчерашним, небо и земля. Не только из за сырости: я ведь и правда толком не ел за прошедшие недели, кусок в горло не лез. С тех пор, пожалуй, как завтракал перед возвращением из Столицы домой.

А потом... потом — всё. Сутки у позорного столба я помню с трудом. Единственное — ко мне, кажется, приходила храмовая целительница, обработать свежий ожог и то что осталось от ударов плетью. И всё. Ни еды, ни воды, только адская жара и озлобленные горожане, те самые что раньше здоровались со мной на улицах, приходили ко мне с заказами и улыбались при встрече, теперь считали своим долгом плюнуть или кинуть чем-нибудь.

Впрочем, я почти не замечал их.

Не вспомню когда потерял наконец сознание, вроде уже ближе к ночи. Как свои меня оттуда забирали — тоже не помню напрочь. Очнулся дома у матушки Финч спустя невесть сколько времени, ослабевший и жалкий, хотя казалось бы — куда уж больше то? И лихорадка, которая всё усложнила.

Из еды помню только какой то бульон и травяные настои, которые постоянно приносила Агнес и заставляла пить до дна. Мне было все равно, и я послушно пил, не вполне понимая зачем и что происходит.

В следующие дни многие приходили меня повидать.

Подмастерья с нашего цеха, заходили на перерыве посмотреть как я теперь.

Мастер Эмрис Браун, мой старый наставник. Он пытался сказать что тут моей вины нет, и никто ничего не мог сделать, но получалось у него нескладно.

Старина Адам со старшим сыном. Говорил, опасно озираясь на окно, что знал, конечно, что лорд-защитник — мразота последняя, но это перешло все границы.

Ещё заходили наши кузнецы Лод и Яр, бондарь Уилл, мои друзья охотники Дэн и Бронн — все как один говорили, что около нашего дома постоянно трутся штатные следопыты. Что пусть под давлением первосвященника Орф смягчил наказание, но его разговор со мной, судя по всему, только начался.

Ещё заходил Гохан, охранник господина Льюиса. Говорил, что и раньше знал что я — вконец отбитый безумец, а теперь утвердился в этом окончательно. И добавил что уважает. Он бы так не смог.

Позже пришёл и сам Льюис. Я в его сторону не смотрел. Помню только его хриплый прокуренный голос, ставший в одночасье из властного — плачущим, и почти невыносимый перегар, которым наполнился дом. Он нёс нечто бессвязное о том что я — идиот, и это всё из-за меня. Ну что же я не смог наплевать давно на его отцовское благословение и сбежать с его драгоценной дочерью куда глаза глядят, как поступают все нормальные влюбленные болваны? Тогда она была бы жива сейчас, а он мечтал бы оторвать мне голову... но нет же! Я же, глупец, и в самом деле попытался доказать всю серьёзность намерений, выполнил его, отца, требования, уважаемым человеком стал... а кому в итоге уважение помогло, а?...

— Дурак ты, Баи. Законченный дурак... Из-за тебя все это. Из-за тебя...

Я не отвечал ему. Ни ему, ни друзьям, ни Агнес, ни даже бедной моей приёмной матушке. Мой взгляд и мысли занимал лишь висящий на стене арбалет, купленный с год назад по бартеру у Эстебана в Меркадо дэ Пулгос. Кажется, именно тогда я и понял для чего он попал мне в руки и в чем его истинное предназначение.

Я слышал всё о чём шептались в доме. Слышал как к матушке Финч приходили соседи, с опаской справлялись обо мне, а она с горечью отвечала им что я вроде пришёл в себя, но ни на что не реагирую, только смотрю всё время в одну точку. Она плакала, тихо сетуя на то что

я повредился умом от горя. И не ем ничего. Что же делать-то теперь? И за что на неё, старую, наш Господь и Государь обрушил столько горя, будто ей мало было смерти мужа и единственного сына? Теперь вот и я, занявший их место в её сердце, наверное, тоже умру — не от голода, так от рук господина Орфа, и она снова останется одна.

Это было невыносимо. Я должен был бы встать с постели, хоть по стеночке дойти до неё, обнять и утешить. Но я не мог, ведь на стене висел арбалет, мой, добротный, проверенный и пристреленный. Рядом, в чехле лежали болты к нему, ожидая своего часа. Я смотрел на них и понимал, что стоит мне встать на ноги — я сниму его со стены и применю по назначению. Единственно верному назначению. Встану, выйду из дому и убью этого человека, а голову его отнесу на кладбище за городской стеной, где хоронили преступников и дохлый скот. Всё равно как и какой ценой.

И пока я смотрел на стену — во мне разгорался огонь. Злой, исступленный, разъедающий изнутри. Но он был стократ лучше чувства невосполнимой утраты, которая охватывала меня стоило мне отвести взгляд.

По правде сказать, всё было несколько иначе чем думала дорогая моя матушка. Я созерцал одну точку — арбалет — и именно по этому смог не сойти с ума.

...Жара плавно вступила в свои права. По небу лениво плыли небольшие облака, а их огромные тени блуждали по полям за ними вслед. В остальном погода обещала быть столь же безжалостна как и две недели до этого. Однако вчерашний дождь сделал своё дело — я почувствовал себя лучше, словно пробудился ото сна, и даже разъедающий огонь ненависти внутри меня будто поутих.

В целом даже шагалось легко. Грунтовый тракт высох, а воздух наполнился запахом все еще сырой почвы. А еще — сладковато-пряным ароматом цветущего донника. Он, казалось, занял всё свободное от пшеницы пространство “отдыхающих” полей. Над мелкими жёлтыми цветочками тут и там гудели трудолюбивые пчёлы. В кустарниках и перелесках чирикали мелкие птицы.

Утро было таким солнечным и полным жизни, что мысли о смерти и возмездии волей неволей отступили куда-то в недра души. Я не больно стремился выволакивать их наружу, хотя что-то внутри протестовало, отчаянно требуя не сметь ничего забывать ни на секунду, словно так я мог предать память покойной возлюбленной. Но ничто не изнашивает быстрее чем постоянная безысходная злоба, которую невозможно выплеснуть на тех кого следовало бы. Поэтому я сдался на милость доброму утру, просто наслаждаясь им.

Миль через пять меня нагнала старенькая телега груженная мешками. Везла ее пожилая пегая лошадка, а на облучке сгорбившись восседал крепкий старичок с длинными свисающими усами. Облачен он был в рубаху из грубого льна, а на голове красовалась соломенная шляпа — то что надо в такую жару.

Я не предал было этому значения, дедок и сам по началу, видать, собирался проехать мимо, но в последний момент замедлил ход и окликнул меня.

— Э, парень! Тебе до Перекрестка?

— До него самого, — ответил я, догоняя телегу.

— Тады садись, довезу тебя что ли.

Я себя ждать не заставил, нахожусь еще.

Доброжелательный дедушка, как и все кто подбирал попугчиков на дороге, был охоч до поболтать, чтоб скрасить дальнюю дорогу. Вскоре я уже знал что его зовут Вильям, что он сам едет с очередного местного хутора до Перекрёстка, везёт в тамошний трактир овощей и

ещё кой-чего съедобного, потому как из-за ярмарки народу там нынче не протолкнутся, а у Хельги все продукты уж поскончались.

Хельгой звали достославную хозяйку постоянного двора, и она как раз приходилась моему попутчику своячкой. Дедуля отзывался о ней с непередаваемой смесью яда и уважения. Мне сообщили что она — баба с характером, но дело своё знает. Склочная да крепкая. Скуповата. Разбавляет эль водой. А вот третьего то дня как раз перед тем как поросся резать...

...в общем, мне необычайно с ним повезло. Этот Вильям оказался из той породы стариков которые не столько хотят слушать, сколько сами поговорить. Я был искренне ему за это благодарен, внимательно слушал и даже успел проникнуться историями о нехитром местном быте. Всё просто и понятно, как и везде где люди живут ближе к земле. Поколения сменяют поколения, а уклад в глубине провинции всё тот же, от века к веку. Так всегда было и всегда будет, неспешно и предсказуемо, как и то что за зимой следует лето, а за летом вновь последует зима.

Про моё лицо он меня всё-таки спросил, но, на моё счастье, не дождавшись ответа сам же и переключился на какое то очередное воспоминание о былых годах и его собственном близком знакомстве с огнём. Я в свою очередь предложил дедушке яблочек, на что дед отмахнулся и снял крышку с увесистого туюска, покоившегося до поры в телеге у него за спиной.

— Угощайся, — радушно сказал он. — Отличные, свои, сладкие! Ты бери, бери! Не стесняйся! Угощаю, так сказать!

Ох мать... опять они.

Впрочем... еда есть еда. Кто знает, может статься завтра я буду им очень рад.

Перекрёсток представлял собой маленький посёлок, в котором пересекались целых четыре крупных тракта.

Основой поселения и главной достопримечательностью, вне всякого сомнения, был тот самый «трактир на Перекрёстке», вокруг которого тут всё и выросло. Он возвышался над окружающими его домишками на целый этаж, так что ни у одного новоприбывшего не возникало глупых вопросов. Причём судя по выложенному из камня первому этажу и слюдяным пластинам вместо бычьего пузыря на окнах, дела в этом заведении шли как нельзя лучше. Левое крыло было и вовсе построено совсем недавно, и отличалось от основной части здания более высоким фундаментом и большими окнами, в этот жаркий час — распахнутыми настежь. Зал для знатных господ, как же иначе.

Справа от внушительного здания ютились кузня и амбар, слева — большая конюшня. Правда, именно сегодня она, видимо, всё же была маловата: лошадей было столько, что места не было ни под навесом, ни во дворе, и несколько нерассёдланных лошадок томились на привязи за его пределами. Изнывающие от палящего солнца и тесноты животные то и дело нервно храпели, мотали головами и хвостом, безуспешно пытаясь отогнать вездесущих слепней. Запах конского пота повис в густом плотном воздухе.

Надеяться на то что «распогодится» конюшним не приходилось: как раз когда мы подкатили к воротам, их наглухо забаррикадировал круп породистого тяжеловоза с чёрно-жёлтым гербом на попоне. Его держал под уздцы молодой сквайр лет четырнадцати от силы, почти с пеной у рта требующий у своего же ровесника — конюха немедленно найти место для скакуна его господина, а не то кое-кто может поплатится за это головой.

— Все места заняты, сэр, — отвечал конюх.

— Что значит «заняты»?! — возмущался сквайр с характерным жаром юнца едва выбившегося “в люди” и лопающегося от чувства собственной значимости. — Именем Его Светлости герцога Аддерли, я требую немедленно освободить место в конюшне для лошади сира Роберта!

— Дык это... Нынче в стойлах все до единого кони стоят именем его светлости, сэр...

Я невольно скривился. Знаю таковых, надолго разборки. Дедушка Вильям так же уныло и с пониманием посмотрел на затянувшуюся сцену, за тем вздохнул и тронул поводья.

— Но, хорошая! Благо у нас собственный ход есть...

И телега двинулась дальше, вдоль забора.

— Тут всегда так людно? — поинтересовался я.

— Так ярмарка ж завтра! — дед посмотрел на меня как на несмышленьша. — И время к обеду. Оно ж как: люди, кто из Оук-Орта и окрестностей едет, как правило выезжают с ранья, чтоб прибыть в Перекрёстк к обеду. А если ты к обеду на Перекрёстке, то к вечеру, значит, будешь в Вестборне. А в Вестборн нынче все едут.

Он остановил лошадку со стороны сарая, рядом с неприметной калиткой в заборе из посеревших от времени досок. По ту сторону немедленно послышался собачий лай, за тем чей-то голос призывающий шавок блохастых заткнуться.

Калитку открыл мужик лет пятидесяти на вид, и они с моим попутчиком радостно пожали руки.

— А это кто? — спросил хозяин, многозначительно кивая на меня.

— Да так, по дороге встретил, — пожал плечами мой дедуля. — Всё одно в одну сторону направлялись, а так хоть есть с кем поговорить, в дороге-то.

Своjak, судя по взгляду, беззаботной беспечности Вильяма не разделял. Однако от предложения помочь с разгрузкой не отказался, и мы довольно быстро, в четыре руки, освободили телегу, а затем перетащили мешки со снедью в амбар. Мужик (которого, как выяснилось, звали Стефан) разговорился и посетовал на сегодняшний аншлаг, мол, мало того что народу — тьма, лошадей ставить некуда, так ещё и Его Светлость юный герцог Джонатан Аддерли пожаловать изволили, ни раньше ни позже.

Сын и наследник владельца наших земель прибыл со свитой два часа назад, и с тех пор им только успевай менять блюда и напитки. К тому же это из-за них пришлось срочно выводить из стойл отдохавших там лошадей, дабы расположить коней самого лорда Джонатана и его сопровождающих. Другие постояльцы, естественно, не обрадовались, но что делать? Ждать разве что когда господа накушаются, расплатятся и отправятся восвояси. Но к тому времени Хельга, наверное, свернёт кому-нибудь шею.

Я искренне посочувствовал чете трактирщиков, припомнив как сам бывал порой не рад такому «неземному» счастью. Платят-то господа дворяне как правило хорошо, но пребывают в иллюзии что за свои деньги приобретают мастера в личное пользование, как минимум пока заказ не будет сделан. И да, естественно мастер должен читать его, господина, мысли и исполнять любые желания. Даже невозможные.

Недолюбливаю я их, всех этих «высоких господ», даром что сам...

— Держи! — старый Вильям хлебосольно сунул мне в руки мешочек с яблочками. — Это тебе на дорожку.

— Спасибо, — я улыбнулся ему напоследок и обреченно принял гостинец. — И доброй вам дороги домой!

— И тебе счастливо до дома добраться, сынок! — искренне пожелал мне дедуля.

В большом зале царили смрад и полумрак, едва разгоняемый масляными плашками, стоящими повсюду в черных от застарелой копоти нишах. Слабые язычки пламени трепетно боролись с тьмой, и, судя по всему, проигрывали.

С кухни доносился специфический запах бульона на свинине, который мог бы показаться вкусным даже мне, если бы его не перебивали многократно усиленные жарой и духотой ароматы прокисшего пива, пота и портянок не первой свежести. Народу и правда было не продохнуть: все места были заняты. Люди сидели на скамьях вокруг потемневших от грязи и пролитого пива столов, стояли у стен, были даже те кто уже и лежал на полу среди стоптанной соломы.

Шум, ор, смех, чавканье и хрюканье стояли такие, что вызывали звон в ушах. Однако грубый и низкий женский голос с характерной хрипотцой заядлого курильщика без труда заглушал весь этот гвалт.

Я с грустью покосился на мелькающие в руках приезжих старые, погрызенные многими поколениями гостей деревянные ложки и даже на секунду усомнился, а так ли я голоден? Может ну его, к вечеру буду в Вестборне, там и поужинаю? Тем более тут свинина. С другой стороны пробудившийся от оцепенения желудок яростно требовал наверстывать упущенное.

За стойкой возвышалась пышная женщина с трубкой в зубах, из числа тех кто прочно стоит на ногах. Тот самый случай когда хозяйственную хватку можно было определить по телосложению: казалось на её гордо выдающуюся грудь можно поставить кастрюлю с похлёбкой словно на поднос и не бояться что соскользнет. Почтенная госпожа Хельга как раз послала своего собеседника куда подальше, за тем внимательно скользнула по мне взглядом, на вскидку прикидывая мою платёжеспособность. И, видимо, решила что она довольно низкая.

— Тебе чего, увеченный?

— Еды, разумеется. Мяса с гарниром, травяного отвара, и хлеба.

— Только голубятина есть.

— Сгодится, — кивнул я, печально сообразив что свинина, видимо, для герцога с его людьми.

— Два медяка, — трактирщица сказала это таким тоном, будто огрызнулась, а не цену сообщила. Казалось она ожидает что я сейчас развернусь и уйду.

Я молча достал кошелек.

— Еля! — крикнула в сторону удовлетворённая хозяйка. Тощая девица с затравленным взглядом выглянула из двери за стойкой. — Жареного голубя, каши, хлеба и травяной отвар вот этому калечному! Живее!

Кухарка исчезла так же быстро как и появилась. А грубоватая тётка тут же потеряла ко мне интерес, переключаясь на склоку с очередным новопривывшим купцом, требующим место для его лошадей.

Надо отдать должное: обед подали быстро. Видно из-за обилия гостей хозяева готовили наперёд. Голубь и впрямь оказался неплох для трактирной стряпни. Даже не слишком подгорел, ровно как и поданная к нему каша. Правда соли к ней не хватало, но тут уж во мне, откровенно говоря, говорила городская избалованность. В Столице соль давно была в каждом доме, а за последние годы жизни в Нордвике ремесло приносило мне достаточно, чтобы позволять себе небольшую роскошь в виде специй к обеду. Хлеб тоже был свежий, даже ещё тёплый, а вот травяной чай явно варили из тысячелистника с полынью. Иначе объяснить этот горький вкус было невозможно — видимо, запасы трав поприятнее иссякли. От этого становилось немного тоскливо. В то время как по всей Империи простонародье отдавало дань элю, а дворяне — дорогим винам, я предпочитал чай. И хороший чай, как иным — бокал креплёного, был властен улучшить моё настроение в почти любой ситуации. Или испортить, если в чаше с чаем насладиться было нечем. Вот как в этой например. Вот же пропасть... Надеюсь в Вестборнской таверне с этим будет лучше.

— Ох, да сколько ж повторять! — повышенные тона выдернули меня из сладких грез о отваре из смородинового листа. — Который раз говорю, нету сейчас места в конюшне! Нету, хоть ты тресни! Мало того что ярмарка, так к нам Его Светлость с сопровождением явиться изволили! Так что нету мест! Нету! А лошадей ваших привяжите у ворот, пить им скоро принесут.

Её собеседник, поджарый обветренный тип в лёгкой кожаной куртке, коротко солдатски стриженный и с таким угрюмым лицом будто улыбаться он просто физически не умел, как раз подошёл к стойке слева от меня. Нас разделяла парочка крестьян, мирно дожёвывавших свой обед, но его жёсткий требовательный голос был слышен очень отчётливо:

— Женщина, мы здесь по службе. Лошади всего две, и уже через час нам нужно снова

нарезать круги по окрестностям. Мне не нужны стойла. Поставить в тень. Напоить. Задать корма. Полить водой. Незамедлительно.

— Слушай, родимый: я тебе не волшебница, и наколдовать того чего у меня нет не могу.

— Скверная шутка, — ответил угрюмый. — Смотри, а то расценю её как чистосердечное.

Он протянул толстой Хельге загадочный свиток, на мгновенье блеснувший позолотой в трепещущем свете свечей. Хм, странно. На вид выглядел как наёмник, но видимо птица покрупнее.

Следопыт?...

Трактирщица развернула свиток и побледнела точно пергамент.

— Простите, господин! — её голос мигом стал в разы приветливее и тише. На лице читалась откровенная паника. — Сейчас все устроим, глазом не успеете моргнуть! На заднем дворе поставим, накормим, в порядок приведём, не извольте...

— Захлопни рот и делай своё дело, — оборвал её таинственный посетитель, который нравился мне всё меньше и меньше. — Две порции мяса, две пинты эля и хлеб.

— Может быть стоит вам пройти в зал для дорогих гостей? — заискивающе предложила трактирщица.

— Лишнее, — отрезал угрюмый. — Обед прямо сюда, лошадьми заняться немедленно. И вот ещё:, не появлялся ли на днях вот такой человек?

На стол перед Хельгой лёг лист бумаги, добытый постояльцем из нагрудного кармана. Трактирщица удивлённо всмотрелась в него.

— Примерно шести футов ростом, среднего сложения, на вид лет двадцать пять. Тёмные волосы чуть ниже плеч, чуть вытянутое лицо, светло-серые глаза. Есть особая примета — свежий ожог на правой стороне лица.

Эх... с голубем расставаться было жаль, с местным чаем — не очень, но еще на фразе про глаза кабатчица покосилась в мою сторону. А про ожог я уже слышал постольку поскольку, ибо у меня совершенно внезапно появились неотложные дела во дворе.

Главное — пока это возможно идти тихо, как ни в чём не бывало, привлекая к себе как можно меньше внимания. Желательно — через самую гущу народу. Шансы-то невелики. Выиграть время, то есть буквально несколько секунд. А потом... чёрт его знает что делать потом.

Двух лошадей, он сказал, да? То есть их тут, как минимум, двое. И разрядку на поиски меня им, очевидно, выдали. Когда только успели? Голубиная почта? Гонцы? И... серьёзно? Я теперь что, взаправду должен держаться подальше от человеческих поселений? Чёрт, чёрт, чёрт! Официального-то повода для ареста у них нет! Я даже пальцем никого не тронул! Намерения не в счёт. Впрочем, власть имеющим нет дела для законов.

Позади послышался голос Хельги:

— Так вон же!...

Я не останавливаясь миновал толпу нетрезвых хуторян, столпившихся вокруг одного из столов прямо на пути.

Буквально за ними маячил заветный дверной проем, шагах в десяти.

Протолкнутся, приблизится...

За спиной послышалось оживление, возмущение и вскрики расталкиваемых людей.

Спокойно. Успею. Должен.

Еле протиснувшись между лысеющим полным фермером и крепкой спиной какого-то

работяги, я неожиданно столкнулся лицом к лицу со вторым преследователем. Я понял что это именно он по взгляду — не удивленному, не возмущенному, а полному внезапного прозрения. "Милостивый Император, это же тот парень!" — на мгновение застыло в его глазах, прежде чем в него влетел невинно шатавшийся в шаге от меня пьяный хуторянин с кружкой эля в руках. Не по своей воле, не к моей чести будет сказано. Бедолага на ногах не устоял и второй следопыт под его тяжестью повалился на пол, даруя мне драгоценные секунды.

— Держите его! — не знаю что взбрело в голову Хельге, видимо решила выслужиться перед властью имеющими.

— Слыхали? Держите его! — я на удачу ткнул пальцем в копошащихся на полу среди грязной соломы упавших.

Сработало. Не вполне понимающие что происходит мужики кинулись было не то рейнджера хватать, не то своего друга поднимать на ноги, даруя мне еще несколько спасительных секунд.

Их бы хватило, выход был уже совсем близко. Всего осталось несколько шагов, перейти на бег...

Но над залом разнесся громкий властный крик:

— Именем Императора, закройте двери! Никому не выходить, никому не двигаться с места!

Кто-то очень расторопный поспешил захлопнуть дверь, и сейчас как раз фиксировал засов.

Боги, нет... только не это, только не вот так! Я же почти ушел, что делать теперь? Драться?

Провальная идея, я на своей шкуре ощутил что одно дело — уличная драка с пьяными соседями или мелкими воришками, и совсем другое — иметь дело с боевой силой инквизиции, следопытами, боевыми братьями или, не приведи Боги, корпусом паладинов. У меня нет шансов. Так что первое про что нужно помнить — это дистанция. Необходимо во что бы то ни стало держать дистанцию. Да.

И как её держать? Что делать? Дверь закрыта, народу уйма, их двое и они на законном основании сейчас могут приказать всем этим людям разорвать меня в клочья.

И сделают это.

Без сомнений.

Повинуясь вдохновению, резко последовавшему за внезапно возникшим желанием жить, я рванул с пояса кошелек.

— Мужики, чья монетка? — и множественный звон ударившихся об пол кругляшей заполнил напряжённую тишину в помещении.

Крестьяне и работяги ещё не до конца поняли кого тут нужно ловить, за то очень быстро сообразили что медяки — самые настоящие, и выбор между ловлей меня и поиском денег стал очевиден. Люди кинулись шарить по полу в поисках монет, толкаясь, сбивая друг друга с ног, падая и ругаясь. Кое-где довольно быстро завязалась настоящая драка.

В нарастающей потасовке я буквально пробился к единственному выходу — двери в зал для знатных господ. Там стояла пара вышибал, один из которых всё же не устоял перед искушением, и сейчас боролся за монету с каким-то сельским мордоворотом. Второй, старше и опытнее своё дело знал и пост не оставил, однако внимание его было приковано к напарнику. В оглушительном шуме драки он что-то кричал, видно пытался вразумить

товарища, но тщетно.

Я метнул в охранника прихваченную с ближайшего стола кружку. На удачу кидал, но противник обратил на меня внимание мгновением раньше, поймав посудину на лету. А вот бутылку с вином, ушедшую сразу за кружкой, поймал уже лбом. И рухнул, освобождая дорогу в малый зал.

Лестничный пролет в пять ступеней я проскочил на одном дыхании, дверь выбил с нахрапа. По глазам резануло с отвычки — светлое проветренное помещение, резко контрастировало с полумраком общего зала.

Окна! Большие, открытые настежь окна! Но между мной и свободой стоял длинный ряд составленных столов, за которым восседал юный лорд Джонатан Аддерли со свитой и личной охраной, общим числом человек пятнадцать.

Вся эта компания с непониманием и негодованием обернулась ко мне в ожидании объяснений.

— Ваша Светлость! — я запыхался не на шутку, что очень хорошо сработало на образ. Ровно как и шум нарастающей драки за спиной. — Там люди подняли бунт!

— Что? — опешил юноша, подсакивая с места.

— Бунт, ваша светлость! — меня продолжало нести по волнам вдохновения. — Недовольны тем что ваши лошади заняли конюшни! Скоро ворвутся сюда!...

— А ну назад! — моментально скомандовал мне пожилой рыцарь с бакенбардами, и двое помоложе оттеснили меня в сторону. К окнам. Видимо разобраться со мной они планировали позже, когда поймут что происходит.

Без сомнения, мой блеф был раскрыт максимально быстро. Но уже без меня, потому как к тому моменту как слуха лорда Аддерли достиг крик «именем Господа и Императора нашего, с дороги!», я уже поднимался на ноги во дворе. Упал не очень удачно, отшиб себе всё что мог, но кажется, цел.

Ага, молодец. И что теперь? Забитый утомленными лошадьми внутренний двор, а за воротами — пяток домишек посреди, мать их, бескрайних пшеничных полей! Спрятаться особо негде, прочешут местность и найдут.

Проклятье, должен же быть какой-то выход...

Я припустил через двор, лавируя между уморёнными жарой коняшками. Лошадь... нужна лошадь, но даже она не гарантирует что от погони удастся уйти.

Вопли из распахнутых окон смешались за спиной в единый шум, но приземлившегося на землю следопыта я почувствовал затылком. Почти бесшумный, он-то не тратил время на бесполезные призывы остановится именем закона, и без единого лишнего движения скользнул за мной. Быстрый. Опытный. Точный.

А я...я только мысленно извинился перед бедными лошадаками, которые в целом-то ничего не сделали.

И запустил в ближайшую яблочком из мешка.

Попал точно в круп.

Двор сотрясся от перепуганного ржания, которое непроизвольно подхватили соседки пострадавшей, уже во всю рвущей удила и наобум пытающейся лягнуть неведомого злодея.

Окрыленный неожиданным успехом я прицельно швырнул вторым яблочком в другую коняшку, а за тем ещё и ещё. Давно взвинченные теснотой и нервными людьми животные ржали и бились на привязи. Паника стала походить на разрастающийся пожар...

Надеяться на то что они ненароком зашибут ищейку не приходилось, но время я

определённо выиграл.

Да какое, в Бездну, время?! Время на что?! В пшенице схорониться? Зарыться в землю? Тут же за воротами по сути ничего нет кроме...

...кроме лошадей, которым просто не хватало места во дворе.

Их было штук пять, видимо ожидавших когда конюшие займутся ими. Те самые конюшие, которые как раз пробежали прямо передо мной в эти самые ворота, разбираться что случилось.

Короче, грех был не воспользоваться шансом.

Три лошади уже во всю бесились вместе с собратьями за забором. Ещё две тревожно озирались, но стояли относительно спокойно, сразу выдавая хорошую выучку. Я метнулся к ближайшему, серому в яблоках, производившему впечатление наиболее спокойного из всех.

— Тихо, мальчик! Хороший мальчик...

Конь настороженно посмотрел на меня. Только бы не испугался...

— Славный мальчик... держи вот...

Я вовремя сообразил что сжимаю в руке очередное яблочко. Конь потянулся к моей ладони, смешно оттопырив губу. Воспользовавшись случаем я доверительно погладил его по морде. Первый шаг был сделан.

Пока я торопливо отвязывал его от стойки, конь тыкался носом мне в спину, пытаюсь унюхать есть ли у меня ещё. Есть, есть... я отдам тебе их все, а потом соберу в десять раз больше и тоже отдам, только поехали отсюда!

В седло я взлетел с триумфом, наивно полагая что расположение скакуна уже получил. В самом же деле, у меня не было времени ни на длительные ухаживания, ни на рассуждения о лошадиной любви.

У меня вообще ни на что больше не было времени, судя по властному командному голосу за забором.

Но конь вдруг решил что сесть на него было лишним с моей стороны и взбрыкнул так, что я чудом не перелетел через его голову в утоптаный грунт.

— Ах ты скотина...

Скотина в ответ встала на дыбы, попытавшись катапультировать меня в другую сторону. На этот раз я был готов к этому и потянул удила. Удержался. Ударил пятками по бокам, но на эмоциях не рассчитал силу. Конь перепугано сорвался с места в галоп.

Первые минуты я пытался просто не упасть. Мне не больно-то часто приходилось ездить на таких скоростях, а в таких условиях — вообще никогда. Потом понемногу приспособился, и даже сумел повернуть скакуна в нужную сторону.

Итак, я украл коня. Уставшего, только что прибывшего по жаре, нерассёдланного коня, что смахивало на приговор. Ему скорее всего даже воды нормально не дали попить. Долго ли он сможет держать такой темп на этой жаре?

И кстати, вот конокрадство уже считается полноценным преступлением. Даже официальный повод для задержания есть.

Погоня? Погоня — будет. Если обернутся назад, то в районе таверны на дороге уже происходит какое-то шевеление, правда непонятно: это люди на лошадях, или лошади отдельно от людей, и что там вообще делается?

Чтобы не было — обольщаться не стоит. Следопыты именем Императора сейчас поднимут всех кого можно, заезжих рыцарей так точно, и у нас с уставшим конём не будет шансов. Единственное что их задержит — это всеобщая лошадиная истерика.

Но пока — стремительно мчим на северо-запад, в той стороне виднеется какой-никакой лесок, а бесконечные возделанные поля наоборот, сходят на нет.

Вот же чёрт... как бы так оторваться от них чтоб насовсем?

Дорога повернула, наконец скрывая меня от Перекрёстка небольшим леском. Уже что-то. Посмотрим куда кривая выведет.

Поворот.

Деревья, деревья, деревья.

Ещё поворот.

У дороги появляется небольшой уклон.

Конь уже заметно хрипит.

Ещё небольшой поворот.

Дальше — дорога выравнивается и ведёт на каменный мост через небольшую речку, футов двадцать шириной. А дальше, за мостом — снова перелесок и поля-поля-поля.

Я редко потянул удила, и сбитый с толку конь остановился, вновь поднявшись на дыбы. И я бы непременно вылетел из седла, если бы ноги не свело от напряжения на его боках.

Дурацкая идея. Вообще дурацкая. Попадусь как идиот последний, но в полях у меня шанса точно нет, а так — хоть какие-то. Дно у реки гравиевое, вода мутная — может и выйдет чего. Всё впрочем зависело от того сколько у меня времени и как далеко я успею уйти.

Так что прости, серый, придётся тебе немного промочить ноги. Спускаемся.... Не туда спускаемся, эй! Сюда, да, по камням, чтоб меньше следов оставлять, за тем — сюда, а теперь вот так, в воду. И снова вперёд, вниз по течению. Быстрее, быстрее, быстрее, до того изгиба, где речушка резко сворачивает к югу.

Видимо, от прохладной воды конь приободрился, и у него открылось второе дыхание. Мы свернули вместе с речушкой, пытаюсь угнаться за её течением.

Я бросил последний взгляд на мост перед тем как он скрылся из виду.

Пусто.

Знать бы какие у меня шансы? Небольшие, к гадалке не ходи. Гончие псы Императора как правило специализируются на выслеживании и поимке людей намного более опытных в делах заметания следов, а я — дилетант, и жизнь меня к такому не готовила. Вычислят куда я свернул, это просто вопрос времени.

Впрочем, теперь я во всяком случае скрылся из виду.

А вот конь через пару миль начал таки сдавать, устало переходя на рысь. За тем на шаг. А потом — вовсе остановился. Он устало храпнул и опустил голову чтобы напиться.

Я спрыгнул с его спины, оказавшись в воде по щиколотку. Гнать беднягу дальше было бесчеловечно, тем более я волей-неволей был обязан этому красавчику за шанс, который он мне предоставил. Оставить его здесь всё-таки, а самому уйти руслом по течению до Валлейского Леса? Это ведь он, кстати, впереди, если мне не изменяет память? В лесу проще спрятаться, или сложнее? Если подумать, то вроде бы и легче, но что я вообще знаю о Братстве Следопытов, которыми они себя окружили?

Одно точно: нельзя надолго здесь задерживаться.

Они найдут. Придут. Я ничего не смогу противопоставить им.

Уставший конь жадно пил, и отрывать его от этого занятия было бы жестоко. Постоянно оглядываясь в ту сторону откуда мы пришли, я наскоро обшарил седельные сумки. Не зря: ко мне в котомку перекачевали баклага с водой, галеты, солонина, мешочек с

орехами, сменная нижняя рубаха и штаны из добротного льна, стопка бумаги, несколько грифелей, перочинный нож и небольшой хлыст с характерной эмблемой.

Мда, не просто коня свёл, а ещё и следопытского. Блеск, что сказать...

Поток моих торопливых мыслей внезапно прервался мягким и настойчивым тычком в бок. Я успел было подготовиться к схватке насмерть, но в следующую секунду напившийся конь таки учуял откуда пахнет яблочками, и потянулся носом к котомке.

Ох... да. Точно. Он ведь действительно заслужил.

— Вот, держи.

Серый с восторгом собрал с моей ладони три мелких плода, причём так жадно что едва не отхватил мне пальцы за одно. Ещё не дожевав последнее он вновь требовательно ткнулся в меня мордой. Мне было не жалко, скорее наоборот — радостно что хоть куда-то сгодится эта кислочая гадость. Серый во всяком случае, остался в восторге.

— Слушай... Я понимаю что ты устал, но нам нужно срочно убираться отсюда. Так что давай, последние три и поехали!

Пока он ел, я украдкой погладил его по морде. Конь отреагировал на это благодушно, из-за чего мне по наивности показалось, будто мы всё-таки пришли к некому взаимопониманию. Однако по возвращению в седло я вновь едва не вылетел оттуда. Серый проходимец, видимо, был не против угощения или ласки, а вот везти меня куда то считал лишним.

— Таак, давай без фокусов, хорошо? — попросил я без особой надежды на понимание. И тронул серого с места.

Мы пустились дальше вниз по теченью лёгким галопом, стараясь держаться каменистого дна. Речушка вскоре вновь повернула к западу, в сторону лесных угодий. Место было уютное и живописное, особенно после однообразия возделанных равнин. Плакучие ивы росли на обоих берегах то тут то там, нависая зелёными космами над самой водой. Рядом с ними встречалась поросль кустов, более всего напоминающая диковинных зелёных барашков собравшихся на водопой. От речушки пахло тиной и илом, а в прибрежных зарослях осоки сновали стрекозы.

Жаль на сей раз насладится видом не получалось. Сердце бешено колотилось, и в каждом звуке чудилась приближающаяся погоня. Дело всё ещё плохо. Я всё ещё не ушёл от них, просто выиграл время. И полубессознательный страх из глубины требовал просто бежать прочь, бежать что было сил.

Не для того в конце концов я чудом вырвался из Нордвика, чтоб вот так глупо попасться. Но вот то что меня ищут следопыты, я даже предположить не мог. И неведомо каким чудом мы с ними разминулись в общем зале — тут уж, хвала забытым Богам, пронесло! А ведь был на волосок...

«Я знаю кто ты» — это Орф прошипел мне на ухо, пока я бессильно наблюдал за казнью.

Как? Да что ты там такое узнал, сукин ты сын? Я ведь даже Бригитте не называл имён, хотя, видят боги, нуждался в этом бесконечно.

А в самом деле, кто я? Мне как-то казалось что теперь, когда моей родины больше не существует, это больше не имеет значения. И я давно уже — Баи Финч, подмастерье из скорняжного цеха, а с недавнего времени — член гильдии вольных мастеров и соучредитель новой столичной конторы «Эванс и Финч». Ещё — добрый друг и сосед, а главное — любимый муж и приёмный сын. И не более того.

Иного я и не желал, с тех самых пор как смирился со статусом сироты. Но, видимо, чёртовы древние кланы и правда проклинают своих детей особой судьбой, и как бы ты не пытался её избежать.

Хорошо. Перестань паниковать и подумай логически:

Допустим, Орф каким то образом и впрямь меня вычислил. Допустим. Не могла же она ему сказать? Зачем ему было спрашивать? Его же в любом случае интересовала она, а не я. Сильно. Безумно. Безнадёжно. Настолько, что разум его помутился.

При мыслях об этом накатывал гнев. Такой, от которого в глазах мутнеет. Злой и бессильный. Не то на ненавистного сановника, не то на себя самого.

Я должен был предвидеть это раньше, почуять, понять, забить тревогу и попросту выкрасть Бригитту из дома — плевать бы на её отца, все его условия и родительские благословения, решили бы как-нибудь потом... Я же помнил как наш нордвицкий лорд-защитник всерьёз пытался свататься к господину Льюису. Видел, с какой тоской и мукой он глядел на неё. И как в одночасье невзлюбил меня.

В городе про господина Жакомо Орфа многое говорили. Он, де, происходил из древнего столичного рода Орфов, духовников и служителей Императора, таких что занимают в имперской инквизиции едва ли не все начальственные саны. Однако этот конкретный Орф чем-то скверным навлек на свою голову гнев Её Преосвященства. Он был снят с должности в Столице и сослан с глаз долой в спокойный провинциальный Нордвик, дабы возглавить местное отделение серых братьев. Этот человек... всегда такой властный, сдержанный, смотрящий на нас, горожан, как на вшей... в нём всегда чувствовалась ненависть к нашему городку и каждой собаке что живёт в нём.

Что тут сказать... Его дом, близкие, предметы роскоши, статус — всё это осталось там, в Столице. Ссылка в глубинку, должно быть, для него была смерти подобна. Серость, грязь, глупость....

А тут — она. Бригитта Льюис. Дочь зажиточного купца, тонкая, белокурая, художница, неземное создание не от мира сего. Она выделялась на фоне остальных горожанок как орхидея среди ромашек. Должно быть он видел в ней то эхо изысканного великолепия, которое окружало его раньше. Да уж, к ней сложно было остаться равнодушным. Я в целом очень хорошо его понимал, и было время даже жалел бедолагу, дурак.

Но что он может дойти до убийства...

Вспоминалось, как этот человек читал приговор. Как нездоровым блеском лучились его глаза, а на лице играла полубезумная улыбка. Как тряслись его руки, нервно сжимающие свёрнутый пергамент и этим нелепым обвинением. Ведьма. Ведьма и преступница закона, приговаривается к смерти через очистительный огонь.

Никто не посмел ничего сказать. А я... чёрт меня подери, я вернулся в этот самый момент, ни секундой раньше, словно в какой-то дурацкой театральной трагедии.

О чём я только думал когда рванулся её вытаскивать? Что я вообще мог противопоставить храму и его «правосудию» в одиночку, против десятка тренированных, закованных в латы паладинов? Чем ещё кроме избиения, «падения» лицом в угли, плети и суток в колодках это могло закончиться?

В памяти алчной пастью самой Бездны вспыхивал треклятый костёр, скорчившаяся в агонии девичья фигура в самом его сердце. И с этим — пульсирующая, жгучая, застилающая разум боль на пол лица, крепкая хватка рук закованных в сталь, и эта фраза:

— Я знаю кто ты.

Кто же?

Ручей очередной раз повернул к западу, и правый его берег стал ощутимо выше. Сначала изредка, потом всё чаще и чаще помимо ив стали попадаться деревья посолиднее. Поля наконец остались позади, а впереди, все выше и выше, тянулся кронами к небу Валецкий лес, излюбленные охотничьи уголья герцога Аддерли.

К тому моменту когда путеводная речушка встретилась со второй, побольше, бедный серый конь перешёл на шаг. Новая речка словно бы врезалась в гущу деревьев и прокладывала себе путь через них дальше, на запад. Русло было шире и ощутимо глубже её притока, вода была откровенно мутной, а берега — илистыми. То есть, похоже, нам с рекой больше было не по пути.

Оно к лучшему. Я устал оборачиваться назад. Их как минимум двое, а я — один, и местность здесь крайне неудобная для столкновения лицом к лицу.

Чего не скажешь о лесе. Столетние вязы величественно возвышались над потоком, взрывая могучими корнями глинистый берег. Толстые серые стволы их, крепкие и могучие, разделяясь на множество массивных ветвей покрытых густой листвой. Под их тенью отчаянно боролся за жизнь подлесок, полуиссохший и чахлый.

Но главное — лес обещал какую-никакую защиту. Или же я просто хотел в это верить — больше-то надеяться было не на что.

Серый вновь жадно припал к воде. Он хрипел, тяжело дыша, бока его вздымались и опускались в изнеможении. Было ясно что предел бедолаги близок, и заставлять его сделать ещё хоть один шаг было бы бесчеловечно. Он как-никак только что спас мою шкуру, и заслужил отдых.

А значит, время расстаться и с ним.

Я мысленно пожелал ему удачи и спешился.

Всё вокруг наполнилось звуками. Журчанье воды, свист ремизов, плеск каких-то местных рыбёх... стук копыт в отдалении? Нет? Это чудится мне или взаправду? Погоня должна быть, обязана быть, но и слух начинает играть со мной злые шутки. Впрочем, нет времени проверять, нужно лезть вверх и хотя бы попытаться затеряться в лесу.

Однако как только я начал взбираться по корням на крутой северный берег, появился некий новый нарастающий плеск. Ещё далёкий, но чёткий, явственно давая мне понять что две минуты назад мне и правда мерещилось.

За то теперь — нет.

Схватится, подтянутся, взобраться, ещё немного... и вот он, спасительный полог леса. Маленькая страна чудес, где при должной доле сноровки и удачи, у меня появляются шансы оторваться от них.

Я нырнул под сень деревьев. Бежал осторожно и быстро, стараясь уйти как можно дальше.

Только не вдоль реки, нет — на север, в чащу. Петляя через кустарники, по слежавшейся прошлогодней листве, игнорируя усталость и сбитое дыхание.

В какой-то момент неудачно оказался в зарослях шиповника: одна из ветвей хлестнула меня по лицу, в аккурат по заживающей правой стороне. Я инстинктивно зажмурился чтобы сберечь глаза, буквально на секунду, и слишком поздно понял что почвы под ногами больше нет.

И рухнул в овраг примерно в человеческий рост высотой.

Проклятье, нога... нет, нет, только не сейчас! Вставай. Даже если она сломана —

вставай и беги, плевать как ты это сделаешь.

Первый пробный шаг дался с некоторым трудом, второй и третий — легче. Хорошо. Это хорошо. Значит все-таки не сломал, значит не все потеряно.

Нужно успеть отойти как можно дальше. Пробраться по дну между папоротниками, до торчащих из отвесного склона корней на другой его стороне. По корням — наверх, до того места где вновь можно встать на ноги, а за тем — выше по склону лесистого холма. Казалось, стоит перевалить за его вершину, и я выиграю эту гонку, но под сапогом что-то предательски скользнуло. Всё что я успел — схватиться за ближайший хвощ чтоб не скатится вниз и торопливо переползти за ствол ближайшего дерева.

Ну всё... плохи мои дела. Далеко ли я смогу уйти при прочих равных?

Значит осталось одно — вытащить арбалет, зарядить болт. Игнорировать ноющую боль в ноге. И ждать.

От напряженного наблюдения за противоположным берегом оврага вскоре защипало в глазах, а пальцы на спусковом механизме свело, но я опасался упустить момент или лишний раз шевельнуться.

Они здесь. Я знал это. Они поблизости. Они придут. Иначе быть не может...

Сколько времени прошло? Минута, десять, пятнадцать, или целый час? Да где же их носит? Вы что, не разглядели след своим особенным мистическим зрением? Или оно всё-таки миф? Или это я разучился чувствовать время?

Ну же, где вы? Подбираетесь со спины?

Погодите ка...

Я резко обернулся к вершине холма. За тем направо и налево вдоль по его склонам.

Никого.

А это тяжёлое чувство, будто меня кто-то разглядывает — это что, чутьё или просто нервы настолько меня подводят? Там ведь пусто, мне же не кажется? Верно ведь? Верно?...

Со стороны оврага послышался глухой удар металла о древесину. Негромкий, но такой отчетливый, словно был в шаге от меня. Внутри все застыло. Кусты на той стороне шевельнулись, что-то треснуло снова, будто кто-то прорубал себе путь коротким мечом. Удар, ещё удар, несколько крупных веток упало в овраг. А за тем у края обрыва появился тот угрюмый тип из «Перекрёстка».

Я невольно закусил губу от напряжения. Какой удивительный шанс....

Помнится, мне доводилось на охоте снимать дичь с первого раза на расстоянии в несколько раз дальше. А он стоит как на ладони. Нужное расстояние, нужный момент...

Мой преследователь замер у обрыва, подобравшись как перед прыжком, явно готовый к любой неожиданности. Он еле заметно повернулся и взгляд его устремился в мою сторону.

Вычислил?

...без движения, словно дуэлянт против соперника. Казалось в следующий момент он сорвётся с места, и...

Стреляй. В Бездну всё, стреляй! Стреляй же, что же ты?!..

...но он задрал голову, словно пытаюсь высмотреть что-то в ветвях моего укрытия.

Всё-таки не вычислил?

Следопыт отвёл взгляд от моего дуба, и стал рассматривать соседний, столь же внимательно, от корней до верхушки. А за ним и вовсе — вяз где-то в другой стороне. Из кустов за его спиной послышался негромкий оклик. Голос был молодой, и, видимо, принадлежал тому, второму. Старший обернулся и негромко что-то ответил, делая шаг назад,

в заросли.

Вот и чудно. Вот и убирайся отсюда. Разворачивайся и проваливай, и напарника своего забери.

Не хочу я тебя убивать.

Кусты замерли. Стук клинка о ветки послышался в отдалении, а после — затих. Остались только шелест листвы и редкий птичий щебет.

Я облегченно облокотился спиной на шершавую кору. Пошевелил ногой. Болит, но терпимо, в целом ходить вполне можно. Судя по всему — просто подвернул при падении. Перетянуть тряпицей потуже и дело с концом.

Это было похоже на чудо, но моё укрытие обнаружили только комары. А преследователи только что ушли обратно. Не знаю уж, за лошадьми, или это какой-то маневр, но если убираться отсюда — то сейчас самое время.

Стараясь держаться в тени, под прикрытием древесных стволов, я осторожно двинулся вверх по склону, глубже в чащу, стараясь как можно скорее исчезнуть с линии обзора. Вскоре овраг скрылся внизу, за стволами ещё молодых, но уже очень высоких деревьев.

Вершина лесного холма встретила меня золотистыми лучами вечернего солнца. Жара под пологом леса становилась мягче, а воздух наполнялся запахами лесной подстилки и прогретой за день коры.

Вниз шагалось намного легче и быстрее, а впереди простирался целый лабиринт из ложбин, бугров, кустарников и поваленных стволов. То что нужно чтобы хорошенько затеряться. Напряжение помалу отпускало, уступая место головокружению и какой-то совершенно нечеловеческой жажде. Нога ныла, пальцы рук все ещё мёртвой хваткой сжимали арбалет, но это уже было не так важно.

На этот раз я улизнул от них. И впредь буду осторожнее.

Лес как ни в чём не бывало жил своей жизнью: вокруг перекрикивались какие-то птицы, летали мошки, пахали серые невзрачные мотыльки, в траве мелькали тонкие хвосты удирающих ящериц. Один раз даже попалась лиса, тут же, впрочем, скрывшаяся в папоротнике.

Я шёл и понуро думал что мечта остановится на ночёвку в Вестборне пошла прахом. Там теперь вообще, судя по всему, лучше не появляться. И куда теперь, при учёте что меня ищут?

Да в целом-то понятно куда — дальше на северо-запад, пока не выйду к Бравоне или дайнспортскому тракту, пересекающему Вaleyский лес к северу отсюда. А там... Бравона — река судоходная, и по ней из Дайнспорта вполне можно добраться до самого Блэкшира и пограничных земель. Интересно, грузовые корабли Бравонской Судоходной Гильдии берут пассажиров? Или может удастся найти попутчиков попроще?...

Планы-планы... для начала-то нужно пройти через лес. Огромный заповедный лес находящийся в личном владении герцога Аддерли. С волками, медведями, дикими кабанами, а то и чем похуже, на вроде самого герцога.

К слову говоря, а лорд Джонатан не сюда ли направлялся? Что-то не верится, что он ехал в Вестборн на ярмарку. Не хватало ещё на него наткнуться, а то, боюсь, у него будет ко мне пара вопросов.

Впрочем, герцогский сынок со всей своей свитой — это и вполнину не так страшно как чёртовы инквизиторские ищейки. У меня против них шансов нет, тут я не строил иллюзий. Говорят, в корпус следопытов забирают младенцами, и с тех пор каждый божий день, до

самой старости, они до совершенства оттачивают мастерство выслеживать, достигать и убивать, даже голыми руками, если потребуется. Говорят, они знают множество секретов боя, тщательно хранимые за стенами форта Ройберг, вотчины следопытов в Седых Горах, и способны застать врасплох даже самого опытного бойца. А ещё говорят, что призвавший их на службу Император, треклятый лжебог и деспот, наделяет своих верных псов божественной силой — видеть сокрытое, обездвиживать касанием, ходить по воде, читать мысли...

Как узнать что из этого — правда, а что — страшилки для простонародья? Что ожидать от этих людей? Что вообще могу противопоставить им я, почти всю свою жизнь оттачивавший до совершенства владение грифелем, гравёром и пробойником, а не кулаками? Не сказать, конечно, что я ничего не стоил в драке — стоил, и не раз это доказал. Но то были простые смертные — пьяницы, должники, задиристые ребята из трущоб просто не понимавшие иного языка, пару раз даже разбойники — всякое бывает в дороге, если иногда приходится путешествовать с купцами. Но не думаю, что мне это поможет при встрече лицом к лицу с гончими псами Императора.

«Я знаю кто ты, поганый недобиток. Всё думал, почему мне так знакома твоя смазливая рожа? Потрясающе... Чья-то роковая оплошность. Мой счастливый случай»

Счастливый случай... И что ты со мной сделаешь если поймаешь, Орф? Подаришь Её Преосвященству и Синоду, чтоб они реабилитировали тебя и вернули сан кардинала? В целом похоже на то.

Другой вопрос — а поделился ли лорд-защитник этим знанием с кем-либо, или пустил псов по следу вслепую? Ведь если задуматься, дело это опасное... охочих на повышение и выслужиться в рядах серых братьев найдется превеликое множество, и из уважения считаться с опальным кардиналом вряд ли кто-то станет.

Что бы я сделал на его месте? Наверное отправил бы погоню и разнарядки в соседние области голубиной почтой, где упирал бы на важность и срочность, но не называл бы истинных причин. Возможно так. А может и нет. В любом случае: кто-кто, а господин Орф знает как правильно вращать колёса этого механизма в нужную сторону.

Дорога была длинная. Подлесок совсем зачах, а деревья вокруг стали больше и старше. Время от времени попадались сосны, сначала изредка, а потом всё чаще и чаще. На земле здесь царствовали папоротник, хвощ и крошечные кустики черники, едва возвышающиеся надо мхом.

Лес, казалось, не обращал внимание на случайного путника, словно меня и не было здесь вовсе. А я, в свою очередь, старался не тревожить его попусту. Ну, насколько мог — задача была не из лёгких.

Неприметная кочка у корней оказалась зазевавшейся тетёркой с выводком, тут же исчезнувшей вместе с подростками птенцами в ближайших зарослях ежевики.

Другой раз, на вершине одного из лесных холмов прямо передо мной прошла группа оленей — самки, детёныши и крупный старый самец с ветвистыми рогами. Он ненадолго замер, и, как мне почудилось, посмотрел в мою сторону. Потом, вожак словно бы что-то решил для себя, потерял ко мне интерес и скрылся из виду вслед за своим гаремом.

Я двинулся дальше только дождавшись, когда они уйдут.

Ещё была рысь, совсем молодая и бесстрашная, некоторое время следовавшая за мной в отдалении. Был деловитый ёж, копающийся в поисках червей, не придавший значения моему присутствию. Был хорёк, встревоженно замерший среди ветвей. Была некая серая мама-птица, старательно чирикающая летавшая с ветки на ветку в истовых попытках увести меня как можно дальше от её гнезда.

А ещё был взгляд, внимательный и недобрый. От него неприятно щекотало между лопатками, но сколько бы я не оборачивался — всё было тщетно.

Среди деревьев никого нет.

А ощущение — есть.

Ощущение настороженного взгляда могучего существа, решившего взглянуть, кто осмелился вторгнуться в его владения. Внимательный, изучающий, почти осязаемый. Нечеловеческий — звериный. Крупного могучего зверя, который ничего не боится и находится в своих правах. А я для него — чужак, и убить меня или оставить в покое — он ещё не решил.

Это было похоже на какое-то помешательство. Я осторожно брёл вперёд, а невидимый зверь шёл за мной по пятам, подходя всё ближе и ближе. Казалось, он уже в пяти шагах, и будь он из плоти и крови — я бы слышал его медвежье дыхание.

В том, что выглядит Зверь как огромный медведь не возникало сомнений. А вот в том, что я не схожу с ума сомнения были, и ещё какие.

— Я с миром пришёл, — сказал я и остановился, повинувшись какому-то внезапному внутреннему порыву. Надеюсь, оно понимает язык людей. Или, во всяком случае, может почувствовать истинные намерения. — Дозволь мне пройти через твой лес. Я никого не трону и не обижу.

И замолк, тщетно надеясь уловить хоть какой-то ответ.

Ничего не поменялось. Массивный, невидимый глазу зверь так и стоял будто бы в пяти шагах от меня, и наблюдал.

Эх, ладно... Я сделал всё что мог, как бы глупо это не выглядело со стороны. Если это и

впрямь какой-то лесной дух, то не убьёт же он меня своими призрачными когтями в конце же концов? А если это моё разыгравшееся воображение — то тем более. Будь что будет.

Меж тем солнечный свет стал превращается из рыжего в розовый, едва-едва окрашивающий самые верхушки деревьев. Внизу, между стволов, стала выползать из — под корней ночная тьма, а вместе с ней и все те обитатели леса, что предпочитали жить под её покровом. Птичий щебет умолк, сменяясь высоким писком летучих мышей. Где-то поблизости ухнул филин, а в отдалении послышался волчий вой.

Меня уже откровенно пошатывало от усталости. За спиной к тому моменту осталось, должно быть, все добрых пятнадцать миль, а лес всё продолжался и продолжался, и продолжался. По мере того как догорали последние лучи заката, нарастало ощущение тревоги. Будто сам лес с уходом солнца стал очень нерад мне, желая спровадить прочь. А вот незримый мой спутник наоборот, стал тревожить меня куда меньше, хотя всё так же следовал за мной по пятам. Видимо я успел смириться с ним в какой-то мере, чем бы он на самом деле ни был. И это скорее было хорошо. Хватит с меня страхов на сегодня.

Для ночлега я заметил раскидистый старый дуб с короной расходящихся в разные стороны ветвей. Влезть на него было не так просто, как казалось, да и сумка с вещами не облегчала дело. Пришлось подниматься туда-сюда дважды. При помощи пары фибул, иглы, джутовой бечёвки и какой-то там матери — я худо-бедно закрепил свой дорожный плащ между двумя добротными ветвями, и едва успел закончить к тому моменту, когда тьма стала непроглядной. Получилось этакое гнездо, относительно надёжное и даже неожиданно уютное. Я облегченно откинулся на него спиной. Боги, вот это да! Как же порой мало нужно человеку для счастья. Разве что съесть пару вчерашних пирогов да глотнуть воды.

Пока я добывал пироги из торбы на ощупь, в мою руку ткнулся раскисший за день на жаре кусочек тыквы, напоминая, что счастье можно умножить ещё одним способом.

В этот сладкий момент перед сном я не раз и не два помянул Стасью с супругом самыми тёплыми словами, которые знал. Правая сторона лица, правда, сейчас уже больше ныла, чем болела, но и эта остаточная боль вскоре ушла. А вчерашний пирог ничуть не утратил во вкусе и аппетитности. Впервые за последние недели я почувствовал себя сытым и почти довольным.

Засыпать вот так, на высоте, без какой-либо страховки, было немного боязно. Эх, знал бы что придётся так ночевать — придумал бы специальную сбрую с карабинами.

Впрочем, уже придумал. И мысленно поклялся себе соорудить такую на всякий случай при первой же возможности. Где бы только юфти добыть и кузнеца с пониманием дела. А дальше — вновь ощущать, как податливый материал превращается в ровные детали под лезвием резака, как обретает новую форму соответственно замыслу... Как на всё помещение пахнет дубильный состав, как молотки стучат по пробойникам во всем цеху, на множество ладов, как мягка на ощупь свежесделанная, еще чуть влажноватая яловка... Как привычен и безмятежен этот мир, мир надежной и доброй работы, где все просто и понятно. Там есть место и маленьким победам, и великим чаяниям. И кристально ясно, что будет завтра.

— Доброе утро, Баи.

Её голос вырвал меня из всепоглощающих объятий рабочего процесса. Несколько секунд потребовалось, чтобы перестать размышлять о тиснении на ножнах. И о том, что третий вариант узора — не самый удачный. Видно выдохся вчера в процессе, да и час был довольно поздний. Надо упростить. Или использовать первый. Пожалуй, лучше первый. Я рисовал его ещё до полуночи, пока не так сильно хотел спать.

— Доброе утро, госпожа Льюис! — я улыбнулся ей, тощей девушке с корзинкой в руках. Не мог не улыбнуться. С ней любое, даже самое мрачное и тревожное рабочее утро становилось светлее. — Что вас привело сюда так рано?

Бригитта с чересчур строгим для своих четырнадцати выражением лица поставила корзинку на верстак и скрестила руки на груди, словно почтенная матрона, собирающаяся отчитывать нерадивого сына. Выглядело это бесконечно мило.

— Я только что повстречала миссис Финч, — грозно произнесла она. — Она жалуется, что ты ничего не ешь уже третий день.

— Ой, да ладно! — досадливо отмахиваюсь — Это же матушка Финч! С её точки зрения если человек не выкатился из-за стола как мяч, то и он ест хуже некуда.

Бригг подозрительно прищурилась.

— Скажи честно, ты завтракал сегодня?

— Да! — соврал я, пытаюсь припомнить — а завтракал или нет? Всё терялось как в тумане, моя бедная голова который день была забита кроем, эскизами, отделкой и неумолимо утекающим временем. Посыльный от барона должен был явиться за заказом уже послезавтра. Работы было столько, что мы всем цехом пахали как проклятые, а времени — так мало, что мастер Эмрис доверил часть задач подмастерьям: двоим своим сыновьям, Большу и Айвену, и мне, наравне с ними. Это было равносильно официальному признанию, и я твердо решил, что в лепёшку расшибусь, но оправдаю доверие с лихвой. И расшибался, планомерно и старательно, вот уже которую неделю. Куда уж в этой гонке до таких приземленных вещей как еда и сон?

Моя дорогая подруга знала это, и нахмурилась ещё сильнее.

— Не верю, — сказала она, бесцеремонно усаживаясь на стол, причём нарочно, именно таким образом, чтобы я вынужден был прекратить работу. Укол раздражения был ощутимый. Никто не смеет вставать между мной и тем что я делаю. Никто. Даже она.

— Вот что вы творите, госпожа Льюис?

— Принесла тебе завтрак, и не сойду с этого места, пока ты его не съешь, — в её голосе послышалась угроза. — Так что если хочешь вернуться к работе — налетай.

Я подавил произвольно появившееся желание просто смахнуть её со стола вместе с корзинкой, и принял из её рук кусок пирога. В конце концов, она просто пытается заботиться, а во мне говорит недельная усталость. Все эти пафосные парадные доспехи — это вам не кистет вырезать! Да ещё и так срочно. Тут даже старшие мастера все на нервах, что уж говорить обо мне.

— Баи, сколько можно работать на износ? Я к тебе за помощью пришла, надеялась, что ты новый холст мне сделаешь, как раз отец красок привёз. А ты на ногах из чистого упрямства держишься!

— Со мной все нормально. Не помру, в самом же деле, закончу вот и вечером буду в вашем распоряжении.

— Если будешь продолжать в том же духе, то к вечеру ты сляжешь, а не в распоряжение попадёшь. И что я без тебя буду делать?

— Что — что... Плотника попросите рамку сделать и обтянуть. Скажите — это была моя последняя воля, а то за ним как раз должок небольшой водится.

— Дурак... Даже ваш старший мастер по ночам спит, а не эскизы рисует.

— Ага, не рисует. Потому что рисую их я, а днём у меня на это времени нету. — проворчал я. — К слову об эскизах: гляньте свежим взглядом, какой из трёх лучше?

Бригги подхватила лист бумаги и хмуро взгляделась в узоры.

— Второй, — наконец сказала она. — В целом хороший, только кое-что подправить.

Смотрится слишком тяжело и громоздко для таких ножен.

Я невольно уронил голову на руки. Всё. Выдавливает из себя ещё хоть чёрточку не было никаких сил.

— Да не переживай так, — сочувственно сказала Бригг. — Ты великолепно рисуешь, и чувство меры у тебя врождённое. Просто ты устал и тебе нужен перерыв.

— Какой к демонам перерыв, всё должно быть готово уже послезавтра! Я не могу вот так просто упустить такой удачный шанс! Вы же знаете, цех не в жизнь не признает меня мастером, и поэтому моя работа должна говорить за меня настолько красноречиво, насколько это вообще возможно. А я не справляюсь.

— Это ты-то не справляешься? — её возмущённый голос прокатился по мастерской, моментально привлекая к нам излишнее внимание. — А вот это — она ткнула в почти готовый, висящий на стойке доспех, покорно ожидающий оставшихся деталей. — Это как бы не ты всё собрал, да?

— Тише, не кричите...

— Что «не кричите»? Я не понимаю, это у тебя от усталости или ты совсем ослеп в вечной погоне за совершенством?

— Слушайте, госпожа Льюис...

— И прекрати уже называть меня на «вы» наконец! — недовольно прорычала она, всё-таки понизив голос.

— В тот день когда я перестану звать вас на «вы», уважаемая, ваш батюшка всерьёз вознамерится повесить мою шкуру над вашим же камином.

— Почему?

Вот она сейчас это серьёзно спрашивает или смеётся надо мной?

— Эй, чего кричите как дети малые? — в нежный мир наших разборок вторгся хрипловатый прокуренный голос старого Эмриса Брауна.

— Господин Браун, он меня совсем не слушает! — выпалила Бригитта прежде чем я успел придумать что сказать такого едкого, но так чтоб она не обиделась. Но поздно. Госпожа Льюис бросилась на встречу моему наставнику, ища поддержки. Старый Эмрис скептически посмотрел на неё, потом на меня, а потом снова на неё.

— Это Финч. Если вы не заметили, он вообще мало кого слушает.

— Это я знаю, но... — она понизила голос и с жаром принялась жаловаться старшему мастеру на мою несговорчивость. Подробностей я слушать не стал, и чтобы не терять времени, вернулся к раскроенным ножнам. Во всяком случае наметить область отделки и пробить дырки для клёпок я сейчас в состоянии. Это же дело техники, и тут испортить что-либо почти невозможно. Главное — сосредоточиться. Удар, ещё удар, хорошо, сместить пробойник по разметке, опять пробить, потом ниже и ниже... справлюсь, ничего. Рутинная часть проблем не составит. А вот тиснение... Что делать с тиснением?

— Короче, так, — подал голос мастер. — Парень, я вынужден признать, что госпожа Льюис права. Поэтому ты сейчас встаёшь из-за стола, оставляешь здесь всё включая наработки и выметаешься домой. Думать о работе тебе запрещено лично мной до самого рассвета.

— Что?! — я в ужасе не поверил своим ушам. — Мастер, как так? У меня тут ответственный момент в конце концов! Вы не можете просто так взять и выгнать меня ... на

выходной.

— Придешь завтра с утра и к вечеру закончишь — непрерываемым тоном ответил Эмрис. — Ещё чего не хватало, чтоб ты сейчас сам себе, а заодно и всем нам репутацию испортил потому что у тебя рука дрогнула.

— Дайте хоть шов до конца пробью!

— Ты слышал мастера? Бросай всё и вали отсюда, — не выдержал Болыг, занимавший соседний верстак.

— Ага. Баи, ты наказан, никакой работы сегодня! — передразнил Винс из своего угла.

— Очень смешно, — у меня не было настроения на их дурацкие шуточки.

Уловившая мое раздражение Бригитта осторожно потянула меня за рукав.

— Идём отсюда. А с эскизом я тебе помогу, там поправить то — всего ничего.

Она стянула со стола стопку бумаг и не оборачиваясь направилась к выходу.

Я сделал было шаг вслед за ней, но наставник ловко поймал меня за плечо, грубо подтянул к себе и прорычал буквально на ухо:

— Давай без глупостей, парень. Сделай что ей там опять от тебя надо, прощайся и вали домой, отсыпаться. Ты завтра мне нужен здесь, с утра, с ясной головой и готовый к бою. И помни, в тот день когда старый Теодор Льюис придёт ко мне по твою голову, я отрекусь от тебя трижды.

Я вздрогнул и открыл глаза.

Надо мной в предрассветном сумраке качались бесчисленные ветви могучей дубовой кроны, расплывающиеся в серой дымке. Кажется, к утру поднялся туман. Промозгло до дрожи.

Да... вот тебе и «доброе утро, Баи». И какой черт тебя дернул вообще проснуться? Спал бы себе и спал, чем дольше, тем лучше.

А теперь что уж сделать, добро пожаловать в наш дерьмовый мир обратно. Реальность ласково встречала полным набором всевозможного дискомфорта: одежда отсырела, ноги затекли, правый бок — тоже, пострадавшую часть лица словно стянуло ещё одной коркой из-за тыквенного сока, хотя надо отдать должное — боль ещё поутихла.

Прежде чем я попытался приподняться с места, почти полную предрассветную тишину нарушил шорох листьев. Совсем рядом. Внизу. И... хрюканье?

У корней рылась в земле кабаниха с выводком. Что было удивительно, ведь по идее ноздри закладывает от человеческого запаха, а им — хоть бы что. Странно это для пуганных зверей в охотничьих угодьях. Но от чего-то — сам не понимаю от чего — их присутствие меня успокоило. Они не боялись меня, и лес вокруг тоже больше не тревожился.

Я неспешно позавтракал и свернул свой нехитрый лагерь. Семейка свиней за это время благополучно откочевала в другое место, и я смог осторожно спуститься со своего так чтоб остаться незамеченным. Туман равномерно замер над растущими повсюду папоротниками, и дальние деревья тонули в нем, пропадая из виду. Я брёл почти наугад, ориентируясь на мох и муравейники, чтоб хоть как-нибудь продолжать двигаться к северу, в сторону тракта.

Прохладным воздухом, наполненным запахами влажной земли, дышалось легко и приятно. Утренняя стужа, безжалостно вырвавшая меня из объятий сна, бодрила и проясняла мысли. Всегда любил прикосновения холода — вот такого, умеренного. Какой бы кошмар не творился в голове, что бы не происходило вокруг — порой стоит встать засветло, позволить раннему предрассветному духу прикоснуться к тебе, и понимаешь — ты снова жив. Тебе холодно, свежо, и ты жив. Такое очень чёткое и яркое напоминание об этом. А если ты жив

— значит, пора вперёд, куда кривая выведет.

Кривая вела с холма к очередной лесной ложбине, по дну которой протекал ручей, такой чистый и прозрачный, что гравий на его дне было видно, как сквозь стекло. Там я умылся наконец и набрал воды в дорогу.

Тогда же вновь почувствовал на себе взгляд невидимого зверя, и его присутствие. Спутать было невозможно, однако от вчерашнего он отличался ощутимо. Как-то спокойнее, что ли? Да и я с удивлением обнаружил что рад ему.

— И тебе доброе утро, чем бы ты ни был.

Ответа не последовало, да я его и не ждал. Только с сожалением подумал, что понятия не имею как себя вести в подобных случаях. Были же когда-то ритуалы, подношения и прочие подобные вещи для того чтоб задабривать младших лесных божеств и духов, и даже получать их помощь в трудный час, но где теперь эти знания?

Впрочем, отец — настоящий мой отец — наверняка знал и помнил и это, и многое другое. И я должен был бы знать, будь все иначе. Но что уж теперь, чего не вернуть — того не вернуть. Ни отца с матерью, ни братьев и сестру, погибших вместе с городом, ни горемычного моего кузена, которого сгубила ненависть и жажда отмщения. Бедняга Кейн и его судьба долгие годы были предостережением для меня: не ступай во тьму, сторонись Зла в собственной душе, живи в лучах солнца и забудь амбиции. Лучше устрой свой мир заново: найди себе достойное дело, люби тех, кто стал тебе ближним и раны твои со временем затянутся.

Так я думал много лет, следуя этим правилам как заповедям из священных сур.

Но в итоге, к чему это меня привело?...

Невидимый зверь — вернее, ощущение зверя — остановился у воды словно собираясь испить из ручья, а затем развернулся и отправился дальше, в чашу. Кажется, я перестал его интересоваться.

Это радовало.

Лес был по-утреннему тих. Я шёл и наслаждался прохладой пока ещё мог. Вскоре солнце поднялось над далёким краем земли, и туман превратился в сплошную пелену света, окрасившись в рыжий и золотой. Затем он развеялся, точно, как и мой сон, оседая росой на бесконечных папоротниках.

Всё чаще и чаще стали попадаться пихты. Поднимающееся светило согрело их кору, и запах хвои наполнил воздух вокруг.

Эта часть леса невольно вызывала трепет перед своим могуществом. Если дубы, буки и вязы, росшие немного южнее, обзавелись уже первыми, редкими ещё жёлтыми листьями, напоминающими о том, что все тленно и лету близится конец, то эти колючие зелёные гиганты словно бы возвышались над самим временем, которое было им нипочем. Здесь не оставалось сомнений — империи будут бессчетное количество раз воздвигаться и падать в руинах, народы — сменять друг друга, деяния — забываться в веках, родится и умрёт последний из рода людского, а могучие леса неизменно будут стоять где стояли, и со временем вернут в своё владение возделанные земли, отнятые у них некогда давно.

Если лес был свят, то это место — особенно. И не мне одному так казалось: спустя милю я наткнулся на поваленный менгир, огромный грубо обработанный камень восьми футов в длину, низвергнутый на землю в незапамятные времена. Он был замшел и стар, но на сером боку его все еще можно было различить затейливую вязь орнамента древних данов, живших в этих землях задолго до того, как племена харти вторглись земли будущей

Империи, и истребили большую часть местных народов.

Вслед за первым камнем, спустя сотню шагов среди корней нашёлся второй, стоявший некогда у подножья лесного холма, а ныне наполовину ушедший под землю. Серая ящерица пряталась среди забытых рун, зеленых от лишайника, растущего в щелях и насечках.

А на вершине холма виднелся третий менгир. Вернее то, что осталось от него. Могучее его основание у древних разрушителей святынь, кем бы они ни были, повалить не вышло, так что в ход пошли молот и долото. Верхняя часть была разбита на куски, крупные ее осколки до сих пор валялись вокруг, а нижняя так и стояла где поставили её некогда таинственные друиды данов, будто насмехаясь над всеми, кто пытался искоренить старые верования. Даже я, поминавший забытых богов скорей из чувства противоречия, нежели из религиозных соображений, почувствовал странный трепет бредя мимо него.

После него на пути вновь встретились крупные осколки, поросшие травой, поглощённые лесной подстилкой. Лес был полон низверженными менгирами, словно указывающими дорогу к древнему священному месту.

Любопытство влекло меня вслед за ними, с холма на холм. Лес здесь менялся до неузнаваемости: от лиственных не осталось и следа, а огромные могучие пихты закрывали собою небо. Солнце почти не проникало сюда, и свет рассеивался словно в пасмурный день. Воздух был пропитан влагой и прохладен, хотя где-то за пределами этого места жара вновь вступила в свои права. Зверьё почти не попадалось, разве что белки и горностаи мелькали в ветвях. Зато грибов здесь было видимо-невидимо: чуть ли не каждый пень или поваленный ствол был буквально облеплен опятами; кольцами пробивались зеленушки и рядовки; то там то тут попадались солидные моховики, пёстрые сыроежки, лисички... а крупные мясистые боровики заставили меня десять раз пожалеть о том, что я обещал неведомому духу ничего не трогать.

Древняя дорожка увела меня в очередную ложбинку, а оттуда — вновь наверх, снова на холм, ощутимо повыше предыдущих. Пихты словно отшатнулись от него прочь, лишь редкий молодняк не старше нескольких лет по-детски бесстрашно подступал к крутым склонам. Возвышенность опоясывала траншея заросшая молодой травой, а над ней уже ничего не росло, только земля серела золой.

На вершине холма мрачной короной расположился кромлех. Камни его, как и те что попадались по дороге, некто в старину пытался повалить или расколоть, но дело свое до конца довести не смог. Мха на них не росло, вместо него серую поверхность покрывала чёрная копоть. Земля наверху и впрямь была выжжена не раз, и явно не лесным, пожаром. Пепелище окрасило землю в цвета золы и сажки, равномерно осыпав собой множество небольших валунов, размером с человеческую голову, беспорядочно валявшимися здесь повсюду.

В сердце каменного кольца одиноко стоял обугленный пень некогда могучего дуба, такого толстого, что не увидь я его своими глазами — никогда бы не поверил, что дерево может вырасти таким большим. Ствол его, однако, давным-давно канул в лету вместе с былым величием. Много, очень много лет назад — может статься и сотни, как знать?

Должно быть здесь было священное место друидов, когда то, до того, как Император повелел истребить их лет четыреста назад.

Ещё одна уничтоженная святыня, покинутый и разоренный храм, который оставили жившие в нём силы. Ни птицы здесь не пели, ни травы не росло, даже вездесущие комары, кажется, не решились последовать за мной в каменное кольцо. В этом месте — не мёртвом,

скорее уж жестоко умерщвленным кем-то — я ощущал только безысходность и бесконечную тоску.

Нужно было уходить прочь, обратно под сень полного жизни хвойного леса. Но стоило сделать шаг, как под ногой у меня что-то хрустнуло. Серый округлый камень оказался и не камнем вовсе, а черепом. Человеческим.

То есть вовсе это и не валуны. Боги, сколько их здесь, и что за судьба постигла всех этих людей? Приняли ли они смерть все вместе в пламени уничтожившем священное древо, за отказ отречься от Великой Матери, или же это наоборот, это останки тех кого друиды приносили в жертву своим богам в надежде на их заступничество?... Равно возможно и то и другое. Империя не терпит иноверцев. А друиды — это друиды. У них все средства хороши.

По спине невольно пробежал холодок. «Это всего лишь кости, — напомнил я себе. — Просто мертвые кости. Они отмучались уже, так что относись к ним спокойно. Иначе в месте, куда ты так стремишься, ты долго не протянешь. Там-то мертвецов будет гораздо больше...»

Перед тем как шагнуть вниз с холма я всё же обернулся напоследок, в попытке ещё раз осмыслить то что я вижу. И заметил у самого подножья огромного пня крохотный зелёный росток.

Надо же... Какая упрямая штука — жизнь...

Возвращение под спасительный хвойный полог ослабило хватку тоски, но лишь немного. Я продолжал идти по лесу на север, погруженный в мрачные мысли, словно выходящие из предрассветного тумана и бесследно растворяющиеся в нем же.

Они беспредметно сменяли одна другую: думалось о том сколько же всего уничтожил ненасытный бог-император в погоне за безграничной властью; о жестокости безнаказанности его слуг, о своих настоящих родителях и далёкой пустыне Начал, похоронившей под своими барханами город в котором мне посчастливилось появиться на свет; о пламени, пожирающем все что мне дорого, снова и снова... а ещё — о доме, о матушке Финч, бедной моей Бригги, о друзьях и товарищах. Обо всём том, что пришлось бросить там, в казалось бы, совсем ином мире — мире горожан, купцов и ремесленников, где я чувствовал себя словно рыба в воде. Жил как хотел, всегда знал, что делать, ни в чем никогда не сомневался. А теперь я здесь, в бегах, и всё для меня чуждо.

Чувствую себя беспомощной щепкой на волнах беспокойной реки, прям как когда-то давно, в шесть лет. И я не уверен, что убивает меня больше — её гибель или собственное бессилие?

Впрочем, последнее безусловно было всему причиной. Это я виноват в том, что ничего не мог сделать. Все эти годы просто жил в иллюзии что, мол, благодаря честному труду, доброму имени, связям и золоту в целом могу справиться с чем угодно. Но морок спал с глаз, обнажая жестокую правду: ничего особо не изменилось за пятнадцать лет. Как я был беспомощным мальчиком, так им и остался.

Однако там, впереди, маячила призрачная надежда на то, что этому придёт конец.

Гнетущая мрачность немного отпустила по мере того как пихтовый лес сменился смешанным, и я вновь почувствовал, что могу дышать. Осквернённый кромлех оставил после себя ужасные противоречивые чувства, и возможно, подумалось мне, виной тому было нечто большее чем я мог видеть. Что я, в сущности, знаю о силах, настолько превосходящих человеческие? На своё горе — прискорбно мало: в основном только то что твердят

имперские проповедники, да ещё то, что сокрыто в старых сказках между строк. И полузабытые призраки рассказов отца, в те редкие, но бесконечно радостные моменты, когда у него находилось время на меня.

Только вот отец говорил, что человек вовсе не песчинка в противостоянии божественных сил, он — их порождение, дитя, способное понять их и направлять по своему желанию. Отец говорил — человек подобен богам, и в этом его истинная суть. Я был очень мал, и не очень понял его. А потом объяснять стало некому. На одного подобного богам нашелся иной. Сильнее.

Время обеда давно миновало к тому моменту, когда я почувствовал — ещё немного и начну переваривать сам себя. Да и ноги отваливались от усталости, особенно — пострадавшая от вчерашнего падения в овраг. До этого она как-то поуспокоилась, или это я перестал замечать незначительный дискомфорт, который испытывал при ходьбе, зато теперь — разнылась от усталости.

Пришлось остановиться и передохнуть. Порвать трофейную следопытскую рубашку на бинты и перетянуть лодыжку, как следует. Пообедать. Вокруг заманчиво росла черника, такая спелая, такая сладкая... но я не был уверен, что, собирая ее не нарушу собственного обещания лесному духу, так что пришлось довольствоваться солониной. А ещё — воды осталось всего ничего, и было бы неплохо всё-таки поискать какой-нибудь ручей.

Пока я обедал, дух-медведь появился вновь. Невидимый взгляду, но почти осязаемый для иного чувства, названия которому люди так и не придумали, он пришёл в эту часть леса. Приблизился вплотную и даже, как мне показалось, улёгся рядом среди корней. Ничего не дрогнуло в воздухе, крупный ёж прошествовал мимо корня по своим делам, солнечные зайчики играли на земле — но я мог бы поклясться: он был здесь, рядом, могучий и древний, хотя мгновение назад его не было вовсе.

Зверь наблюдал за мной, лениво и с любопытством, совсем не так как вчера. А когда я снялся с места и отправился дальше — пошёл рядом, по правую руку. Так мы шли долго, сначала на север, куда я и собирался. Но, после, часам наверное ближе к пяти, дух вдруг резко отклонился на запад. Сначала я не придавал этому значения, решив, что у него, должно быть свои дела, и пришло время снова разойтись... но не тут- то было. Через некоторое время дух вернулся ко мне, обошёл вокруг и вновь повернул на запад, зовя за собой.

А почему бы, собственно, и нет? Я отправился за ним, и уже через сотню шагов угодил ногой в силок, расставленный на мелкого зверя.

Вот так-так... браконьеры, стало быть? Охота в Вале́йском лесу может вестись только с дозволения герцога, считающего эти места своей собственностью. И высородные господа как правило предпочитают гоняться за добычей, травить её псами или упражняться в стрельбе. А силок — это наверняка работа каких-нибудь бедолаг из хуторов, или из Дайнспорта. При этом, всем известно, что кара за браконьерство — как минимум огромный штраф, а в худшем случае можно и головы лишится. Так что как по мне — дешевле было держаться от этого леса подальше.

Ох, рано я что-то расслабился...

Силок я снял, а через некоторое время нашёл другой. В него уже попался молодой кабанчик, всё ещё в полосатой шкурке. Потянулся, видимо, за приманкой, попал в петлю и удавился. Тушку оставил как есть — пусть уж останется охотнику. Следующие два я заметил заранее, и так же снял. Кажется, невидимый мой спутник, петлявший зигзагами по лесу, был доволен этим, а вот меня не оставляли противоречивые чувства: с одной стороны намерения

лесного духа были просты и понятны — нечего силки ставить в его лесу. С другой я вполне мог понять того, кто оставил здесь ловушки — видимо, пошёл на риск не от хорошей жизни. Что станет с этим человеком, если, положим, это единственный его источник пропитания? Я и сам, бывало, охотился в не самые лучшие времена, но у нас это и не было под запретом. И признаться, охота изрядно облегчала жизнь, как возможно и местным бедолагам. Эта мысль не давала мне покоя, хотя сейчас меня более чем явно просили убрать это всё долой. Что я и делал, раз за разом сматывая не сработавшие силки и оставляя сработавшие.

Так мы с духом-медведем блуждали часа два — он впереди, я следом — до тех самых пор, пока впереди не послышалось журчанье воды.

Из-под земли бил ключ, чистый и ледяной. И видят боги, если бы я шёл куда шёл изначально, ни за что бы не наткнулся на него, да ещё и у самого истока. На вкус вода была слегка солоновата, за то бодрила и восстанавливала силы после длительного перехода, особенно если облиться ею с ног до головы — один чёрт через полчаса всё высохнет.

— Спасибо... — я обратился к зверю, но вдруг почувствовал, что его больше здесь нет. А в воздухе разлилась какая-то странная тишина. Звонкая и неестественная настолько, что сквозь неё мне вроде как слышались отдалённые человеческие голоса. И лай собак.

Шум прокатился в отдалении и затих. Только после этого я позволил себе вздохнуть. Только что толку? Кто-то охотится здесь, а значит, пора бы поскорей убираться.

Дальше, на север, я продвигался, как можно скрытнее. Лесной дух так и не вернулся ко мне, словно бы его спугнули охотники, и я неожиданно обнаружил что без него стало не по себе. Хуже всего был тот факт, что я так и не смог определить откуда и куда промчались охотники. Тем более и ежу понятно, кто может прогуливаться в этом лесу, с такой помпой. Ещё чего не хватало, примут за браконьера, отрубят руку и никакой лесной дух мне не поможет.

Об отдыхе речи быть не могло, хотя видят боги, он был мне всё нужнее с каждой минутой.

Ладно... вперёд. Пройти вдоль оврага на север, сделать петлю к западу — тоже продвижение в сторону цели: на севере, конечно, тракт, но с запада лес огибает Бравона, и так или иначе Дайнспорт стоит выше по течению — не пропущу. Выбраться из леса, добраться до города... и всё будет хорошо.

И всё могло бы сложиться иначе, могло бы...

Но я — дурак, и жизнь, похоже, так ничему меня и не научила.

Из лежащего впереди оврага до меня донесся испуганный вскрик. Детский, как мне показалось. За тем — ржание и звук падения крупного тела. Достаточная причина чтоб спешно подобраться к краю лога, в тени ствола очередного лесного гиганта и посмотреть: что там?

Внизу суетились люди. Трое, одетые по-простому, вооружённые — не то бандиты, не то браконьеры. Там же на боку лежала отчаянно ржущая от боли вороная лошадь с неестественно вывернувшейся ногой, которую секундой позже добил один из мужиков, низкий и коренастый. Второй, невысокий и худой, явно не старше четырнадцати лет, стоял поодаль словно парализованный сжимая в руках крупный охотничий нож для свежевания дичи. Он безотрывно глядел на третьего из них, высокого и мускулистого, в кожаном жилете и сальными длинными патлами. Тот грубо что-то волок по земле.

Точнее кого-то. Другого паренька, не старше первого, грязного с ног до головы, изо всех сил пытающегося отбиваться. За что в конце концов получившего такого пинка, что о целостности ребер не могло быть и речи.

— Что ты с ним возишься, прирежь ублюдка и дело с концом! — глухо бросил коренастый.

— Дядя, не надо... — дрожащим голосом проговорил паренек с мешком. Боги, реально юнец, даже голос ещё мальчишеский.

Я поймал себя на том что натягиваю тетиву на спусковой механизм.

Кем бы они ни были, выстрел их спугнет. Должен.

— Нож, Тайлер! — потребовал высокий, обращаясь к младшему.

— Дядя... — нотки в голосе паренька выдавали едва ли не плаксивость. — Пойдём...
Пожалуйста...

— Я сказал — нож, слюнтяй!

Парнишка сделал неуверенный шаг в сторону старшего и остановился.

...Болт привычно лёг на направляющую.

— Но дядя...

Закончить паренёк не успел, испуганно подавившись концом фразы. Пленник извернулся, выхватывая кинжал из сапога, но сделать чего либо не успел — высокий наступил ему на руку, резко и с силой, будто паука давил. Мне показалось даже, что я слышу характерный хруст.

— Секач, потом племяша воспитывать будешь, удави так, шманаем и валим отсюда, — прохрипел коренастый.

Высокий бросил последний взгляд на младшего. Того словно заклинило на месте.

— Дядя...

Я прицелился.

Куда стрелять?

Убивать?

— Дядя, пожалуйста...

Видя что от малого не будет толку, верзила просто наклонился к пленнику — свернуть тому шею. Могучие, жилистые, бронзовые от загара руки — свернёт, сомнений нет,

промедли я хоть на секунду. По этому болт вонзился не в землю рядом, как я изначально хотел, а в плечо. Разбойник опрокинулся навзничь, выпустив жертву, немедля попытавшегося отползти подальше. Младший перепугано кинулся к дяде, а коренастый просто бросился прочь, оставляя напарников на произвол судьбы.

— Беги, идиот! — высокий напрасно пытался прогнать племянника, но тот упрямо силился поставить дядюшку на ноги. Пока они возились, я подобрался поближе, так чтобы быть непосредственно над сценой событий. Очень надеялся, что второго выстрела не понадобится, и эти двое просто последуют за поделщиком.

На свое счастье, подстреленный все таки поднялся и внял голосу разума. Они вдвоем скрылись в зарослях ежевики.

Я съехал по отвесному глинистому склону в овраг, к валяющемуся там юноше. Тот с трудом пытался выбраться из грязи, однако видно было что далеко он без посторонней помощи не уползет. Пришлось перетащить его повыше, на сухую траву, да так чтоб ничего не повредить, что оказалось задачей не из лёгких.

— Ты... кто? — просипел паренек. В меня вцепился неожиданно ясный, откровенно враждебный взгляд. Теперь, вблизи, было видно что под слоем грязи скрывается очень добротная одежда с тонкой вышивкой.

И выпавший из-за ворота филигранный кулон с единорогом на щите — фамильный герб дома Аддерли.

Твою ж светлость...

— Не разбойник, спокойно. — я наскоро осмотрел кисть руки. Мда, тут нужен костоправ... — Больно?

— Сам как думаешь? — огрызнулся лорд Джонатан сквозь зубы. Я не ответил и продолжил беглый осмотр, благо сопротивляться он не особенно мог. Так... на боку кровоподтек, плечо рассечено, неглубоко, но неприятно... снять бы рубаху по-хорошему и понять бы что там с рёбрами... проклятье, что я вообще пойму? Я ведь ничего не понимаю во врачевании. Дело, конечно, не совсем пропащее, у него в свите наверняка есть целитель, а то и несколько... кстати, где их носит?

— А охрана ваша где? Вы какого хрена здесь один?

— Не твоего ума... дело... — герцогский сынок дрогнул и прикрыл глаза. — Они... должны... скоро...

— Лекарь среди них есть?

Лорд Аддерли кивнул.

— Где их искать?

— Лагерь... к востоку... должны... — судя по всему, дыхание давалось с трудом. Точно рёбра сломаны. — Награжу... золотом... только приведи...

Вот и что с ним делать теперь? Не бросать же тут на произвол судьбы — где гарантия что свои его найдут? Волочь куда-то? Или перевязать? Ладно, с порезами я может и справлюсь, а с переломами что делать? По хорошему найти и позвать сюда его свиту, но что-то подсказывало что добром это не кончится.

Словно в ответ на эту мысль поблизости послышался собачий лай. Сначала одиночный, гулкий гав крупного пса, оповещавший хозяина о близости цели. За тем первому вторили другие.

— Они... здесь... — почти прошептал лорд Джон.

Действительно здесь. И я тоже здесь, по-прежнему в овраге, а за спиной отвесный склон

в полтора моих роста. Бежать уже некуда, да и опасно — псы натасканы преследовать всякого кто бежит. А вот у того кто не делает глупостей ещё есть шансы.

Ладно. Понадеемся на хоть какую-то справедливость, я в конце концов никакой не преступник на самом деле, и даже только что спас Его Светлость. Может даже удастся договориться по-хорошему.

Первый мастифф прыгнул с пологого склона буквально минуту спустя, за ним последовало ещё трое. Они окружили меня, рыча и скаля зубы. Я приподнял руки и замер, отмечая про себя что решение остаться на месте было верным — не успел бы.

Идущие вслед за псами люди не заставили себя ждать.

— Эй, там! Нужен лекарь и вытащить милорда отсюда! — я попытался обозначить что не враждебен, хотя ситуация, как не крути, была крайне двусмысленная.

— Стой где стоишь, проходимец! — рявкнул тот что пошире, сам по себе похожий на мастиффа. — Не то мои девочки порвут тебя на лоскуты.

Это я прекрасно понял и без него. Ладно... спокойно, ещё не всё потеряно. Юный лорд Аддерли, по хорошему, должен замолвить за меня слово. А пока от меня требовалось только успокоиться и не шевелиться.

Псарь и его более молодой спутник, бледные и явно напуганные, спустились в овраг оценить масштабы катастрофы. Что тут сказать, им повезло — главная опасность-то как раз миновала. А что касается ушибов и переломов, то надо отдать должное: герцогский сынок держался молодцом, не ныл и не впадал в беспамятство. Я был худшего мнения об избалованных дворянских детках.

— Где Броуди? — просипел Джонатан сквозь зубы.

— Сейчас будет здесь, милорд. Что с вами случилось?

— Браконьеры, трое. Убрались отсюда буквально... — он попытался приподняться и скорчился от закономерного спазма боли. — Кххх... Винсент... как только охрана будет здесь... — возьмите людей и приведите эту мразь ко мне. Один из них ушёл с арбалетным болтом в плече, и вряд ли будет особенно быстр.

Упомянутый Винсент метнул быстрый оценивающий взгляд на меня, складывая два и два.

— Труби сбор, — псарь обратился к спутнику, и звук охотничьего рога разнесся над лесом.

Дальше мне оставалось только ждать и наблюдать. Остальная свита прибыла минут через десять, все смертельно бледные и беззвучно возносящие Императору благодарственные молитвы. Пострадавшую светлость бросился осматривать целитель, по накидке и медальону в нем запросто узнавался храмовник. Он ругался сквозь зубы срезая с пациента рубашку и потребовал послать в лагерь за его помощником и снадобьями. Затем лорда Аддерли вытащили из оврага на чьём-то плаще, и я потерял его из виду.

Зато собак сменили люди, трое из личной охраны лорда Джонатана, памятных ещё по трактиру на Перекрёстке. Наверху ожидал другой знакомец — пожилой рыцарь с бакенбардами, старший над ними, не иначе. Мне отвесили грубый тычок в спину — мол, иди вперёд.

Что ж, выбора у меня особо не было.

— Какая встреча! — произнёс старый рыцарь. — А я было расстроился что вы так скоро нас оставили, мистер... как бишь вас? Филч?

— Финч, — обреченно поправил я. Видимо следопыты называли им имя, и лгать нет

никакого смысла.

— Финч... И что же вы здесь делаете, мистер Финч?

— Случайно проходил мимо, сэр.

— Вот как? — собеседник усмехнулся, закономерно не поверив ни единому слову. Я и сам бы себе не поверил. — Так... Вы, трое. Обыщите его, допросите и проследите за тем чтоб мистер Финч больше нас не покинул. Когда его светлость поставят на ноги — устроим очную ставку.

Это был почти приговор, учитывая то что в сумке лежали смотанные бечёвки от силков, а ещё — инквизиторский хлыст. Впрочем, даже если б их там и не было, вопросов мои вещи вызовут больше чем ответов.

Примерно через час обысков и бессмысленных расспросов меня поставили перед светлыми очами милорда и его старших советников. К моему удивлению, Джон Аддерли, пусть и при помощи сквайра, уже стоял на ногах и выглядел ощутимо лучше. Видимо в ход помимо молитв пошло что-то дорогое и алхимическое, недоступное простым смертным. Во взгляд милорда вернулся характерный гонор, а в голос — грозные повелительные нотки.

— Сир Примор, где вас носило? — гневно вопрошал он у старого рыцаря как раз в момент когда меня привели.

— Искали вас, милорд. Вы сами изволили уехать вперед...

— Пока вы медлили, убили Беса и чуть не убили меня!

— Простите, милорд... — начальник охраны изо всех сил изобразил сожаление, однако я готов был поклясться что старик зол на подопечного до дрожи в руках.

— Дерзну заметить, милорд, что это вы пренебрегли собственной безопасностью из прихоти, — подал голос человек с окладистой бородой и пышной гривой седых волос. Степенный и хорошо одетый, он резко отличался от окружающих заметными с первого взгляда строгостью и спокойствием, и больше походил на философа или законника, чем на вояку.

— Мэтр Кристиан, вы сами знаете, что этим людям платят за мою безопасность. И если я уехал вперёд, они обязаны сопровождать меня, — тут же ошетинился лорд Джонатан.

— Однако вам не следовало усложнять им задачу. Герцог должен осознавать что он делает, даже если выходит из себя, ваша светлость. ОСОБЕННО если он выходит из себя.

Мальчишка — а рядом с метром Кристианом он смотрелся не иначе как мальчишка — раздраженно передернулся и наконец посмотрел на меня. А я — на него, пытаюсь выцепить взгляд.

Давай парень, давай, где ваше хвалёное дворянское благородство? Самое время для него.

— Кто ты, и как ухитрился прийти на столько вовремя? — спросил лорд Джонатан пытаюсь вернуть себе подобающий будущему герцогу тон.

— Баи Финч, ваша светлость, — послушно ответил я. — Я направлялся через лес в сторону дайнспортского тракта. Вас же встретил исключительно волею случая.

— Мои люди со сворой псов — опоздали, а ты — просто оказался рядом “волею случая”?

Я запоздало вспомнил, что не стоило бы играть с сыном герцога в гляделки и опустил голову.

— Судя по всему, для меня этот случай не столь удачен как для вас, ваша светлость.

— Финч... — Джон словно распробовал имя на вкус. — Кто ты вообще такой?

— Простой скорняк из Нордвика, милорд.

— И с каких пор скорняк имеет право говорить с герцогом на равных?

— Ни с каких, милорд.

— И ты только сейчас это вспомнил? Считаешь, что я должен верить скорняку не отводящему глаз без напоминания? Или скорняку, который дерзит герцогу?

— Милорд, позвольте... — мягко вмешался сир Примор. — Это тот парень с "Перекрестка", с "бунтом", которого ищет инквизиция.

Юный лорд Аддерли раздражённо встряхнул головой.

— Я так же как вы его узнал. И не скорняк он скорее всего. Спелся с теми разбойниками, денег хотел за "спасение"? Беглецу же, наверное, много денег нужно...

— Я не претендую ни на какую награду, милорд.

— А чего ты тогда хочешь, еретик?

— Хочу пойти своей дорогой, если так будет угодно вашей светлости. И я не еретик.

На лице лорда Джона появилась насмешка.

— Тогда зачем же тебя ищет инквизиция?

— Из личных мотивов, милорд.

— Хм... То есть ты смеешь утверждать что серые братья дерзают ставить личное выше своих благословленных Императором обязанностей?

— Увы, милорд.

— А тебе, видимо, совсем голова не дорога? — спросил Аддерли понизив голос и на долю секунды покосившись на наставника. Не столько взглянуть на него, сколько напомнить мне о его существовании. — Коли и впрямь не дорога, можем сыграть в одну весёленькую игру. «Охота на благородного оленя». Слышал о такой?

Не слышал, но уже начал догадываться.

— Всё просто: мы охотимся, ты убегаешь. За благородного оленя сойдёшь. Ведешь себя, во всяком случае, соответственно. Так-то, согласишься, ты все одно не жилец, раз инквизиция тебя ищет, да и лучше смерть от охотничьей стрелы чем смерть в объятиях железной девы. — Аддерли пожал плечами так, будто речь шла о выборе между сортами вина которые будут поданы к ужину. — Ну если сумеешь от нас уйти — можешь считать что тебе повезло. Как тебе такой расклад?

Я с трудом продохнул через ком в горле. Он это что, серьезно? Нет, я слышал, конечно, истории о том что иные лорды находят такой вид развлечений весьма увлекательным, но в глубине души надеялся что это всего лишь слухи. Однако судя по одобрителю смеху окружающих, идею, не смотря на её дикость, многие одобряли. Кроме сира Примора и почтенного мэтра, который нарочито громко прочистил горло.

— Да, мэтр? — с некоторой обреченностью в голосе спросил юный лорд Джон.

— Милорд, видимо, не вполне корректно оценивает ситуацию. Вы больше не мальчишка, и если вы хотите развлечься таким образом — Винсент и его люди скоро приволокут сюда ранивших вас браконьеров. Этого же человека разыскивают гончие псы Императора. Наш долг — передать его в руки правосудия, — тон наставника выдавал крайнюю степень недовольства. — Давайте не будем испытывать терпение храмовников. Цена за такое развлечение может оказаться слишком высокой. Даже для вас.

Аддерли пристыженно замолк. Возразить было нечего — идея с охотой и правда

звучала почти по детски. Однако же если это была такая странная попытка дать мне шанс — то я, пожалуй, даже оценил её.

— Хорошо, пусть так, — выдавил из себя спесивый лордёнш. — И где нам искать теперь этого, как его? Норрингтона?

— Известно где, милорд, — отозвался сир Примор. — У егерей наших, в северной сторожке. Расставаясь с нами вчера вечером он высказывал намерение отправить их прочесывать лес, и просил меня лично если будут какие-то вести о беглеце — отправить туда нашего человека.

— Отправить МОИХ егерей прочесывать лес? — недовольно спросил Джон.

— У господина Норрингтона есть полномочия отдавать приказы любому подданному Империи, вне зависимости от сословия и вассалитета, — сухо напомнил мэтр. — Так что умерьте пыл и займитесь делом. Я по прежнему ожидаю от вас решений и распоряжений относительно этого человека и ваших обидчиков, которых вскоре доставят.

— Тех — повесить и дело с концом. А на счёт этого... Сир Примор, что там с обыском?

— Всё странно, милорд, — отозвался старый рыцарь. Тема обыска повергла его обратно в задумчивость, он второй час пытался сложить в одну логическую цепочку всё то что вытащил из моей сумки. Получалось неутешительно.

Это не укрылось от взгляда лорда Джона.

— Что-то не так?

— Маркировка арбалета, милорд. Это "Матильда", сделано в Меркадо дэ Пулгас, такими вооружены люди герцога Мендосы.

Ну вот.... Подвела меня верная «Матильда», почитай впервые в жизни.

Аддерли взволнованно перенял мой арбалет из рук своего телохранителя.

— Надо же, настоящая... — он взвесил оружие в руках, провёл пальцем по спусковому механизму и с насмешкой обратился ко мне:

— И что же стало с его прежним владельцем, скорняк из Нордвика?

— Я им и был, до этого момента, — ответил я, понимая как неправдоподобно это звучит. — Один купец продал мне прототип "Матильды" по бартеру. И если вы и впрямь видели такие у людей Мендоссы, то можете оценить что тут железо более низкого качества, ложа из ясеня, а не из ореха, и нет резного герба на прикладе.

...а ещё я лично знаю оружейника Эстебана, который расплатился ею со мной за шору из йормаркского вола, а ещё — то что «Матильдой» он назвал эту модель в честь своей стержневой, острой на язык супруги, способной парой слов сразить человека наповал. Но это упоминать, пожалуй, будет лишне.

Аддерли вопросительно уставился на начальника охраны.

— Так кто, вы говорите, наш задержанный?

— С вашего позволения, милорд, дело довольно мутное, — мрачно резюмировал сир Примор. — В его личных вещах действительно найдены кое-какие ремесленные инструменты, грифели, стопка бумаги, а также инквизиторский хлыст и бечёвка для силков. Среди бумаг, кстати, есть куча каких-то замеров и каракулей, а ещё — несколько рисунков... Сделаны умелой рукой. Ума не приложу откуда бы у простолюдина могло завалиться что то подобного уровня.

Аддерли протянули мою папку с эскизами, и он углубился в изучение содержимого. Ближе к концу остановился надолго, судя по всему наткнувшись на старые Бригиттины наброски, лежавшие у меня среди бумаг уже года два как. Она, помнится, считала их

неудачными (как и почти всё что рисовала) и порывалась сжечь, но я не позволил — забрал себе. Там были портреты, в основном, грифельные: матушки Финч, наших с Бригг общих друзей, пара моих и один — её собственный, рисованный с зеркала, который она невзлюбила почти сразу же, и я спас его только чудом. Теперь от нее только он и остался.

— Это твоей руки? — спросил Джонатан, передавая моё святая святых наставнику для ознакомления.

— Покойной супруги.

Мэтр задумчиво сличал меня с одним из рисунков.

— Уровень художника отнюдь не рядовой, — заметил он. — И кем же была ваша супруга?

— Какое это имеет значение? — не выдержал я, очередной раз забывая изобразить покорность и трепет. Впрочем, теперь уже все равно.

Мне никто не ответил. Лорд и его наставник лишь многозначительно обменялись взглядами: Джонатан явно пребывал в недоумении, а мэтр Кристиан ответил ему спокойным снисхождением. Мол, решайте сами, милорд, мне по прежнему интересен ход ваших мыслей.

— Ставлю на то что он чей-то бастард, и прекрасно об этом знает. Да хоть того же Мендосы, — подал голос кто-то из охраны.

— Это как минимум объяснило бы дерзкое поведение и дурную привычку не отводить взгляд, — согласился Джонатан. — Освальд, как только прибудем в лагерь — привяжите его где-нибудь и поставьте охрану, чтоб наверняка. Сир Примор, пошлите человека за этим Норрингтоном, немедленно. Скажите, его пропажа нашлась.

— Сию секунду, милорд.

Охотничий лагерь был изрядно к востоку от злосчастной ложбины где всё произошло. Надежда на то что здесь у меня будет больше шансов на побег оказалась тщетной: людей было как на сельской площади.

Целители и слуги приняли на поруки своего пострадавшего господина. Сам юный лорд Джон всю дорогу ехал верхом на лошади одного из сопровождающих, гордо отказавшись от более разумного варианта с носилками. И теперь держался на ногах на одной только дворянской гордости. За то был зол. Очень.

Псарь Винсент со своими мастифами был уже здесь, а вместе с ним высочайшего суда ожидали стоя на коленях двое преступников: раненый высокий верзила и его малолетний племянник, трясущийся и в слезах. Одежда на обоих была разорвана, виднелись кровоподтеки — псы знали свое дело.

— И кто теперь убудок? — герцогский сынок холодно и триумфально навис над старшим из двоих. Тот теперь выказывал подобающий страх и трепет перед милордом. Не смел поднять глаз, тряся, словно осиновый лист, бубнил что то бессвязное. Лорд Джон скривился и с силой пнул высокого по всё ещё торчащему из плеча обломку моего арбалетного болта. Тот закричал и повалился на землю.

— Громче, падаль!

И без этого было громко. Пленник похоже ничего сейчас не соображал. Его молодой подельник сжался в комок, заливаясь слезами страха.

— Ваша светлость... — лепетал он, заикаясь. — Господин... Умоляю... Мы... Мы не плохие люди. Умоляю вас... У меня четверо младших... Мы пошли на все это от отчаянья... Прошу вас... Если нас с дядей не станет... Мать и братик с сестричками... Они умрут... Умоляю... Пощадите...

Лорд Аддерли глянул на мальчишку брезгливо и зло. Со стороны это смотрелось чудовищно: примерно одного роста, примерно одного возраста, но одному повезло родиться в сословии, находящимся на вершине пищевой цепи, а второму — нет.

— Они теперь будут должны ещё и за моего скакуна, — процедил Аддерли с отвращением. — Поверь. Он стоил больше не только тебя или твоего... дяди. Он стоил больше, чем вся ваша семья, вместе с домом!

Паренёк затих от ужаса. А лорд Джон небрежно тряхнул головой.

— Охота в лесу герцога без дозволения карается... напомниме, чем, уважаемый мэтр?

— Штрафом, отсечением уха или руки, а также смертью, в зависимости от размера нанесенного ущерба, милорд, — беспристрастно ответил наставник.

На мальчишку — избитого, в кровоподтеках из под разорванной собаками одежды — страшно было смотреть. Слезы на его лице смешались с грязью, он стоял на коленях закрыв глаза и губы его шептали слова молитвы. Молитвы Императору, которая никогда не будет услышана, потому что Императору наплевать. И все это — из за меня. Я вмешался в это, не разобравшись — а стоила ли жизнь этих двоих спасенной жизни юного лорда Джона?

— Мэтр, почему так? Сначала они сознательно идут на преступление, а потом трясутся и плачут, умоляя пощадить?

— Чернь, — сухо произнёс учёный муж. — В отличии от людей благородных, они не умеют нести ответственность за собственные поступки.

— И что по вашему мнению стоило бы сделать с этим ничтожеством?

— Этот вопрос должен бы задать вам я, милорд, — мэтр Кристиан говорил спокойно и холодно. И взгляд его, устремленный на ученика, был беспристрастным и оценивающим. — Ведь это вам, а не мне предстоит в будущем определять такие вещи. Если ваш отец не сочтет иначе, ваша светлость. Так что не стесняйтесь. Я ожидаю вашего решения.

Джон Аддерли содрогнулся от этого взгляда, я мог бы поклясться в этом — слишком уж напряженно я следил за каждым его движением, гадая, что творится у него в голове. Содрогнулся — и снова прикрылся маской, на этот раз — без улыбки.

Что, твоя светлость, боишься своего учителя? Или все-таки не его, а отца, приставившего его к тебе?...

— Они убили оленя, как минимум одного. Это я видел сам. Когда я встретил их, они как раз разделывали тушу. Во время же нападения на меня и моего Беса, младший в основном трясся и плакал... Хотя... Вот оно. Он собирался подать своему подельнику нож.

— Да потому что боялся перечить своему дяде, черт подери! — у всего, в конце концов, есть какой-то предел, а у меня с терпением день ото дня становилось всё хуже. А и пропадай оно всё пропадом... — Ваша Светлость, отпустите парня, это даже не смешно.

В ответ на это мне отвесили предупредительный удар в живот, выбив весь воздух.

— Ещё раз откроешь рот — руку сломаю, всё равно не пригодится больше, — пообещал один из охранников.

Герцогский сынок повернулся в нашу сторону.

— Зачем? — поинтересовался он. — Чтоб сопляк воспылал жаждой мести и задался целью убить меня когда вырастет?

— Затем, что лорд Джонатан Аддерли поступает по совести, а не по прихоти.

Руку мне не сломали, но я по хватке ощутил что опасность этого очень велика, стоит его светлости только кивнуть. Светлость делать этого не спешила, задумчиво разглядывая тихо плачущего мальчишку, а за тем — его скорчившегося на земле, поскуливающего дядю, ещё недавно такого отчаянного и опасного.

Старый мэтр прочистил горло, напоминая воспитаннику о себе.

— Итак, милорд?

Джонатан нахмурился.

— Сначала допросить обоих. Кто они, откуда, где третий и сколько их тут ещё. После, сир Примор, повесьте старшего недобитка и дело с концом. Мэтр, составьте предписание на публичную порку и 12 часов у позорного столба для мальчишки. И да, пусть непременно посмотрит как заканчивают свою жизнь преступники. И подумает, стоит ли продолжать этот путь. — он помедлил ещё немного и произнёс, старательно не глядя в мою сторону. — Нашему еретику дайте воды и поесть. И не трогайте особо, к прибытию Норрингтона он должен быть цел и стоять на своих двоих. Как скоро, кстати, он будет здесь?

— Если не случится ничего непредвиденного, то часа через два, ваша светлость, — почтительно ответил белобрысый хлыщ в кожаном дублете.

— Хорошо. Я буду у себя в шатре, а вы все можете приступать.

Дальше всё было согласно букве приказа. Мне наглухо смотали руки за спиной по самые предплечья — не пошевелится, потом для верности привязали к дереву, а в довершение всего сир Примор отрядил для охраны двоих своих людей, приказав не спускать с меня глаз. Так что всё что мне оставалось — это бессильно наблюдать за тем как вешают старшего браконьера.

Посмотреть на это зрелище собрался весь лагерь. Туда же притащили и мальчонку, которому так и не дали ни словом обмолвиться с дядей на прощание. Я не видел его лица с того места где находился, но мне было его жаль. И его, и даже, по своему, его дядю, хотя тот сам вырыл себе могилу вообще взявшись за нож. Кем был этот человек и что толкнуло его на эту дорогу? И вообще, был ли я прав когда вмешался в это? Попытался спасти одну жизнь, взамен боги закономерно взяли другую, а ещё и наказали меня за поспешность в суждениях. Есть ли на самом деле эта разница в цене на их жизни?...

Когда у смертника вышибли из под ног опору, столпившиеся у импровизированного эшафота люди радостно заголосили.

Казни... привычная, излюбленная народная забава. За пятнадцать лет жизни здесь я так и не проникся ею, а уж теперь, после как овдовел едва женившись, и вовсе смотреть на это не мог.

Бедный мальчишка. Заслуженно повесили его дядю или нет — не суть важно. Бедный мальчишка. Хуже всего не тем кто умер, а тем кто остался.

Уже смеркалось. Солнце догорало в верхушках деревьев. Наступающую ночь охотники приветствовали вскрытием бочонка с вином. Посреди лагеря развели огромный костёр. Сюда же приволокли тушу забитого браконьерами оленя, и к этому моменту вымоченные в вине кусочки мяса уже благоухали над огнём.

От запаха еды мутило — сдавали нервы. Я все еще не был согласен со своей участью, и отчаянно пытался придумать что-нибудь — ну хоть что то! — но пока тщетно. Охрана своё дело знала, верёвки были затянуты намертво. Руки чертовски затекли. Есть благо не хотелось, а вот пить — очень. По распоряжению герцога воды мне дали, но не так чтобы

много. Больше не предлагали, а просить... я ещё не настолько умираю от жажды, чтоб просить.

Более всего я мечтал сейчас оказаться как можно дальше отсюда, желательно — сплавляется вниз по Бравоне с какими-нибудь не очень щепетильными контрабандистами. А вместо этого приходилось сидеть под злосчастным деревом и ждать неизбежности.

Приглушённую поступь копыт и лошадиный храп я услышал первый, несмотря на шум царящий у огня. Или, может, не слышал, а предчувствовал, и воображение обращало это предчувствие в звук. Так или иначе, я понял что они пришли незадолго до того как знакомый серый конь, его бывалый всадник и свита из двух человек вышли из тьмы к костру.

Разговоры в тот же миг притихли.

Сир Примор встал, приветствуя ночных гостей. Старший следопыт ответил ему сухо и коротко, слов было не разобрать, но суть была ясна: ближе к делу. Глава охраны махнул рукой в мою сторону, приглашая делегацию идти за ним.

Я отстраненно наблюдал за их приближением.

Нет, только не вот так. Не может всё закончиться вот так.

Они подошли: сухощавый бывалый следопыт с угрюмым лицом и холодным взором выцветших глаз; его младший спутник, точь-в-точь так же сохраняющий холодное спокойствие, но лицо его смотрелось на фоне старшего товарища молодым и живым; третьим с ними шёл егерь, неся перед собой масляный фонарь. И сир Примор, сопровождавший их.

Угрюмый остановился в шаге от меня, и мы несколько бесконечных секунд мрачно смотрели друг на друга.

— Отбегался, — сказал он наконец, и на его каменном лице появилась удовлетворенная усмешка. — Полтора дня. Неплохо для простого работяги.

Я промолчал.

— Ладно уж, — в голосе его слышалось снисхождение. — Не смотри на меня волком. Ничего личного, работа такая. А тебя очень ждут в Нордвике. Жаждают, я бы даже сказал.

«Я знаю кто ты, поганый недобиток. Чья-то роковая оплошность. Мой счастливый случай»

— Вам нужна помощь с перевозом пленника? — поинтересовался сир Примор.

— Спасибо, не нужно, — отозвался младший следопыт. У него был неожиданно звонкий приятный голос. — Побег заключенного с этого момента полностью исключен.

— Вещи задержанного у вас? — бывалый опустил на корточки рядом со мной, зачем то стягивая с правой руки перчатку из тонкой кожи. На тыльной стороне его ладони оказался вытатуированный круг с вписанными в него символами. Я не знал что это, но предвидел недоброе.

— Были изъяты при обыске, господин Норрингтон.

— Хорошо. Пусть все соберут немедленно. И потрудитесь проследить чтоб ваши люди ничего не присвоили.

Старый рыцарь, явно задетый этими словами, не смел возражать вслух и просто ответил «да, господин», жестом отпустив мою охрану. Надобность в ней отпала.

Норрингтон внимательно — слишком внимательно — всматривался в моё лицо. Медлил.

— Финч... где, чёрт возьми, я мог тебя видеть?

— Нордвицкий скорняжный цех, — холодно ответил я.

Тень усмешки вновь искривила его рот.

— Никогда там не был.

Он протянул руку со знаками к моей шее, и прежде чем я успел испугаться или понять что происходит, цепенящий холод в мгновение ока растёкся от точки соприкосновения по всему телу, заменяя собой все прочие ощущения.

Я попытался пошевелиться, но не смог. И не чувствовал ничего — ни боли, не усталости, ни рук, ни ног — ничего, кроме сковавшего меня мороза.

Мир вокруг погрузился во тьму.

— Я знаю кто ты, поганый недобиток. Как чуял всё время что с тобой что-то нечисто. Чья-то роковая оплошность. Мой счастливый случай. Всё это время был рядом, у меня под носом...

...Она мертва? Скажите мне что она мертва. Пожалуйста, милосердные боги, если вы слышите... пусть она умрёт. Пусть больше не испытывает боли и страха, пусть это скорее закончится, пусть её не станет сейчас.... Ничто ведь не может изменить этого теперь. Заберите её отсюда, заберите в свои божественные чертоги, уберегите подле себя, подарите покой и свет. Боги.... Прошу...

...Рассудок включился резко, словно от удара. Его вернул из ада дрожащий старушечий голос.

— Господин Орф, милостивый лорд-защитник, сжальтесь!

Любовь... какими отчаянно храбрыми она делает нас. Пять минут назад я сам из-за неё пытался войти в костёр, чтобы спасти Бригги. А теперь женщина, которую я звал "матушкой", дрожа, словно забитая собака пред ликом жестокого хозяина, отделилась от толпы и упала к его ногам, чтобы попытаться спасти меня.

— Сжальтесь, Ваше Превосходительство! — бедную старушку лихорадило. Голос её дрожал и то и дело срывался. — Помилуйте, Богом-Императором прошу вас! Отпустите... Отпустите моего мальчика! Он не сообщник и не колдун! Умоляю, не надо! Он просто не в себе!.. Не в себе, Ваше Превосходительство...

Собравшиеся горожане загомонили между собой, и в их рядах стал нарастать ропот. Где-то — испуганный, где-то — предвкушающий, где-то даже возмущённый — но не более этого.

— В себе или не в себе, а за свои действия каждый должен держать ответ, — ответил ей Орф. — Ваш приемный задержан как подозреваемый и сообщник осужденной ведьмы, а также за попытку грубого вмешательства в дела храма и нападение на судью при исполнении. До вынесения приговора он будет заключён под стражу, после — его судьбу решит суд.

Меня грубо пытаются поднять и поставить на ноги. Дышится через раз. Медный привкус крови во рту. Тело не слушается. Правая сторона лица горит огнём.

...Это всё не может быть правдой, верно? Верно? Похоже на самый страшный ночной кошмар. Нет... нет, только не это, только не прочь! Я должен... я не могу... что я буду делать? Зачем я вообще теперь?...

Гомон собравшихся стал громче. Казалось, пространство вокруг заполнилось им, словно песком во время самума. А за тем, словно бы в единый миг, всё затихло.

Что-то пошло не так.

Я попытался сфокусировать взгляд, и увидел Мари. Она вышла из толпы и встала рядом с матушкой Финч.

Без сомнения, все в городе знали тихую доброжелательную белошвейку Маришу Ормин, вдову, воспитывающую единственного сына и кое-как сводящую концы с концами. Никто не ожидал что она решится выйти и высказаться в такой момент, когда любой другой разумный человек предпочел бы молчать. Никто, кроме меня. Я-то знал о ней больше чем она сама, о том что живёт на дне этого тихого омуты... и похолодел.

Ох, только не навлеки беду на свою голову... Только этого мне не хватало...

— Ваше Превосходительство, от имени ремесленного квартала я прошу вас отпустить этого человека, — промолвила Мариша, склоняя голову перед лордом-защитником. Голос её был напряженным, руки дрожали от страха. Несколько мучительных секунд одинокая расхрабрившаяся женщина стояла на три шага впереди толпы горожан, в полной тишине. Казалось, люди вот-вот отпрянут от нее как от чумной.

Но из безликой и перепуганной людской массы вышел Адам, добрый старый друг. Ему, как и Мари, наверняка было страшно. И было что терять. Но стоять и смотреть он, видимо тоже больше не мог.

— Я присоединяюсь к ходатайству за этого человека, Ваше Превосходительство, — произнёс Адам громко, чтоб все слышали. Он поравнялся с Маришей, сжимая кулаки.

— Присоединяюсь, — послышался мрачный голос мастера Эмриса, хромящей походкой ковыляющего вперёд. — Миссис Финч права, Ваше Превосходительство. Парень просто не в себе от горя. Отпустите его. Как глава нордвикского скорняжного цеха я готов дать за своего ученика откупную.

Его присутствие немедленно прибавило моим отчаянным друзьям веса в их прошении. Видя что старший мастер вышел вперёд и взял слово, один за одним от толпы стали отделяться наши скорняжные подмастерья. Соседи и товарищи вдруг на что-то решились. К Адаму и Мари присоединились кузнецы Лод и Яр, потом — травница Агнес, за ними — бондарь, гончар, охотники Бронн и Дэнгейр, плотник с женой, и его подмастерья... Все те, кто знал и любил нас с Бригги, собрались вместе. Маленькая кучка расхрабрившихся горожан, не нашедших в себе силы стоять в стороне, особенно если в стороне не осталась одинокая вдова.

Я не видел лица Жакомо Орфа в тот момент, но готов был поклясться именем собственного отца, что ощущал его страх. Возможно, это был первый раз в его жизни, когда «чернь» вдруг осмелилась перечить ему. Тем более этот просящий «бунт» всё больше и больше набирал силу. Может быть он вдруг осознал что прикрыться законом в этот раз не выйдет. Чаша людского терпения переполняется, рано или поздно, и никому ничем хорошим не светит это переполнение — ни правителям, ни народу.

Хотя, быть может, в этот самый момент он боялся не нас, горожан, а себя самого, и того, что только что сотворил. Ведь он желал ее сам, тоскливо и сильно. Мучительно. Безысходно. А она предпочла меня.

— Знайте своё место, — прохрипел Орф. — Всё будет строго, согласно букве закона. Дело рассмотрит храмовый суд, и решение будет вынесено в ближайшее же время. Если вины, большей чем попытка вмешаться в ход казни за Финчем не найдется, он будет оправдан и отпущен. Но только после следствия — все слышали это? Только после следствия и суда.

Его прервал громкий и в то же время мягкий, хорошо поставленный голос отца Карелия. Единственного, кто по статусу в храме был равен лорду-защитнику. Единственного, кто мог оспаривать его действия и решения.

— Не спешите, брат мой! — Карелий говорил с добротой в голосе и лёгким намёком на укор. — Финч, безусловно, проявил опрометчивость и действовал на эмоциях, но вам ведь известно как чувства застилают глаза молодым? И более всего — тем кто попал под ведьмовские чары. Но во истину, Император велит нам прощать и проявлять милосердие, ведь задержанный, может стать, и сам не ведал о тёмной стороне осужденной, и теперь не

в себе от горя. Это вполне можно понять.

Первосвященник, тучный и добродушный, подошёл к Орфу вплотную, по-отечески возлагая руки на его плечи. Жирный лицемер, о каком милосердии речь? Ты просто вновь играешь в эту старую игру, ведущуюся с тех самых пор как Император взошел на свой божественный престол, семь с половиной сотен лет назад. В ней всегда противостоят друг другу «злой» инквизитор властный карать, и «добрый» священник властный миловать. По сему доверчивые люди всегда слепо страшились первых и любили вторых.

— За содеянное, бесспорно, полагается дисциплинарное взыскание, но не более. Порка и полдня у позорного столба вполне окупят его проступок, снисходя к состоянию бедняги. — Кареллий говорил так словно читал проповедь. — А далее стоило бы передать мистера Финча в руки его близких, разделить с ними скорбь утраты.

— Падре, — прошипел Орф, так что я едва мог слышать его. — Не вмешивайтесь в это.

— Я всего лишь спасаю положение, — в полголоса ответил священник, уже не степенно, а с плохо сдерживаемой угрозой. — Вы и без того преступили некоторую черту, которую не следовало бы, брат мой. И ладно девка, там было за что, вдобавок все знали что она — не от мира сего. Но расправа над Финчем — это перебор. На него у вас ничего нет кроме личной неприязни, о которой знает каждая собака, а вдобавок он в городе на хорошем счету. Давайте не станем плодить лишние сложности, брат Жакомо.

Орф молчал.

— Брат Жакомо? — с напором произнес Кареллий.

Орф молчал и, казалось, не слышал.

— Жакомо, очнитесь! Императора ради, просто подыграйте мне, а позже объясните что на самом деле произошло.

— Да, — произнёс Орф наконец, громко и явно на публику. — Во истину, богу нашему и Императору угодно милосердие, и я благодарю вас, отец Кареллий, что напомнили мне об этой добродетели. Ваша правда, пусть примет свою кару и идёт с миром. Инквизиция даже согласится на послабление наказания для этого человека, если он, здесь и сейчас, при всех, раскается в своём проступке и отречется от связи с ведьмой.

Я молча плюнул ему в лицо.

— Пятнадцать плетей, — лорд-защитник брезгливо отступил на шаг, хватаясь за платок. — И в колодки, здесь же, на площади. Сердобольных не подпускать. На рассвете вытащить, и передать с рук на руки матери. Гектор!

Лысый немой заплечных дел мастер кивнул, давая понять что слышит.

— Будь нежен, — это было сказано уже тише. — Мне нужно чтоб он не подох к утру, но очень жалел об этом.

По толпе пробежала новая волна ропота — взволнованная, и в то же время предвкушающая. Мне самому было уже все равно, куда меня тащат и сколько еще придется перетерпеть. Хуже бессильного созерцания казни вряд ли что-то могло произойти теперь, и боль больше не имела значения.

Лица друзей смотрели словно через толщу воды — далёкие и нереальные. Только громкие слёзы и причитания матушки терзали наравне с размашистыми ударами, наносимыми мастерской рукой палача. Я не смог их считать, направив все силы на то чтоб стиснуть зубы и не издать ни звука. Просто ни звука, насколько это только возможно. Ни криков, ни мольбы никто от меня не услышит, даже перед лицом смерти.

Орф стоял в отдалении, наблюдая за исполнением приказа. Смаковал. Знал, что утром я

вряд ли смогу уйти куда либо своими ногами. Но даже если уйду — никуда от него не денусь. Более того — я собственноручно и очень скоро дарую ему повод арестовать меня, так что уже никто ничего не посмеет возразить.

Ну, давай. Сжать кулак. Разжать. Сжать снова. Сильнее. Ещё сильнее. Давай, ты сможешь... Вот так. Слабо, едва ощутимо, но это уже кое-что.

Холод и онемение в связанных за спиной руках раздражали — хотелось встряхнуться и потереть ладони друг о друга, но сделать это не было возможности. В спину упирался посеревший от времени старый деревянный столб. Вкопан он был глубоко и стоял на этом месте не один десяток, исправно поддерживая крышу сарая. Ни туда, ни сюда.

В хлев, пристроенный к домику егеря, робко проникал серый утренний свет, призывая проснуться его обитателей. Невидимая глазу коза сонно заблеяла, а один из коней — тот самый памятный, серый — завидев что я подаю признаки жизни, шумно храпнул и с любопытством потянулся ко мне носом. Яблоки ищет, продажная душонка. Но чего нет — того нет.

Тело все ещё было словно не моё, от каждой попытки шевелиться кружилась голова, но я упорно продолжал сжимать и разжимать кулак, до тех пор пока вновь не почувствовал собственные пальцы.

Добрая весть: наведенный паралич со временем проходит. Дело нескольких часов. Без сомнения, этот Норрингтон — или как там его? — восстановит эффект как только посчитает нужным. Но двигаюсь я или нет — не зависит от него целиком и полностью. А значит, шанс на его ошибку есть, пусть и небольшой.

Интересно, если пытаться шевелить рукой наперекор онемению, это поможет быстрее его сбросить? И время действия чар от чего зависит? И самое важное: как следопыты определяют работает их магия или нет? Есть ли у меня шанс притворится обездвиженным, чтоб инквизиторы решили что все идет по плану? И что с оковами делать? Руки за спиной, я даже не вижу как они крепятся, но судя по всему там коротенькая цепь в три-четыре звена.

Самое паскудное — я по прежнему почти ничего не могу.

Забывшие Боги, это сводит меня с ума.

Должен же быть способ выбраться из этой передрыги, демоны раздери этих ищек у которых все предусмотрено наперёд.

Так. Спокойно. Успокойся и думай. Нам еще тащится в Дайнспорт, и жалкие шансы на чудо у меня есть. А вот когда доберёмся — дело точно труба. Там есть храм, а значит и катакомбы под храмом, как и везде. А вот оттуда выхода уже нет.

Я это знал не понаслышке. Мне доводилось бывать в подвалах нордвицкого храма, и самому оценить эти узкие лабиринты и надёжные стены. Тогда мне пришлось по цеховым делам сопровождать наставника: наш священник хотел преподнести в подарок епископу из Аддерхолда особое, обитое кожей кресло. Материал нам выдал лично палач Гектор, вытащив его из самых недр своих владений. Кожа была уже дублёная и готовая к работе.

Тот заказ выполнял лично мастер Эмрис, не доверив такого деликатного дела никому кроме себя самого. Я был рад этому. Мне хватило того что я просто нес этот "материал" в мастерские. Никогда не забуду каков он был на ощупь. Его цвет. Его запах. Странное покалывание в пальцах рук если прикоснуться к нему хотя бы пару минут.

Не забуду, хотя все бы отдал чтоб забыть.

Снаружи скрипнула дверь дома, кто-то вышел на крыльцо. Не следопыты — поступь была легкой и скорее женской. Хозяйка, видимо, встала с зарёй ради обычных утренних дел. Значит, вскоре проснутся и ее уполномоченные гости, мы продолжим путь к тракту. И меня, к гадалке не ходи, снова парализуют.

Нет... только не это.

Я с силой рванул руки в разные стороны, натягивая цепь — скорее уже от отчаянья. Давай... порвись... пусть чудо случится, пусть мне уже повезёт... Ну же, ну...

Нет. Ничего, кроме лишних ссадин. Пока, что во всяком случае. Нужно попробовать ещё раз, не может же оно совсем не поддаваться? Цепь же довольно тонкая... Ну, давай же! Как жаль что я только сейчас разработал руки, может быть если бы у меня... Было!.. Больше!.. Времени!.. Ну же!!!..

Нет. Ни малейшего сдвига с мертвой точки, судя по ощущениям. Я с досады резко ударился спиной об злосчастный столб. Тот, даже не дрогнул в ответ.

Да что ж такое то?...

Спокойно, нельзя сдаваться, ни в коем случае. Дух переводить тоже времени нет, нужно пытаться, рвануть как следует, ещё и ещё и ещё, пока не получится. Должно получиться. Рано или поздно.

Может я что то упускаю? Может есть иной способ освободить руки? Припомнилось как пару лет назад, вечером в нордвицкой таверне, один сомнительный приезжий похвалялся будто выскользнул из кандалов вывихнув себе большой палец на руке, а потом вправив его обратно. Интересно, насколько это байка и как вообще это сделать, если руки!.. скованы!.. за спиной!... Ну давай, хоть немного...

— Бессмысленное занятие. Ты только покалечишься без толку, — произнесла хозяйка, входя в сарай. На вид ей можно было дать лет сорок. Простая женщина, и одета по-простому, сидящая коса на плече лежит. Всё бы ничего, если б не пронизательный взгляд, который она на меня бросила, едва переступив порог.

— Что толку от рук, если ими уже ничего не поделаешь? — спросил я с досады.

— Как знать, — женщина пожала плечами и прошла мимо меня, навстречу радостно блеющей козе, будто бы моментально забыв о моём существовании. — Доброе утро, моя хорошая! Айда как сюда, погляди что я тебе принесла...

Я потянул кандалы снова, уже не так резко, чтобы избежать лишнего шума. Широкие кольца больно врезались в запястья, но я упрямо продолжал до тех пор пока снова не выбился из сил.

— На твоём месте я б всё же побереглась. Как знать, может и пригодятся ещё, руки-то.

Я облокотился спиной на столб, переводя дух.

— Разве что вы сейчас решите меня освободить, почтенная.

— Даже не мечтай, — послышалось в ответ. — Я-то головой дорожу, и складывать её за какого-то постороннего не горю желанием.

— Ну хоть воды-то дадите? Или не рискнёте закон нарушать?

— Посмотрю на твоё поведение, — ехидно ответила женщина, в тон мне.

— Тогда скажите хоть, где мы находимся?

— Это дом егеря, колдун, — ответили мне.

— Я не колдун.

— А кто же ты тогда?

— Простой скорняк из Нордвика.

— Конечно... — в голосе её послышался скепсис. — А я — Её Преосвященство Алессия Лорелей.

— Вот как? Тогда приятно познакомиться, Ваше Преосвященство.

Хозяйка не ответила, демонстративно переключившись на козу. В целом, так-то оно и лучше. Воды-то мне дадут в любом случае, раз им велено доставить меня в Нордвик живьём. Прямо в лапы к Орфу, от которого мне с таким трудом удалось улизнуть... Доставят, бросят ему в ноги, и в этот раз меня уже ничто не спасёт. Но что бы он там не намеревался сделать со мной — повесить, сжечь, сгноить в катакомбах или и впрямь подарить Верховному Синоду — страшнее любой участи была мысль о том, что эта гадина одержит надо мной верх. Этого нельзя допустить. Нельзя. Любой ценой.

— Зачем ты спас герцога, скорняк из Нордвика?

— Что? — этот вопрос вернул меня в реальность.

— Зачем ты спас герцога, — терпеливо повторила женщина. — Рассчитывал на его покровительство что ли? Или просто денег хотелось?

— Да уж... — это прозвучало горько и досадно. — Знал бы как всё выйдет — сто раз бы подумал, прежде чем стрелять.

— Я не спросила сожалеешь ли ты, — сказала она с нажимом. — Входя в лес, ты обещал, что никого не тронешь и не обидишь. Ты преступил слово. Зачем?

По моему моё сердце только что пропустило удар-другой.

— Откуда вам это известно?

Она не ответила, и от этого стало ещё неуютнее.

— Простите, мне в голову не пришло, что судьба браконьеров может волновать... эм... лес.

— Ты слушаешь меня или нет? Я спросила — зачем, а не волнует ли кого то-их судьба.

— За тем, что вообще у нормальных людей принято помогать друг другу, — не выдержал я. — Не оставаться равнодушным, не проходить мимо чужой беды и не прятаться, поджав хвост. Я понятия не имел что это лорд Джонатан, видел только что какому-то юнцу сейчас шею свернут. И вмешался. Чёрт, да любой нормальный человек вмешался бы!

Женщина обогнула столб, вновь появляясь в моём поле зрения. На сей раз она глядела с интересом, внимательно и цепко.

— «Любой нормальный человек» — это ты людям сильно польстил, скорняк из Нордвика. Люди, если ты не заметил, порой хуже зверей в лесу. Любому «нормальному человеку» нет дела ни до чего кроме себя, любимого. Всех их волнуют только власть, жратва и похоть.

— Гнилая ваша философия, — отвечал я, не скрывая отвращения. — Люди от зверей отличаются, и сильно. И, как не крути, именно люди придумали сострадание и милосердие. Люди. Не белки и не медведи.

Хозяйка усмехнулась в ответ, но уже не так холодно.

— Ты, видимо, довольно мало знаешь о медведях и белках.

— Возможно, — я пожал плечами. — Не доводилось с ними жить.

Моя собеседница присела рядом со мной, так близко, что я мог в деталях рассмотреть лёгкую паутинку морщин на её лице. Улыбка исчезла с её губ, а тон стал тихим и настойчивым.

— Кто ты на самом деле?

— Я то же самое хотел спросить у вас.

— Моё имя Тильда, — улыбка вернулась снова. Лукавая улыбка. — И я — скромная жена егеря Вэйлина Торфа, поставленного герцогом Теодором Аддерли присматривать за его охотничьими угодьями.

— Не более того?

— Конечно не более. А ты?

— Я уже сказал вам кто я. И вынужден разочаровать — это правда.

Она вцепилась мне в плечо вместо ответа. Больно впила пальцами. Теперь был её черед злиться.

— Ты лжешь, колдун.

— Я не колдун.

— Снова лжешь.

— Я не колдун, — упрямо повторил я. — И знаешь, сам очень жалею об этом.

— Если ты не колдун, то видно и впрямь дурак, — её голос стал ещё тише, словно змеиное шипение. — Вокруг тебя разве что воздух не трещит искрами.

— Простите что разочаровал.

— Бездна, прекрати огрызаться и отвечай нормально! — она встряхнула меня так словно пыталась пробудить ото сна. — Времени в обрез, ищейки вскоре проснутся, и тогда я точно не смогу ничего для тебя сделать. Ровно как и ты для меня.

— Да что вам от меня нужно? — кажется, я совсем перестал понимать что происходит.

— Чтобы ты убил своих пленителей.

У меня от изумления вырвался смешок.

— Это вот их? Опытных следопытов, которые одним касанием кого угодно обездвигить могут? Интересно как?

— Как будто у тебя есть выбор, — ответила она. — Или ты убьешь их, или погибнешь сам. И ты, и не только ты — разобравшись с тобой, они вернутся сюда и заберут другие жизни. Они видели слишком много лишнего пока искали тебя здесь.

— Это чего же например?

— То, что с величайшим трудом удалось восстановить.

— Восстановить что?

— Как я тебе объясню? Ты ведь не колдун.

Удивительная женщина. Вроде как оказалась неожиданным союзником, а злит всё так же сильно.

— И как я по вашему их убью? — я тщетно пытался высмотреть в её лице признаки скрытой издёвки. — Норрингтон сейчас проснётся, наложит своё заклятие по новой, и я ни пошевелиться, ни сказать ничего не смогу!

— Я тебе помогу и научу что делать, — она поглядела деловито. — Хотя, конечно, будь ты сведущ в природе Сил, было бы проще и надёжнее.

— Хорошо, — сдался я. — Не настолько я не сведущ как хочу казаться, хотя знаю ничтожно мало. После смерти отца некому было меня учить.

Она коротко кивнула.

— Тогда слушай. Следопыт, как и все они, пользуется силой своего лже-бога, которая сейчас сковывает ткань Мироздания от небес до корней земли. Однако есть места, где истинные боги по сию пору сильны. И путь отсюда будет проходить как раз через одно такое место. Валлейский северный кромлех. Я поставлю на тебе знак, который признают

обитающие там силы. Это ослабит чары, а дальше — дело будет за тобой. И твоей волей.

— Волей?

— Что по твоему в любом чародействе первично?

— Знание, если рассуждать логически.

— Нет, — отвечала она, извлекая из поясных ножен маленький нож. — Воля важнее всего.

— Пусть так, — я изо всех сил старался не шевелиться, пока она закатывала мне рукав рубахи и что-то царапала прямо на коже, чуть повыше локтя. — Только я по прежнему не понимаю как преодолеть чары.

— Этого никто тебе точно не скажет, — отозвалась женщина. — Всё что я знаю — я знаю лишь по тому что сама до этого дошла. И ты тоже можешь многое узнать и сделать, если будешь достаточно внимателен к собственным ощущениям. Мой единственный совет тебе: помни, ни у кого нет над тобой власти. Ты сильнее любых чар. Стой на этом, даже если это не так, — она сделала задумчивую паузу, поправляя рукав. — И... не ошибусь, пожалуй, если скажу что скорняк из Нордвика с таким делом не справится. А вот тот, о ком ты упорно не желаешь говорить — да.

Я промолчал.

Справился бы тот человек, который должен был быть вместо меня? Без сомнения, справился бы. Ему даже нашлось бы чему научить эту доморощенную ведьму, вне всяких сомнений.

Впрочем, он вообще вряд ли попал бы в такую ситуацию. У него наверняка была бы куча слуг и личная охрана. Стоило бы щёлкнуть пальцами — и он мог бы получить все что угодно. И супруга его жила бы в достатке и благоденствии среди персиковых садов Верхнего Города. Никто не посмел бы поднять на неё глаза, не то что руку.

Вот только женщина эта была бы чужой, с младенчества сосватанной по договору во имя укрепления связи между кланами. А её муж скорее всего был бы избалованным, надменным и быть может даже жестоким человеком, как это водится в высоких сословиях. И лорд Джонатан мог бы показаться на его фоне образцом чести и добродетели.

Нет. Хорошо что этот человек умер в шесть лет просто мальчишкой. Не хотелось бы мне быть им.

— Цепь ослабить мне не под силу, — продолжила Тильда. — И с этим тебе придётся разбираться самому.

— Она достаточно тонкая? Звенья спаянные или просто сомкнутые?

— Спаянные. Но не слишком крупные. Пять звеньев. При желании можно повредить жерновами или ударом молота.

Ну хоть что то.

— Ну и... — я глубоко вздохнул перед тем как озвучить самое слабое место её плана. — Ещё кое-что. Допустим, мне удастся сбросить чары и каким-то невероятным образом избавиться от цепи. Но я никогда раньше не отнимал у человека жизнь. Я не убийца.

— Да? Значит придется им стать, скорняк из Нордвика, — она встала на ноги. — Ибо тех людей что придумали милосердие здесь нет.

Я осознал себя вновь, всё ещё ничего не видя и не слыша. Осознал, что не могу шевелиться и что замёрз до самого нутра. Я не понимал где я, и что со мной сейчас. Однако я мог мыслить и наблюдать, словно только что родившись из небытия.

Вслед за тем, как показалось мне, серый туман, окутывающий мир вокруг, подёрнулся рябью, и из мглы проявились очертания скрытого за ними кромлеха. Сам воздух словно пульсировал, вибрируя в такт некому сердцебиению, пронизывающему мир. Оно умиротворяло, подчиняя всё во мне своему ритму, и моё собственное сердце вскоре послушно подстроилось под него, разгоняя по телу живительное тепло.

Я стою в этом сумеречном лесу, среди нереально больших деревьев, в кругу из огромных, покрытых мхом и огамом камней. И здесь не темно — свет исходит от трав и стволов, от листьев и былинки, будто всё что живёт и растёт — сияет само по себе.

В пределах каменного кольца, в шаге от себя, я видел его. Медведя. На сей раз действительно видел глазами, но узнал тем не менее сразу — это был именно он. Величественный и сильный, в несколько раз больше любого обычного косолапого, с удивительного цвета шкурой, отливающей янтарём.

Но вот что было неожиданно — медведь был молод. Мне отчего-то казалось что духи лесов, коли они и правда есть, должны быть древними как само мироздание, а не такими как он. Неопытными. Доверчивыми. Взирающими в тебя удивительными нечеловеческими глазами, глубокими и спокойными.

Глядя на него я остро ощущал восторг. И страх. И трепет. Но главное всё-же — невероятный, сильный восторг, просто от того что он всё таки настоящий. Он, и что-то удивительное, огромное, бьющееся вокруг, исходящее из самых глубин — большее чем мы оба. Я понятия не имел что это, просто надеялся что этот удивительный миг растянется на маленькую вечность.

Но вместо этого приоткрыл глаза.

Видение исчезло. Животворная пульсация — нет.

По всему телу разливался жар, бешено бьющийся в такт с неведомой силой. Я чувствовал её так же явно как и запах конского пота под самым носом.

Каждую мышцу в теле ломило, но пошевелиться я по прежнему не мог, словно меня придавило горой песка. Только песка на самом деле не было: меня просто везли на спине моего серого знакомца в качестве поклажи, только и всего.

В глазах все расплывалось. Были только цвета — серый и зелёный.

И голос. Голоса.

— ...что и требовалось доказать.

Конь остановился.

— А что это вообще, мастер? На друидский ритуал вроде бы не похоже. Скорее уж на детскую игру в друидский ритуал.

— Поверь, это не игра. Скорее — попытка на ощупь понять как это работает.

Надо попробовать аккуратно пошевелить пальцами. Давай, ты уже проделывал это, и у тебя даже получилось. Только так чтобы они не видели. Иначе пропал мой единственный шанс.

— Считаете, это стоит беспокойства?

— Ещё какого. Это как сорняки, пропустил маленький росток — и пропал твой сад. А настоящие друиды, поверь, это не то с чем ты хотел бы когда-либо столкнуться.

Где они? Голоса чуть поодаль. Отвлеклись на то, что нашли? Не смотрят? Сжать — разжать, сжать — разжать... ничего не выходит. Проклятье, что делать дальше-то?...

— Так вроде как “тех самых” друидов и не осталось уже, — недоверчиво заметил голос помоложе. — Даже в Дунроге, разве нет?

— Ага, как же... — мрачно ответил ему старший. — Повычистили-то мы их знатно, но горы Дунрога — такое паскудное место, Стивен, полное всяческих невидимых щелей, куда можно заползти и спрятаться. Так что я бы не поручился...

Нужно как-то сфокусировать зрение. Так чтоб перестало расплываться. Что со мной вообще, и где мы? Лежу на конской спине. А руки, вроде, все еще в кандалах и привязаны к луке седла. Вот и что я смогу сделать из такого положения?... Впрочем, если бы вернуть себе способность двигаться, можно было б шугануть коня и поминай как звали... Или хотя бы выиграть дистанцию и получить пространство для маневров...

Если бы...

— Я этих дунрогских друидов навидался в свое время, — продолжил Норрингтон. — А сколько наших там полегло, до сих пор никто точно не скажет. Я лично столько товарищей схоронил, что со счёту сбился.

— А вы участвовали в зачистке Дунрога? — оживился Стивен.

— Да, — ответил старший. — И поверь, если я говорю что друидов надо давить сразу, то значит их надо давить сразу. Даже если им будет лет пять от роду.

Послышался шорох шагов — в сторону от меня. Отходят? Сейчас бы самый момент, чёрт... Спокойно, просто пробуй продолжать. Сжать кулак — разжать кулак. Не просто так. Тот же ритм, то же сердцебиение.... Поймать его и подстроится под него. Оно ведь не простое, это пульсирует нечто большее чем я сам, и — как знать? — может быть большее, чем сковавшая меня сила. Сжать — разжать. Сжать — разжать...

...лучше. Получается! Получается!! Давай, продолжай! Надежда есть....

— Ооо, взгляни-ка на это. Видал как всё запущено? — в голосе Норрингтона слышалась усмешка.

Шорох шагов и удивлённый присвист.

— Это что, священный дуб? Серьёзно?

— А то. Причём это золотой дуб, в валлейском лесу, да и в сотне миль окрест таких не растёт.

— Золотой?

— Видишь форму листьев?

Послышался лязг покидающего ножны клинка.

— Вот и последний аргумент. Теперь срочно в Дайнспорт, снаряжать отряд зачистки.

— Я вам понадобится?

— Да, понадобится. И не делай такое лицо. Не убежит от тебя твоя зазноба. А если убежит то и на кой она тебе?...

Сталь ударила о тонкий ствол, и мне показалось что весь мир содрогнулся вместе с деревцем.

За тем последовал ещё один удар. За ним — третий.

Нечто рухнуло, прошуршав листьями напоследок и характерно хрустнув ветвями о

землю. Судя по звуку, страшный друидский дуб, так встревоживший старого следопыта, был едва ли выше окрестных кустарников. Но с его падением тёплая, пульсация вокруг сила вдруг исчезла, а меня — пробило ознобом. Знакомый холод тут же начал покалывать кончиках пальцев.

Нет... только не это!...

— Для начала и так сойдёт, — Норригтон, судя по звуку, сплюнул. — А завтра здесь всё выжгут к чёртовой матери на сотню метров окрест.

— Как скажете, — равнодушно согласился его напарник. — Хотя если вас интересует моё мнение, то я не вижу повода для беспокойства. Это дурость каких-то местных, которые, как я понял, плохо понимают, что они делают и зачем. Я не встречал настоящих потомственных друидов, но вот таких, доморощенных колдунишек — сам лично ловил не один раз. Самоучки «не от мира сего», как правило ничего из себя не представляют.

— Вот чтоб и не представляли дальше, нужно зачистить. Сопляк, ловил он их...

Стивен в ответ промолчал.

А я — отчаянно сопротивлялся подступающим холоду и панике. Пульсация пропала, и казалось, что мне заложило уши. Однако её ритм всё ещё отдавался во мне, и я попробовал удержать его. Дышать в такт, повторять его в памяти, сжимать и разжимать кулаки вместе с ним.

И, к моему удивлению, холод остановился, обжигая колким морозом, но не проникая внутрь. Пока, во всяком случае.

Это было похоже на то как если бы приходилось нота за нотой проигрывать в голове одну и ту же мелодию. Ритм. Ритм. Ритм. Удар. Удар. Удар. Стоило отвлечься на миг — и мороз начинал ощущаться острее. Поэтому пришлось положить все свои силы чтобы просто сопротивляться ему.

И долго я смогу противиться неизбежному? Всё пошло не так. Какие у меня вообще есть шансы против этой силы?...

Я ведь ничего о ней не знаю, ничего...

«Смирись. Успокойся. Расслабься. Доверься мне. Зачем ты сопротивляешься?»

Смириться. Расслабиться. Перестать барахтаться. Боги, заманчиво... Я ведь действительно устал уже от этой безумной гонки.

Конь послушно тронулся с места, вновь влекомый за удила своими владельцами. Покидая каменный круг. Оставляя вспыхнувшую было надежду в нём, вместе со срубленным деревцем.

«Вот так. Теперь всё верно. Остается только отпустить себя. Уснуть. Уснуть, и всё встанет на свои места. Ты ведь устал. Ты ведь измотан... но с тебя довольно, хватит. Я помогу тебе. Дарю тебе покой. Доверься мне...»

По спине пробежали мурашки, и вовсе не от холода. Боги... это же не мои мысли! Но звучат внутри меня словно мои...

«Кто ты?»

«Я — тот кто желает тебе лишь блага. Перестань противиться мне. Усни. Усни и впусти меня...»

«Благо благу рознь. Кто ты такой?...»

«Бедняга... — ощутил я вместо ответа. — Искалеченный, уставший... С тобой такое случилось, что и врагу не пожелаешь. Твоя боль велика, а утрата невозполнима. Ты бежишь... от чего бежишь? От преследования, ты думаешь? Нет, сынок... ты бежишь от

себя самого, а это невозможно. Где бы ты ни был, что бы ты не делал, какой путь бы ты не избрал — ты останешься собой, и всё что ты несёшь в себе всегда за тобой последует...»

В этом была правда, неприглядная и страшная. Даже если я сбегу... то что? Я не смогу вернуть её. Что бы я не делал, я не смогу вернуть ни её, ни своей прежней жизни. Орф будет искать меня пока не отыщет. А до той поры я обречён прятаться где придётся, в надежде что день расплаты далёк...

«Но ничего. Теперь всё позади. Тебе не нужно больше тратить силы. Ты наконец там где должен быть. У тех кто поможет тебе. Приди ко мне. Я утешу тебя. Я заберу твою горечь. Я заберу ее без остатка...»

Правда?... Правда заберёшь? Правда всё позади? Я правда могу просто уснуть, и все это просто закончится?...

— ...они нас подстерегли в ущелье Браетах, когда мы возвращались в форт. Мстили. Чёртово ущелье было слишком удобным для засады, но другого пути не было. По этому наш старшой пустил вперёд пленных, одетых в нашу форму. Там они все и полегли, правда нам пришлось не легче. Горцев в тот день вёл лично Фингалл О`Доэрти, и старый лис предвидел нечто подобное, отправив лучших бойцов нам в тылы через какую-то незаметную дыру в скале — уж не знаю как мы её проморгали, хотя времени на разведку и правда было в обрез. Мы сцепились с ними не на жизнь, а на смерть. А горцы народ полоумный и дикий. К тому же О`Доэрти состояли в тесном родстве с Хайли, которых мы вырезали под корень при взятии Аль-Шалесса. Так что Фингалл, как говаривают, поклялся на крови что будет убивать имперцев до последнего вздоха. Последний вздох он встретил там же, на закате. После этой кровавой бани судить старика никто не собирался. Где поймали там и четвертовали, проклятого сукина сына.

— У меня создаётся ощущение, что ни одна заварушка последних двадцати лет не обошлась без вашего участия, мастер, — довольно тухло отвечал впавшему в ностальгию Норрингтону его молодой напарник. Похоже, он уже пожалел что поднял тему войны с горцами.

— Да. И тебе такого послужного и за три жизни не набегать, парень! — самодовольно ответил Норрингтон. — Все эти дрязги закончились ещё когда ты пешком под стол ходил. Это нашими стараниями ты и такие как ловят в провинциальных лесах ополоумевших крестьян, возомнивших себя знахарями, а не бьются насмерть с потомственными друидами вроде О`Доэти, Ламмахами, или, не приведи Император, — Хайли. Для этих подонков не было ничего святого, а сколько людей они перебили на алтарях — что наших, что своих, — не пересчитать. Это мы сражались и умирали чтобы очистить мир от этой заразы. Чтобы ты и тебе подобные на службе как сыр в масле катались, горя не зная. Это благодаря нам в Империи сейчас тишь, гладь да благодать... Ловил он! Крестьян! Тоже мне...

Тяжесть во всём теле становилась почти невыносимой. В голове все еще упрямо пыталось сохраняться загадочное биение, но уже скорее по инерции, всё утихая и утихая с каждой минутой.

Все это ошибка, какая-то фатальная ошибка. Мне и даром все это не нужно, и в гробу видал я эти приключения. Я хотел просто спокойно жить среди друзей и близких, вместе с Бригги, обзавестись собственными детьми, а амбиции мои ограничивались желанием признания моего мастерства — и все. Прости уж, загадочная «жена егеря». Что бы ты там не ощущала — я всё-таки просто маленький человек, один из множества, и во мне на самом

деле нет ровным счетом ничего особенного. Могло быть, должно было быть... но нет.

«Вот так. Всё верно. Так лучше. Правильнее. Просто расслабься. Просто засыпай...»

Засыпать... В самом деле, заснуть — и пропадай всё пропадом.

— К слову об этом... мастер, растолкуйте мне наконец, почему Император так долго медлил с уничтожением Аль-Шалесса?

— Политика, Стивен. Политика. С Архимагом волей-неволей приходилось считаться.

— Я, похоже, что то упускаю. Какой-то город-государство, а нам принадлежит большая часть континента. С какой стати Империя не стёрла их в порошок ещё в самом начале?

— Если ты не в курсе, то мобед — или маг — это изначально жрец, а не чародей, — менторским тоном процедил Норрингтон. — А Мобедан-мобед — Архи-маг по-нашему — это верховный жрец. На югах властителя Аль-Шалесса почитали как садр-и-джихана, и его влияние было огромно. А поверь, влиять Шалессы могли, умели и не стеснялись. И уничтожили их как только появилась такая возможность. Пока у власти стоял слабый правитель, которого больше интересовала постройка новых медресе, чем регулярная армия.

...слабый правитель? ...

— Тысячу раз верно присловье, что на детях великих природа отдыхает, — продолжал Норрингтон. — И при этом, видимо, не одно поколение. Наследник архимага Оуэна и вовсе был опасным безумцем, которого нельзя было допускать к власти.

...безумцем? Опасным?! ...

— Это не говоря уже о том что второй из братьев, Каидан, который должен был возглавить их войска после своего дяди, как говорили, характером пошел в деда. Эмиры юга к тому моменту уже прозвали его Азар Бэхмен, и поверь, никто в целом мире не пожелал бы видеть во главе армии Аль-Шалесса второго Джавед Джехана.

Я вдруг понял что больше не чувствую холода. Зато чувствую закипающую злость.

«Катись в Бездну, кем или чем бы ты ни был! Катись, вместе со своими лживыми обещаниями! Всё чего я хочу — я сам себе и добуду!»

«Дурак, — был ответ. — *Ничто не изменит этого теперь. Перестань вредить сам себе. Ты устал, сломлен, горе твое невосполнимо. Я положу этому конец. Я заберу твою боль. Я дарю тебе новую жизнь. Перестань противиться. Сдайся. Падай ниц. Возноси хвалу. Ты ведь хочешь этого сам...»*

— Мне довелось присутствовать при расправе над Каиданом Шалессом. Он со своими Верными насмерть стоял за Верхний Город, хотя стена к тому времени обрушилась и исход был предрешен. Много людей полегло ради того чтобы взять его живым, однако это стоило того: Каидана обезглавили у ворот, на глазах у всех, и дух обороняющихся был сломлен. Голову бросили к подножью Башни Слоновой Кости, где укрылись Архимаг и остатки его людей. То есть в основном уже бабы с детьми. Архимагу объявили ультиматум, но он в конечном итоге предпочёл позорную смерть под обломками своего дворца. Да уж... старик Джахан наверняка перевернулся в гробу в этот момент, и все его предки вместе с ним.

Кулак сжался сам собой, словно не было никаких чар. Голос изнутри исчез, утих, или я просто перестал его слышать.

Позорную смерть? Позорную смерть, значит?...

От опрометчивых действий меня уберег только приключившейся со мной шок. Несколько спасительных секунд, позволивших мне справиться с собой. Не дергайся. Не дыши. Ничем себя не выдавай. Аккуратно нащупай к чему крепятся наручники...

— Так или иначе, с тех пор как Башня Слоновой Кости рухнула, в мире словно стало

легче дышать. С зачистками с этими пришлось немало крови пролить, что на юге, что в Дунроге, что у нас. За то, наконец, некому стало ставить нам палки в колёса. Эмиры платят дань, а халиф исправно засыпает императорскую семью дарами, пытаясь отсрочить неизбежное. Но ничего, наступит день, и все они, вместе с их богатыми каменным маслом землями, войдут в состав Империи. И что самое смешное — сделают это добровольно.

— Вы так думаете?

— Уверен. Не все войны ведутся при помощи мечей. И я скажу тебе: это намного более опасные войны. Ведь противник может даже не понимать что война в самом разгаре. Как и то что он проигрывает.

...кожаный шнур? Серьёзно, кожаный шнур? Блестяще! Это скорее уж для того чтоб бесчувственный арестант с коня не упал, нежели чтоб всерьёз удержать... Кажется, кое-кто слишком полагается на свои чары. И хорошо. И полагайтесь дальше.

Я нащупал кончик шнура. Попробовал аккуратно скovyрнуть его пальцами. Запястье заныло от напряжения, однако я, пожалуй, никогда раньше так не радовался тому что чувствую боль. Я жив, и я свободен, свободен по настоящему! А эта глупая верёвочка вместе с кандалами вдруг превратились в незначительную помеху, от которой нужно просто избавиться.

— Тихо! — вдруг прохрипел Норрингтон, и конь резко остановился.

Что происходит? Они меня вычислили?...

— Что там, мастер? — настороженно спросил Стивен понизив голос.

— А ты не ощущаешь? — недовольно ответил старший. — Они здесь.

Узел стал мало помалу поддаваться.

— Ставь щиты и оставайся тут, — послышался шорох и лёгкий лязг металла. — А я погляжу наконец, кто тут у нас ...

— Брат Эдмар, это с нашей текущей задачей никак не связано! Сейчас мы должны конвоировать ...

— Ага, и когда мы вернемся — они будут уже далеко. Ставь щиты, я сказал! Они скорее всего не с голыми руками.

Еле слышный звук удаляющихся шагов был слаще самой прекрасной музыки, которую мне когда-либо доводилось слышать.

Узел распустился, оставались только кандалы. Страх и сожалений вдруг тоже не осталось в этот момент — только гнев и холодный расчёт. Настолько холодный, что я сам себе удивился.

Выждать время.

Этот второй, Стивен, вполголоса произносит молитву своему покровителю, прося защиты и ограждения от шальной стрелы. Пока он колдует — осторожно повернуть голову. Увидеть его, пока ему не до меня.

Вот он... на вид — моего возраста, тёмно-русый, статный... тревожно всматривается в сторону, словно пытаясь разглядеть что-то среди бесконечной череды древесных стволов. Не ожидая никаких активных действий от меня, ведь их чары осечки дать не могут...

...не такой уж и мерзкий. Просто паренёк, просто работа такая. Неизвестно, сам ли он выбрал этот путь. Хотел ли он этого? Кто ждёт его дома? Кто я чтобы решать жить ему или...

...или, как говорили встарь: тот кто берёт в руки меч должен быть готов умереть от меча.

Резкий рывок, и цепь превращается в удавку. Пока он ничего не успел сделать — соскользнуть с конской спины, потянуть на себя, всем весом... Серый конь перепугано ржёт, взбрыкивает, стремясь избавиться от нас обоих.

Именно тогда я и услышал хруст позвонков.

Падение на землю едва не вышибло из меня дух, но я продолжал судорожно затягивать цепь. Без особого смысла — все было кончено.

Мой противник был мёртв.

Прощай, невинность.

Добро пожаловать в ряды убийц, Баи.

...бежать.

Беги, не стой столбом!!

На рефлексию нет времени. На панику тоже: второй наверняка слышал испуганное ржание и появится здесь с минуты на минуту.

И не суетись. Обыщи этого сначала. Быстрее!... Кинжал с пояса долой, бедолаге уже не пригодиться. Ножны, кнут, кошелёк... не то, не то... проклятье, у кого из них отмычка от этого затвора на кандалах? Работа филигранная, затейливая — явно не простого кузнеца дело. Видимо у Норрингтона. Вот чёрт... Сейчас мне повезло, расклад был в мою пользу, но единственное своё преимущество — неожиданность — я уже утратил.

А это... стоп. Что это вообще? Складной... самострел? Серьёзно? Складной самострел?! В жизни бы не подумал что такое вообще бывает. Маленький какой... Должно быть создавший его оружейник подрабатывал ювелиром в свободное время!

Ладно, позже. Самострел — это хорошая добыча и одновременно — плохая новость. Судя по номеру это часть стандартного снаряжения. То есть, у Норрингтона есть свой...

Теперь — точно бежать. Даже не бежать — сваливать отсюда, и быстро! Лучше — галопом, и молиться, чтоб конь не переломал ноги об корни. И не сбросил меня... только бы не сбросил... Чёртова цепь коротковата. А времени — нет.

Перепуганные до полусмерти лошади отпрянули в разные стороны. Серый отгорцевал подальше, гнедой его собрат немного замешкался, неуверенно переступая с ноги на ногу. Удачно, вещи-то были погружены на него, а расставаться с «Матильдой» (а тем паче — с рисунками) я не был готов.

Конь позволил схватить себя под уздцы, и я быстро оказался в седле.

— Ну, спасай приятель ...

Гнедой послушно тронулся с места, споро набирая скорость. Даже не попытавшись катапультировать меня в воздух. Эх, знал бы — сразу бы крал этого тогда, у Перекрёстка...

Теперь дело за удачей. Лишь она позволит мне обратиться достаточно далеко.

Не знаю на что эта самая Тильда рассчитывала. Не знаю что у них тут такое происходит. Но я не смогу убить бывшего следопыта в прямом столкновении, это не смешно. Какие у меня шансы? Он свободен, опытен, лучше вооружён. Если этот тип сейчас появится, я уже точно никому ничем не смогу...

...свист и глухой удар. Удача сопутствовала мне недолго: конь заржал от боли, вскинулся и грузно рухнул на землю. Я чудом успел упасть с его спины так чтоб меня не придавило.

Что это было, болт? Что же ещё, конечно болт. Оттуда. Значит — за дерево, быстро, не высовываясь. И спокойно. Оружие есть, а значит и шансы тоже. Понять бы теперь как оно раскладывается? Должно быть вот этот рычажок...

— Финч! Эй, Финч!

Голос разнесся по лесу, и в нём читалась насмешка.

Близко... с той стороны. Точно. С той.

Бежать?

...И стать очень удобной мишенью, как же.

— Мне тут интересно, а каково это — всю жизнь прятаться? Не поделишься?

...натягивайся, зараза ты эдакая... Есть! Теперь зарядить...

— Ты знаешь, я тут вдруг проникся всей этой суетой вокруг твоих поисков... Такая срочность, такая секретность! Когда вернусь — подам на нордвицкое отделение рапорт. О таких вещах надо предупреждать.

Минутку... Он что, идиот? Или всерьез зубы мне заговаривать пытается?

Я осторожно выглянул из-за своего укрытия.

Деревья, папоротники, тяжело хрипит истекающая кровью лошадь... Вон. В той стороне, за тем дубом. Наверняка за ним. Голос явно оттуда.

— Невероятно, — продолжал насмешливо трепаться Норрингтон. — А я то всё думал почему мне так знакома твоя смазливая рожа?... А «Баи» — сокращение от «Баирон», верно?

Я невольно вздрогнул услышав это имя.

— Верно... Лаим больше походил на мать, а смерти старших я видел сам.

...держи себя в руках. Не отвечай. Не делай глупостей. Он этого и добивается. Знает что я теперь вооружён, и не спешит подставляться, а вместо этого пытается вывести из себя.

— Мне теперь даже понятно как ты выжить умудрился. Наверняка вот так же заполз в какую-то щель и сбежал, пока твои братья принимали удар в грудь.

...где он? Не видно. Голос будто бы сместился правее... или мне кажется?

Что же делать, что делать? Говорить бесполезно, бежать — опасно.

Бежать. Проклятье... Да сколько можно бегать?...

— А я смотрю ваш род и правда пришёл в упадок, — Эдмар бил безошибочно, на поражение. — Отец предпочёл спрятать голову в песок, так и не покинув стен дворца, хотя его город пылал и его сыновья умирали. Вот тебе и всё его хвалёное могущество. А твой старший брат всерьез верил что сможет договориться. Пришёл сам, с жалкой горсткой охраны. Доверчивый наивный дурак. Стань он Архимагом — город все равно пал бы, причём сам, без единого взмаха имперского меча.

...заткнись, мразь. Не трогай Иллана. Он был лучшим из людей. Лучшим из братьев. Даже замечал меня иногда. А вот я уже с трудом припоминаю черты его лица...

...Баи, очнись! Он этого и добивается. Задеть за живое, чтоб ты утратил бдительность и подал голос, если не совершил какую-то глупость посерьезнее...

— А мальчишка Раилин, знаешь, вызвал смех своей безумной попыткой убить Его Преосвященство. Такой жалкой, юношеской, заведомо провальной, но такой отчаянно храброй. Даже каплю уважения вызвал. Хотя перед смертью на его испуганное лицо стоило посмотреть: на нём были только страх и слёзы. И мольба о пощаде. Никакой больше гордости.

...лжет. Или нет? Вдруг не лжет? Но на правду кое в чём похоже, пусть и изуродованную. Иллан пробовал бы решать все миром до самого конца, Каидан — биться насмерть забрав с собой как можно больше врагов, Раилин — подобраться поближе и ударить врага в самое сердце... но умолять он не стал бы. Ведь не стал бы?...

Я ведь не знал как они умерли, все это время. Ничего не знал. Я ребенком был, мне было всего шесть...

...посмотри-ка на себя, он похоже своего добился. Ты ведь не можешь просто равнодушно это слушать. Не поддавайся. Не отвлекайся. Он там. Где-то там, судя по голосу. Ждёт чего-то. Чего? Моего ответа, чтоб точно определить где я? Я, быть может, и правда

дурак, но не настолько же!

— ...ну и Кайдан, конечно. Единственный достойный противник, не чета остальным. Он-то не стал бы прятаться. Как ты...

...погоди. Не слишком ли это... глупо? Ведь можно было просто тихо подобраться с любой стороны, пока я буду с ума сходить в тишине и неведении, откуда ждать удара?...

Что-то не так. Точно не так! Мне не восемь лет чтоб повестись на это.

— Последний из Аль-Шалессов.

Я слышу голос оттуда.

— Всю жизнь проживший среди черни.

Но он вовсе не там...

— Великолепно.

...а здесь.

Я резко развернулся, буквально в последний момент, когда Норрингтон уже протягивал руку без перчатки к моей шее. Трофейный самострел почти упёрся ему в живот. Спуск я нажал прежде чем успел до конца оценить ситуацию. Мой противник сориентировался быстрее, отскакивая в сторону, так что болт полоснул его по боку, распоров кожу куртки и плоть, а не воткнувшись в печень, как я надеялся. Мгновение спустя он уже был на ногах, скидывая взведенный самострел. А я едва успел отступить на пару шагов.

— Стоять.

Плохо. Очень плохо.

— Кинжал на землю, — властно потребовал Норрингтон, больше не насмешливо.

Не отрывая от него взгляда я потянул кинжал из за пояса. Не бросить — скорее уж если и погибать, то с оружием в руках.

— Или что? Застрелишь меня?

Его рот растянулся в усмешке.

— С превеликим удовольствием.

Стреляй. Ещё не факт что попадёшь. И тогда тебе придется перезаряжаться, но времени на это у тебя уже не будет, обещаю. И рана которую ты сейчас игнорируешь даст о себе знать. Все что нужно — измотать тебя как следует.

Проблема была в том что Норрингтон это знал, и стрелять не спешил. Смотрел не мигая, скрывая тяжелое дыхание, держа меня на мушке. Его взор пожирал каждое мое движение, вне сомнений просчитывая наперед все мои нехитрые манёвры.

Секунды превратились в вечности. Я ждал выстрела. Он — когда у меня сдадут нервы и я приму за выстрел малейшее движение...

Треск ломающихся кустов за спиной старого следопыта вдребезги разбил хрупкий баланс, сложившийся между нами.

Норрингтон выстрелил. Поспешно, но точно. Ровно туда куда я едва не шагнул. Мою жизнь спасло только то, что я от неожиданности отскочил влево, а не вправо. Осознание этого прошибло меня когда я был уже за деревом, а совсем рядом сотрясал воздух оглушительный медвежий рык.

Медведь...

Я выглянул посмотреть что там происходит. Здоровенного матёрого медведя — увидел, Норрингтона — нет. Зверь метнулся в сторону и, снова взревев, проломился через куст шиповника — видимо пытаясь нагнать добычу.

Значит не убил...

Надо пользоваться шансом и всё-таки уходить отсюда.

Бежать. Снова позорно бежать без оглядки, спастись, пока медведь и следопыт заняты друг другом. Придушить ни к месту очнувшуюся гордость — удавалось же мне это пятнадцать лет! — и бежать.

Так. Прежде всего — добраться до умирающей лошади за собственной сумкой. А там — как кривая выведет. Вперёд!

Особой бдительностью к этой минуте я уже не мог похвастаться. Ещё бы, к таким ситуациям жизнь меня не готовила! И именно по тому парня с натянутым луком, неприметно стоящего между деревьев, заметил слишком поздно. Стрела уже смотрела мне в грудь.

— Стой, не стреляй!

Хладнокровный лучник не шелохнулся.

— Тильда. Жена егеря. Знаешь её? — я спрашивал почти на удачу, хотя ответ был очевиден. Семейное сходство угадывалось.

Натяжение лука ослабло.

— Допустим, — процедил он. — И что с того?

— Мы с ней говорили этим утром. Она мне помогла изрядно, и я, видимо, теперь у нее в неоплатном долгу, — от всей этой безумной беготни дышалось тяжело. — Я не враг тебе. И мне нужна помощь.

— То есть вы всё-таки говорили? Чем докажешь?

Пришлось извернуться и закатать рукав, обнажая свежие, всё ещё саднящие царапины от ножа. Стрелок едва дёрнул бровью скользнув глазами по отметине. За тем повернул голову и пёстрая сойка опустилась ему на плечо, словно ручная. Это выглядело почти нереально, будто ожившая картина из какой-то сказки: человек тихо произносил слова, птица слушала, а затем вспорхнула с плеча и исчезла между ветвей дерева.

— Тут нужен топор, — констатировал сын егеря, бросив взгляд на кандалы. — Но топор пока занят более важным делом. Это что у тебя, арбалет?

— Самострел. Трофейный...

— Мелкий какой... болты к нему есть? Стрелять вот так сможешь?

— Смогу.

— Тогда натягивай, и идём. Охота ещё не окончена.

Паренька звали Ренард, и это имя шло ему как нельзя лучше. Он маневрировал меж кустов и ветвей словно лис, с уверенностью человека который знал в этих местах каждую кочку.

Я следовал за ним, след в след, невольно восхищаясь его сноровкой и проворством. Боги... Если выберусь из этого переплёта — чёрт возьми, надо будет завести привычку тренироваться каждое утро. Стать выносливей и быстрее. А еще — задаться целью и научиться держать в руках хоть что-то кроме арбалета. Моя тихая размеренная жизнь добропорядочного горожанина явно не на пользу делу пошла: дыхалка ни к чёрту, реакция оставляет желать лучшего.

Знакомая птица камнем упала с ветвей, приземляясь на плечо моего спутника. Между ними с секунду будто происходил молчаливый диалог, после чего Рен резко сменил направление и ускорился, подавая мне знак следовать за ним.

— Уходит, — кратко пояснил егер в ответ на мой вопросительный взгляд.

Сойка взлетела вновь, призывая бежать за ней.

Очередной овраг неожиданно появился из-за зарослей малины. Узкий и небольшой. Крутой достаточно чтобы превратится в ловушку. Внизу, на дне, между большим бурым медведем и здоровенным детинушкой с топором в руках стоял мой пленитель и преследователь, Эдмар Норрингтон, весь в крови. Кожаная куртка его была порвана со спины, он ощутимо заваливался на раненый бок, но стоял на ногах и держал в руках меч. Медведь глухо рычал, но с места двигаться не спешил. Здоровяк с колуном молчал, и скорее готовился отражать нападение чем нападать сам.

Ренард закрыл глаза на мгновение, словно собираясь с духом, а когда открыл — быстрым, решительным движением натянул лук и заветная стрела встретила цель. Следопыт, ветеран многих войн и зачисток, упал на землю как подрубленное дерево.

Человек с топором с облегчением расслабил плечи. Медведь отступил на шаг. Рен, совершенно не обращая внимания на зверя, съехал по землястому склону вниз.

— Стой! — едва успел крикнуть я, осторожно следуя за ним. — Не подходи близко, и не позволяй до себя дотронуться!

— Считаешь он в состоянии навредить? — спросил Ренард, благоразумно отступая на шаг.

— Знаю, что он полон неприятных сюрпризов.

В ответ на это послышался слабый смех, больше похожий на хрипение.

— Даже сейчас меня боишься, Баирон, сын Оуэна? Да уж, не только лицом пошёл в отца... Такой же трусливый и малодушный...

Я, словно очнувшись от многолетнего сна, слушал эхо собственного имени, яростно пульсировавшего в ушах.

— Я — может и да, пусть, — слова сорвались помимо моей воли. — Но мой отец не был ни трусом, ни слабым.

— Да ну? Ты сам то в это веришь? — Эдмар Норрингтон оскалился в самодовольной ухмылке, словно вывел меня на чистую воду. — А где же тогда твой город с его минаретами?

...убить его. Убить его и не слышать этого больше. Почти по звериному одержать победу над противником, заставив замолкнуть навеки. Слово это могло как-то опровергнуть его слова...

Убить, потому что больше мне нечего возразить ему.

— Молчишь? Вот-вот... Молчи... — голос следопыта ослабевал с каждым словом, а взгляд терял фокус. — Спелись... закономерно... спелись... еретик еретика видит издали...

— Бор, давай, — Ренард обращался к дядьке с топором, красноречиво кивая на поверженного врага. Тот напряженно закусил губу и замахнулся.

Я отвел взгляд. Только услышал звук удара.

Нет. Всё-таки нет. Все равно, даже сейчас, часть меня не желала ему смерти, как не желала почти никому.

И, судя по тяжелому молчанию, повисшему над поляной, я не был одинок.

— Спасибо, — одновременно виновато и облегченно выдохнул Ренард, хлопая по плечу своего товарища. На том и вовсе не было лица. — Я... промазал. Немного. Прости.

Я осторожно покосился на медведя, рассматривая его получше. На того, из видения он похож не был, и ничего мистического в нём не чувствовалось. Если, конечно, не считать

мистикой что он спокойно стоял немного поодаль, не уходя и в то же время не нападая. Опасности он, похоже, не представлял.

— Агась, — угрюмо насупился Бор. Руки его ощутимо тряслись.

— Ничего. Мы всё сделали правильно, — судя по голосу Рен пытался убедить в этом не только Бора, но и себя самого. Вдох-выдох, и он взял себя в руки. Повернулся ко мне и в лоб спросил:

— Так ты — колдун?

Причём спросил с едва ли не надеждой. Такой, что я явственно ощутил: будет разочарован.

— Нет. Прости, нет.

Два недоверчивых взгляда были мне ответом, такие укоризненные, будто я пытался доказать им что небо на самом деле зелёное.

Мне самому, правда, виделся в этом укор иного толка.

— Я не колдун. Я — простой ремесленник, из города Нордвик. Ищут меня из личной неприязни, не за ересь. А здесь я и вовсе оказался случайно.

— А его послушать, так и не простой вовсе, — недоверчиво отозвался Бор, кивая на то что осталось от ветерана многих зачисток и войн.

— То, про что он говорил давно уже не имеет никакого смысла. Я правда всего лишь скорняк. Очень много лет. Ничего больше.

— Как же не имеет, если тебя из-за этого искали?

— Потому что не из-за этого, — ответил я. — А вы сами-то кто? Друиды?

— Нууу... — протянул Рен. — Можно и так сказать. Наверное.

— В смысле — «наверное»? — теперь настала моя очередь быть недоверчивым.

— Вообще мы тут как бы егеря, на службе у Его Светлости, — буркнул здоровяк. — Просто присматриваем за лесом. И не делаем ничего дурного.

— Ага. А птицы и медведи вас слушаются исключительно по дружбе?

— Это... довольно сложно объяснить, — мрачно ответил Ренард. — И давайте не здесь. Надо найти Арчи и решить что делать теперь.

Мы возвращались назад в тревожном и тягостном молчании, оставив медведю то, что осталось от бравого следопыта.

Отмычка от кандалов и правда нашлась у Норрингтона. Отмычка, а вместе с ней — самострел, болты к нему, метательные кинжалы, короткий меч, именная бляха и — самое прекрасное — путевая грамота, удостоверяющая личность и предписывающая оказать предьявителю всестороннюю помощь в любом деле.

Тут же были и документы с разнарядкой на розыск, которые я жадно пересмотрел на десять раз. В них и правда упоминалось имя Жакомо Орфа и некоего дела, находящегося в его ведомости, но без особой конкретики. А задачей следопытов было, как оказалось, просто проехаться по окрестностям и опросить людей, не появлялся ли на днях такой-то человек?

И столкнулись мы, значит, по роковой случайности. А могли бы разминуться и жить дальше.

Или — встретиться в Вестборне, среди лабиринтов улиц. И там неизвестно чем бы это кончилось...

Похоже я был слишком беспечен.

К документам было приложено... демоны раздери, подробное описание моего характера и привычек! Сухой слог, в жестких и категоричных выражениях, подробно и до омерзения точно описывал все мои слабости и недостатки.

Забутые Боги... вот теперь мне по-настоящему не по себе! Сведения эти явнс собирались давно и тщательно, а я жил себе и в ус не дул. И это всё при том, что вёл едва ли не праведную жизнь! Интересно теперь, в Нордвике на всех жителей такое досье есть, или только я этой чести удостоился? Если только я, то догадываюсь даже почему: господин Орф давно подумывал от меня избавиться, но много лет не находил к чему придраться.

А теперь — нашёл. Но почему только сейчас? Не сходиться что-то во всей этой грязи...

Здесь же был и мой портрет, перерисованный с наброска Бригги, который она хранила у себя. Только их штатный художник добавил шрам. Вот же твари, и туда добрались! И как господин Льюис это допустил? Или ему уже всё равно?

Когда я видел его последний раз, он был пьян настолько что еле мог связать два слова, где уж там воспрепятствовать обыску! И, судя по всему, он больше не протрезвеет. Сопьётся, и всё нажитое пропьёт. Смысла существовать-то у него больше и нет.

Я понимал его как никто. Моя жизнь тоже оборвалась с её смертью и в ней, казалось, ничему больше не будет места. Но, в отличии от старика Льюиса, я не пил спиртного.

И не смирился.

Перевалило за полдень когда мы с Ренардом и Бором вышли обратно к поляне, где бесславно пал гнедой конь. На душе было мрачно. И тяжело. Мало того что я взаправду отнял чью-то жизнь, так ещё и ни в чём не повинное животное погибло по сути из-за меня.

Погибло... почти погибло. Тяжело дышит, но ещё живо. А над лежащим зверем склонился ещё один паренёк. Этому вообще было лет двенадцать на вид, скорее ребёнок чем юноша, растрёпанный и сосредоточенный. Конский бок тяжело вздымался и опускался, однако испуганного болезненного храпа слышно уже не было.

— Арчи! — окликнул Ренард подойдя ближе. — Вот что ты делаешь?

— Тихо, — отозвался тот не шелохнувшись.

— Арчи, там ничем не поможешь. Нужно добить.

Мальчишка всё таки обернулся и не по-детски жестко произнёс:

— Поможешь, и ещё как. Просто дай мне время. Это что, сложно?

Ренард махнул рукой и не чинясь уселся прямо на землю, скрестив ноги. Рядом немного отрешенно опустил Бор, все ещё судорожно сжимающий в руках плохо вытертый от крови топор. Я присоединился к ним, облокотившись спиной на ближайшее дерево.

Свобода! Чёрт возьми, свобода! А ведь я уже успел всерьёз с ней распрощаться...

Опасность, заставляющая быть собранным и соображать быстро — исчезла, а на смену ей пришли слабость и головокружение. Даже руки тряслись.

И в ушах словно до сих пор хруст позвонков слышится. Память тщательно хранила этот звук, воспроизводя вновь и вновь и вновь.

Я убил человека. Проклятье, как это тяжело оказывается... все эти легенды, все эти книги, все эти пьесы в заезжих театрах в которых герои крошат врагов направо-налево и никто даже бровью не ведёт... На страницах книг выглядят красиво и эпично, а на деле — на душе темно и паскудно. Тем более что вот так, из под тишка, воспользовавшись ситуацией, парня, который просто исполнял свой долг. Усугублялось это тяжкое чувство и тем, что мой покойный старший брат, отважный и безжалостный воин, презиравший тех кто бьёт в спину, был так некстати упомянут всеу.

У меня не было выбора. Либо он, либо я. Просто не было выбора. Просто не было....

— Бор, ты как? — устало спросил Ренард.

Тот неопределённо махнул рукой.

Теперь, когда можно было спокойно рассмотреть всех троих, сходство стало очевидно. Братья, все трое. И матушка в их чертах угадывается. Вот она, значит, про что говорила...

Рен приложился к небольшой баклажке, а затем молча протянул её Бору. Тот жадно приник к ней, словно стараясь выпить всё содержимое залпом.

— А ты будешь?

Я неосознанно кивнул и потянулся за предложенной фляжкой. Ошибку осознал только когда горло обожгло чем-то крепленным. По всему телу прокатилась бодрящая волна, за которой моментально пришла удивительная лёгкость. Такая, что я с трудом поборол искушение сделать ещё глоток.

— Ну? И что теперь? — мрачно спросил Бор.

Его брат красноречиво покосился на младшенького, что-то шептавшего над несчастным животным.

— Пёс его знает. Надо отыскать мелкую и к матери вернуться.

— Убираться вам отсюда надо, — я потёр лицо ладонями, пытаюсь вернуть себе ясность рассудка. Помогло слабо. — Этих двоих все равно хватятся, пойдут по следу. На Перекрёстке им скажут что были такие, а люди герцога ещё и подтвердят, что в последний раз видели пропавших в лесу. Тогда инквизиция придёт сюда. И это будут не случайные двое с рутинного патруля, а целый отряд, пришедший с конкретной целью.

— Да уж... принесла тебя нелёгкая... — Ренард глотнул из фляги сам. — Куда убираться-то? Тут же всё, с рождения. Вся жизнь...

Ну да. По всему выходит — опять я виноват. За мной же они сюда пришли...

— Они там дуб ваш срубили, в каменном кольце.

— Мы знаем, — ответил Рен — Паскуды... Арчи за этот желудь чуть голову не сложил.

А сколько раз росток засохнуть пытался — не пересказать. Выходили же, вырастили... Столько за него натерпелись... и выходит — всё зря.

Он вновь подал мне фляжку, и я отхлебнул второй раз, чуть больше и уже не задумываясь. Лёгкость пришла вновь, а что-то внутри настойчиво призывало нарушить табу и глотнуть ещё. Только сегодня и всё. Больше — никогда.

— Мне жаль, — искренне сказал я. — Но, стало быть, вы всё-таки друиды?

Рен досадливо поморщился.

— Знать бы еще кто это такие, для начала.

— Знахари и жрецы, служители забытых ныне богов, чьими сферами были сама жизнь и изначальный хаос. В древности ещё врачеванием занимались, астрономией и судили споры между людьми, но это, я так понимаю, вряд ли.

— А. Ну тогда может и друиды. Жизни-то у нас в лесу хоть отбавляй. На счёт жрецов... эй, Арчи! Ты как думаешь, ты — жрец?

Арчи будто не услышал.

— Вообще... не знаю. Разве что Арчи. А ты сам чего не колдун?

— А должен быть им?

Ренард пожал плечами, принимая фляжку обратно.

— Не знаю. У нас вот у всех даже сомнений не возникло. Жаль что нет, жаль. Я очень надеялся что нам хоть кто-нибудь объяснит что происходит в нашем лесу.

— Вот даже как? — я вяло удивился. — И что тут у вас?

— Да... лес был как лес. Деревья росли себе и росли, зверьё плодилось, его светлость на охоту жаловали. Браконьер лютовал, конечно, но это дело привычное. Всё, короче говоря, шло своим чередом, пока Урса не появился. А там уж началась: сны всякие, танцующие огни на полянах, которые батя в упор не видит; звери внезапно-вдруг все как один понимать стали что им говорят... Нет, мы, конечно, постарались сделать то что Урса хотел. Но я-то думал, болван, что как дерево вырастет — оно как-то понятнее станет. Ан нет, не стало. И, главное, спросить не у кого. Не у Урсы же спрашивать?

В голове изрядно шумело с непривычки, а некстати выглянувшее солнце начало припекать. Миру вокруг стали возвращаться привычные очертания, стертые было перипетиями последних суток. Он всё так же лучился поздним летом и запахами прогретой листвы. Неизменный, равнодушный, прекрасный. Ему не было никакого дела ни до того что у нас случилось, ни до наших горестей и переживаний.

— А Урса — это кто?

— Это настоящий хозяин Валецкого леса, — вдруг подал голос Арчи, не оборачиваясь. — Урса, а не герцог Аддерли.

— Это случайно не тот дух, что является в образе медведя?

— Он самый, — ответил Ренард. — Только я понятия не имею, он тут недавно появился, или всегда был, а мы не замечали... — он сделал ещё глоток. — Но вот, втравил он нашего Арчи в историю, это точно. А вместе с ним — нас всех. Чёрт подери, всех! И матушку, и мелкую, и батю тоже, хотя батя вообще тут не причём. И вот, погляди пожалуй чем это всё закончилось. Смертоубийством. Приехали, короче говоря.

Бор молча отобрал фляжку, одарив брата тяжёлым мрачным взглядом.

— Да не смотри на меня так! Давай считать что мы оба виноваты, — ответил Рен, пожалуй излишне нервно. — И вообще, после моего выстрела он бы всё равно не выжил. Так что считай это ударом милосердия.

Судя по тому как старший присосался к пойлу, это его не очень утешило.

— Тут вы не одиноки, я сам вот впервые... — я попытался сказать слово “убил”, но не смог пересилить себя. — Впервые, вообще. Иначе было нельзя. Зато теперь у нас у всех есть время.

— Время на что?

— Бежать отсюда.

— Куда?

— Вам? В Галею например, в земли Лузиньянов. Туда все бегут, кому не лень, особенно если от костра. Или вот на север, в Йормарк. Туда только самые отчаянные уходят, но на севере ещё пойдёшь найди кого-нибудь. Правда зима там лютая, но если не побоитесь — оно и к лучшему даже.

— А ты сам-то куда?

— В Блэкшир, — и чего это я вдруг такой разговорчивый стал? — А там — посмотрим.

— А в Блэкшире что делать?

— В Блэкшире — нечего. А вот если спуститься с рифта на Драконью Пустошь, то и найдётся чего, — я подумал и все же протянул руку за фляжкой. Там в аккурат остался один глоток. И хорошо. Больше искушаться нечем.

— Это случайно не там где этот проклятый форт стоит, куда еще всех подряд умирать ссылают?

— Форт Ван-Лайке? Он самый.

— Эк тебя... — Рен печально взвесил в руках пустую фляжку, переключаясь мыслями на нее. — Вот ведь засада. Надо было больше брать.

— Кто ж знал... — проворчал Бор.

— Ага. То-то и оно, — ответил Рен. — И как мы бате объясним, что нам отседова проваливать надо? Он, поди, из упрямства ещё и не пойдёт никуда.

— И что мы там делать будем, в этом Йормарке, или как там его?

— Придём — узнаем. Чай и там леса есть, не пропадём. Только туда добраться надо для начала, а там...

— А тут без нас как?

— Уж как-нибудь. Дружба дружбой, а как-то складывать головушку за духов леса мне неохота.

— Не придётся ничего никуда складывать, — вдруг произнес Арчи. Гнедой конь поднял голову и, как ни в чём ни бывало, доверительно обнюхивал лицо мальчишки. Оба его брата потеряли дар речи. И я, признаться, вместе с ними.

— Как?!?! — только и мог произнести Ренард.

— Я ведь просил дать мне время, — с плохо скрываемым триумфом улыбался младший из братьев, поглаживая коня по носу. — Не бойся, Рен, отцу я сам объясню. Бор, а ты не хмурься. И ты, чужак, тоже. Всё так, как оно должно быть.

Помню его прикосновение. По детски худые, но уже огрубевшие пальцы. Свою неловкость, возникшую от неуместности просьбы. Мысли о том, как это странно, должно быть, смотрится со стороны.

А потом — тепло. И ритмичная пульсация, словно я вновь ощущаю чьё-то

сердцебиение.

Уловив единожды, биение это хотелось чувствовать снова и снова. Что-то было в нём, что-то удивительное, нужное, то, без чего, казалось, сама жизнь невозможна. Сила это захватывала. Успокаивала. Была подобна воздуху или воде. И была чем-то знакома, хотя память хранила молчание.

— Немного отслоится ещё, но болеть больше не должно. И чесаться тоже, — сказал Арчи, убирая руку от моего лица. — А шрам я убрать не могу. Прости уж.

— Спасибо — ответил я, непроизвольно корча гримасу. Исключительно чтоб поверить своему счастью: больше не чувствовалось ни боли, ни зуда. И угасающая пульсация. Я попробовал снова удержать её, но не смог. — Кто тебя этому научил?

— Никто, — пожал плечами мальчишка. — Я всегда так умел, сколько себя помню.

Солнце вновь спряталось в пелене облаков, и под пологом леса воцарилась наконец благословенная прохлада. Не жарко. Не душно. Нет слепящего солнечного света. Можно уютно устроиться в объятиях корней ясеня, прикрыть глаза, порадоваться, что не нужно никуда бежать. Что всё позади, пусть и такой ценой.

Гнедой конь тоже отдыхал, благодарно поглядывая на Артура. Его серый собрат, пойманный Ренардом недалеко от кромлеха, стоял чуть в стороне и неуверенно щипал травку, все еще отходя от недавнего потрясения.

Вещи покойных следопытов лежали ворохом тут же, и теперь Ренард деловито перебирал добычу, а брат его, Бор, угрюмо склонившись над небольшим костерком, был занят приготовлением нехитрого обеда из подстреленного Реном зайца. Ему, бедолаге, этот решающий удар топором дался, по видимому, тяжелее чем мне совершенная мной расправа, и здоровяк теперь сделался немногословным и замкнутым, почти не участвуя в разговоре. Нетрудно было догадаться что за камень теперь у него за душой.

Мой был не легче.

Мои вещи, что приятно, вернулись ко мне нетронутыми. Включая старушку Матильду и папку с набросками. А вот сбережения, судя по всему, осели в карманах у телохранителей Его Светлости. Это было обидно, и даже не столь по тому что я остался без денег — у следопытов при себе имелось серебро, и братья-егери на удивление честно предложили их поделить — сколько то что это были мои деньги, кровно заработанные, из тех что были отложены на мануфактуру. Потратить их по назначению всё одно уже не вышло бы, но это не слишком утешало. Впрочем, в цепочке потерь эта была, пожалуй, наименьшей. Хотя и без сомнения — весьма символичной.

Всё что у меня было — подобно песку продолжало утекать сквозь пальцы.

— А эта... штука, — я всё-таки решился спросить, не уверенный до конца что буду правильно понят. — Пульсация. Биение, будто сердце стучит. Что это такое? Ты знаешь?

— Нет, — растерянно ответил Арчи. — То есть... я понимаю про что ты говоришь. Но правда не знаю. Оно просто есть, и я постоянно чувствую его. А вот братья почему то нет.

— Вообще мы надеялись что кто-нибудь сведущий расскажет нам об этом, — подал голос Рен. — Вот ты например, будь ты колдуном.

Я устало пожал плечами. Видно, судьба моя такая: разочаровывать людей. Своих-то собратьев по несчастью я тоже в своё время очень разочаровал. Как же, предпочел не тратить свою жизнь на ненависть и желание отомстить всему миру, как бедняга Кейн, мир его праху. В подмастерья пошёл, в люди выбился, как-то худо-бедно все устроилось, забылось, и не хотелось иного. И толку с того теперь?

— Сказать по правде, я и сам бы не прочь был оказаться колдуном. Но сложилось как сложилось.

— Темнишь, — сказал Ренард. — Тем паче этот хлыщ что-то там говорил про какой-то город и прочее...

— Нет больше никакого города.

— Это я даже понял. Но ты ж вроде как не из простых на самом деле. Кто он был, твой отец?

— Да какая разница кем он был? — меньше всего на свете я хотел говорить об этом. — Нет моего отца, и его наследия тоже больше нет. Он ничему не успел меня научить, мне даже ничего не осталось в память о нём. Так что пусть он и братья спят спокойно.

— Так не бывает, — недовольно заметил Рэн, словно снова подозревал меня во лжи. — Наш вот отец говорит что род всегда значение имеет, даже если ты от него оторван оказался. И герцог всегда будет герцогом, а егерь — егерем, даже если их в младенчестве перепутали. Не может такого быть чтобы происхождение ничего не значило. Ну не может, и всё тут.

“Не может” да “не может”... Может! И вообще, чего ты ко мне прицепился?

— Видишь ли, я не самый достойный сын своего рода, и чести ему своим именем не сделаю. Скорей уж наоборот. Так что третий раз говорю: я действительно был простым скорняком, всю свою жизнь. И был бы им дальше, с превеликим удовольствием, если бы только одна мразь в серой робе не сожгла заживо мою беременную жену! — непроизвольно сжались кулаки. — И теперь назад мне дороги нет. Остаётся только надеяться что впереди хоть что-то, да будет. Например найдётся кто-то сведущий в тайных искусствах, к которому можно будет набиться в ученики. Должны же они были хоть где-то остаться! И где ещё если не на границе их искать?

— Это на Драконой-то Пустоши? — скривился Рэн. — Там найдёшь, пожалуй... Слышал я про это место и про то что там делается...

— Драконов не существует, — угрюмо вставил Бор, подкладывая веток в костерок.

— Если ты, балда, чего не видел, это ещё не значит что так не бывает! — фыркнул лучник. — Императора вот тоже никто не видал, а он есть. А драконы как раз, говаривают, спят под этой самой долиной, чтобы проснутся в конце времён и разрушить мир. Только спят они беспокойно: то так во сне ворочаются что земля под ними трясётся, то нечаянно огнём из расселины дыхнут, то воду в озере вскипятят...

— Да брехня всё это, — Бор проверил воду в котелке и, удовлетворившись, опустил туда пряный букет из кипрея, пахучки и душистого лилового вереска. — Не бывает так чтоб огонь из расщелин и озёра кипели. Брежут твои городские дружки. И про ходячих мертвяков тоже.

— Ну, про мертвяков-то и правда сказочки. Не бывает так чтоб то что умерло ходило и разговаривало. А ты, парень, с какого кстати перепуга решил что там ещё живые колдуны остались?

— Если верить слухам, то они непременно должны быть, — отвечал я. — Уж больно всё к одному сходится. К тому же домой я всё равно вернуться не могу. А так... Авось повезёт.

— Повезёт, — вдруг сказал Арчи. — И то, что ты ищешь — ты найдёшь. Только мне недоброе что-то в этом видится, мрачное, землистое, пахнущее затхлостью и тленом. Не знаю как это объяснить чтоб ты поверил мне, скорняк из Нордвика, но там куда ты идёшь живёт сама Смерть. А ты отчего-то поглощен мыслями о ней, думаешь всё время, и, не сознавая того, идёшь на её зов. Это может погубить тебя.

— Может и так, — я согласно кивнул. — А может и нет. И если на то пошло, то терять

мне всё равно нечего.

— Может и так, — мальчишка с не-мальчишеским взглядом вернул мне мои же слова. — А может быть, это тебе сейчас так кажется. Смотри, как бы не стало слишком поздно когда ты это поймешь.

— Я так понял, в Дайнспорте тебе появляться не стоит, — Рен успокаивающе поглаживал Серого по морде, пока я закреплял сумку с вещами у его седла. — Но вверх по течению от города есть мельница с небольшим подворьем. Там, в общем, местечко не самое простое, но за звонкую монету на проблемы с законом глаза закроют. И сплавиться вниз по реке помогут точно.

— Контрабандисты?

— И это тоже. Хотя там и баржи Бравонской Судоходной Гильдии швартуются. Их можно понять: на жалованье-то не разгуляешься особо, вот и возят всякое неучтённое. Через Дайнспорт-то по реке не всегда проплыть можно, так чтоб не заметили, потому и склад ниже по течению. Обычно на мельницу кого попало не пускают, но ты скажи Толстому Гисли что от меня. Ну и люд туда захаживает, сам понимаешь, такой, себе на уме. Так что держи ухо востро.

— Спасибо, буду держать, — я затянул последний ремень. — И вы тоже берегите себя, ребят. Матушке вашей — поклон до земли, конечно. А медлить лучше не медлите, уходите как только сможете. И всё-таки лучше в Галлею, как помне. Это далеко, но тем и лучше: чем дальше от Столицы, тем меньше в провинциях порядка. Да и как знать, может там тоже сыщутся ответы на ваши вопросы.

— Спасибо за совет, — отвечал Ренард. — Жаль всё же, что встретились вот так, в недобрые времена и прощаемся впопыхах. Будь все иначе, я был бы рад знакомству.

— Я тоже. И простите за то что привел с собой беду.

— Сложные времена, но вовсе не «недобрые», — возразил Арчи, стоявший рядом с братом. Провожали меня только они вдвоём, Бор оставался у костра и присоединятся не собирался. — Ты ведь не знаешь, может ты всего лишь орудие в руках судьбы? Может ты должен был прийти сюда вместе со следопытами? Может так нужно, чтоб мы ушли отсюда. Мы ведь сами, по своей воле, никогда бы не покинули дом.

Серый конь тряхнул гривой, отгоняя назойливого слепня.

— ...иногда мне хочется тебя прибить, — Рен страдальчески закатил глаза. — И не слышать больше твои шибко мудрые речи. Вот почему ты не можешь быть просто обычным ребёнком, ну хоть иногда?

— Я уже не ребёнок! — фыркнул Арчи и с вызовом глянул на брата.

Глянул, и резко переменился в лице.

— Рэн, что это у тебя?

— Да ничего особо, — Рен попытался спрятать выбившуюся серебряную цепочку за ворот, но был споро перехвачен за руку. Артур потянул за цепь, и теперь мне тоже стал виден серебряный кулон, круглый как монета. Тончайшая гравировка изображала имперского орла с гордо вскинутой головой. В лапах он держал щит с изображением пары геральдических молний.

— Всё ничего, только эту штуку лучше переплавить, — предупредил я, ни капли не удивленный. Серебро, тонкая работа... Я бы, наверное, тоже захотел оставить себе подобную, не знай я что это. — Приметная больно. Да и любой поймёт что такую только с трупа можно снять.

— Думаешь? — немного расстроился Ренард.

— Знаю. Это инквизиторская эмблема, такие только серые братья носят.

— Нужно от неё избавиться, — обеспокоенно перебил Арчи.

— Да зачем? — возмутился Рен, и тут я был с ним согласен. — Это же серебро!

Действительно, переплавим и дело с концом, у меня в Дайнспорте как раз есть знакомый кузнец.

— Нет, ты не понял! — с жаром возразил мальчишка, нервно встряхивая брата за плечо. — Нельзя переплавлять! Выкинуть нужно!

— О духи, сколько можно? — Рен потёр виски пальцами, словно от настойчивого братца у него разболелась голова. — Только не говори мне что опять не можешь внятно объяснить «почему?». Чем тебе серебро-то не угодило? Да на это месяц можно жить при большом желании!

— А ты не чувствуешь? — удивился Арчи. Вот такой, испуганный, он наконец стал хоть немного ощущаться на свой возраст, а не походить на сказочного мудреца, которого годы волшебным образом обошли стороной. — От этой штуки разит угрозой и мёртвым холодом! Это не простая вещь, она хранит в себе какую-то силу, от которой у меня мурашки по спине бегут. Сними её, срочно, и не прикасайся к ней голыми руками! Вообще лучше никак не прикасайся!

На лице Ренарда появились следы сомнения.

— Я никакого холода не чувствую, — сказал он.

— Балда! — совсем распалился Арчи, требовательно протягивая руку. — Не штука холодная, а сила в ней холодная! Неживая какая-то. Прошу, отдай добром! Нельзя чтобы эта вещь вообще оставалась в лесу!

— Охохо, теперь моя очередь знать про что ты говоришь, — мне резко стало неуютно. — Я этот холод на своей шкуре прочувствовал, не далее как этим утром. Рен, у тебя только одна или обе?

— Обе, — лучник послушно стянул с себя цацку и полез в поясную сумку за второй.

— Вот что, — решил я. — Давайте-ка мне эту пакость, всё равно мне сейчас на тракт нужно. Выкину на обочине, например. Ну, или в Бравону выброшу как доберусь, так даже надежнее будет...

— Ты уверен? — с сомнением произнес Арчи. — Ты ведь и правда не колдун, и понятия не имеешь что это за чары. Это может быть опасно. Очень, очень опасно!

— А мне сейчас везде опасно, куда не плюнь, — я сжал в горсти переданные Ренардом кулоны. Металл как металл, на ощупь тёплый. И как мальчишка это делает? — К тому же, я, как не крути, кое-что задолжал вашему семейству.

Ренард тактично промолчал. А Арчи сказал.

— Тогда береги себя, и удачи тебе на твоём пути. Может встретимся ещё, в лучшие времена.

— Буду надеяться, — ответил я. И подумал, что вряд-ли ещё когда-либо их увижу.

Дайнспортский тракт был безлюден и пуст. На запад он уходил вдаль пыльной серой лентой насколько хватало глаз, а на восток — круто сворачивал, огибая холм. В тот довольно поздний час когда я наконец добрался до него, красное закатное солнце ненадолго заглянуло

под рваный полог облаков пришедших с востока, но лишь для того чтобы вскоре скрыться за краем земли. Нависающие по обе стороны дороги раскидистые деревья окрасились его последними розовыми лучами.

Ощутимо похолодало. Пожалуй, слишком ощутимо.

Серый конь устало шёл за мной, то и дело пытаясь остановиться и пощипать травки. Не смотря на то, что ехать через торчащие корни и бурелом верхом я посчитал бесчеловечным, и мы всю дорогу прошагали на равных, бедняга явно давно уже совсем утомился.

Что до меня самого, так я без малого валился с ног. Страхи, беготня, почти невероятное спасение — всё это отняло чудовищное количество сил, не говоря о том что следопытские сковывающие чары вряд ли могли заменить собой сон.

Нужно было держаться. Осталось немного, утешал себя я.

На самом деле сколько осталось я понятия не имел, но именно это незнание и помогало идти вперёд, даруя надежду что цель близка. Рано или поздно всё одно выйду к реке, её не пропустишь. Я вроде как неплохо отклонился к западу, и до Бравоны должно быть уже рукой подать. Так же, лесом, добраться до берега — благо он пологий — а там и до заветной мельницы недалеко. Вернее — было бы недалеко, кабы не ночь, надвинувшаяся вплотную. Она обещала быть холоднее прошлых, а ещё тучи не ровен час разразятся дождём.

На их фоне тракт выглядел бесконечно заманчиво. Такой безлюдный, прямой... конь может идти по нему легко и свободно, не рискуя повредить себе ногу. Да и я, чего уж там, предпочел бы сейчас дорогу в Дайнспорт. Небольшой портовый городишко, где вечно воняет рыбой и сыростью. Маленькие домики теснятся друг к другу. У них простые беленые стены и окрашенные морилкой двери, а за внешней грубостью скрываются уют и домашний очаг.

Люд там жил самый разношерстный. Нравы в Дайнспорте, конечно, не такие хлебосольные как в моём милом Нордвике, но в целом его жители были скорей дружелюбны, чем наоборот. Самому мне доводилось бывать там несколько раз, и, будь всё иначе, я вполне мог бы остановиться у Мартина в ремесленном переулке. Тот, возможно, даже обрадовался бы встрече. Да даже если и нет — принял бы у себя в любом случае. Он-то регулярно в своё время пользовался гостеприимством дома Финчей, пока совсем не отошёл от дел.

Идея была заманчива. Тем более его супруга пекла просто божественные пироги, при мысли о которых забытый за день голод моментально пробуждался и дал о себе знать. Уют, домашняя еда, и, как-никак, всё ж таки свои люди. Да и даже если бы не было еды и крова — просто общества своих, с которыми спокойно, было бы достаточно.

Я вздохнул, смиряясь, и направил коня в лес по ту сторону дороги, прикидывая, успею ли добраться до реки пока не стемнеет совсем.

А темнело стремительно. Заходящее солнце потерялось среди стволов, а вскоре и вовсе скрылось из мира, и то, что раньше было тенями — расползлось, расширилось, обращаясь в непроглядный ночной мрак. На луну никакой надежды не было — проводив солнце за горизонт, тучи снова сомкнулись в единый покров, надёжно спрятав брэнную землю от серебристого света ночных светил.

Дальше идти было нельзя, и мы с конём вынужденно пристроились на ночлег у корней огромного ясеня. Серый улегся на землю поджав под себя ноги, хотя ощущалось что это тёмное место ему не по душе.

— Всё хорошо, приятель, не съедят нас. Немного подождём солнце и снова в путь, — я успокоительно потрепал коня по морде и раскрыл перед ним давешний дедулин мешок с

остатками яблочек. Серый благодарно и почти на ощупь стал подбирать их с земли вместе с лесной травкой. А я всё-таки сгрёб близлежащие веточки и прошлогодние листья в кучку и полез в торбу за кресалом.

Занимался костерок не то чтобы охотно, но и погаснуть тоже не пытался, за что ему спасибо. С огнём как-то было и теплее и проще, да и крупное зверье, пожалуй, не рискнёт подходить. А дорога осталась далеко позади — вряд ли кто-то мог нас увидеть. «Авось пронесёт,» — думал я, наскоро ужиная трофейной следопытской солониной. — «Город не близко, ночь тёмная, людей быть не должно. Как-нибудь, глядишь, даже удастся вздремнуть до утра.»

Отступившая от костра темнота сгустилась вокруг, но на сей раз огонь был моим союзником. Пляска язычков пламени странным образом умиротворяла. Я и сам не заметил, как забылся тягучей полудрёмой, удобно устроившись среди корней.

В полусне мне думалось о доме. Грезилось, будто я не в лесу вовсе, а в своей маленькой коморке на втором этаже, куда я, по правде говоря, приходил в основном спать.

Уютно. Привычно. Всё на своих местах.

Вечно разлетевшиеся по полу бумаги с зарисовками.

Фрагменты резных узоров на несущих балках, изображающие переплетающиеся ветви и диковинных зверей — кто-то из предков семейства Финч оттачивал мастерство на собственном доме.

Книги стопкой — сверху «Купеческое дело» Кёльна и «Заметки об организации производства» Йенсона, невольно вытеснившие за последние годы сборники легенд, баллад и пьес в самый низ.

Куски незаконченных изделий, которые словно сами собой вновь и вновь возникали на столе и жили там месяцами, ожидая пока руки дойдут заняться ими. Они несли с собой запах дубильного состава и мастерских, даже сюда. И всякий раз разбирая их и доводя до ума, я обещал себе вновь и вновь: не таскать работу домой. Но уже на следующий день все начиналось сначала.

Рисунки Бригитты, которые я старательно собирал лет с четырнадцати, украшают стены светом её внутреннего взора, каким она видела мир и стремилась показать его другим.

А внизу потрескивает очаг, который матушка Финч растопила перед сном. Лето конечно, но тело подводит её, и ей всё время холодно, особенно по ночам. Говорят, это старость. Говорят, это уже не пройдет. Так что спать привычно придётся с распахнутым окном.

Стоило подумать о ней — как я понял что она стоит рядом.

— Сынок... почему ты оставил меня одну?

— Так вышло. Я этого не желал. К тому же, вы же сами просили меня уходить когда они пришли сюда...

Она просила. Почти умоляла. Но вины с меня это не снимало. Я ушёл. Она осталась.

— ...оставил меня одну, а я ведь уж почти ничего не вижу. И память подводит... Сынок, возвращайся домой. Как-нибудь образуется всё, забудется, вернётся на круги своя...

— Но как? Ничего не забудется, меня не оставят в покое! Хотя видят боги, я хотел бы, я бесконечно сильно хотел бы вернуться, и чтобы все стало как раньше.

— Так вернись, — матушка подняла на меня глаза и глаза эти блеснули неестественной синевой. — Всё верно. Приди ко мне. Приди, и всё встанет на свои места...

Всепроникающий холод сгустился, словно корнями прорастая сквозь спину.

«Это ведь не она вовсе!» — вдруг осенило меня, как это порой бывает во снах. Дыхание пресеклось, я вздрогнул и проснулся.

Едва начало светать, в серой мгле только-только наметились очертания окружающего мира.

Холод был взаправдашний — обычная утренняя свежесть, многократно усугубленная сыростью. Мелко моросило, воздух был влажный и промозглый. Я стиснул зубы и поднялся на ноги, искренне радуясь такому неуютному утру. Сон быстро ушел, оставив после себя неприятное послевкусие из тревоги и чувства вины. Его хотелось как можно скорее перебить хоть чем-то, и прохлада здесь сыграла мне добрую службу.

Собрался быстро. Хотелось добраться уже наконец до проклятой мельницы: там-то уж наверняка хоть сколько-то сухой уголок да и найдется. И люди, опять таки. Когда рядом люди, можно отвлечься от тяжести собственных мыслей. А то в одиночестве разум вновь и вновь пережевывает одно и то же. Так ведь недолго и в самом деле повредится умом.

Если я уже не повредился. Не уверен

Раскисшая от влаги лесная подстилка хлопала и скользила под ногами. Между деревьев повис туман, густой, тяжелый, сырой, делающий привычный бренный мир мистическим и почти нереальным. Я даже спрашивал себя раза три, а в самом ли деле я проснулся, или это все новый сон, сменивший предыдущий?

В ладони я сжимал два злополучных амулета, прислушиваясь к ощущениям — что все же с ними не так? Они не источали холода, ничего странного на вид и на ощупь в них не было. А вот настойчивое, подгоняющее вперед желание избавиться от них поскорее граничило с беспричинной паникой. И почему-то в голову сама собой лезла навязчивая идея, что этот странный кошмар был неспроста. Я успокаивал себя, приводил здравые логические доводы, но все было тщетно: нечто внутри выло волком, требуя избавиться от неведомой угрозы как можно скорее.

Если это был внутренний голос, я предпочёл ему поверить. Тем более до реки оставалось немного.

Бравона несла свои воды на север, могучая и неспешная. Ивы росли у самой кромки воды, склоняли длинноволосые головы к ней, словно безмолвно всматривались в свои отражения. Запах речного ила завис над землёй в замершем воздухе. Противоположный берег терялся в тумане.

Наконец то...

Я где-то слышал что вода — а особенно если её много — не то гасит, не то убаюкивает, а то и вовсе смывает силу, заключенную в предметах. Не помню где именно, вроде как в народе такое сказывают. Во всяком случае разнообразные не вызывающие доверия предметы, в которых обыватели подозревали закладку на порчу или ещё какой приворот, принято было непременно бросать в водоемы. Может суеверие, а может и нет — понятия не имею. Но даже если и суеверие — не страшно. Течение своё дело сделает.

Цепочки послушно затянулись узлом на обломке небольшого сучка. Я взвесил его в руке и постарался закинуть как можно дальше от берега. Нависший над водой туман поглотил деревяшку. Послышался только тихий всплеск.

Вот и всё.

Можно было вздохнуть спокойно. Наверное.

Дальше мы с Серым брели вдоль реки, мимо зарослей тростника и осоки, мимо причудливо изогнувшихся стволов старых плакучих ив, вперёд и вперёд. Тревога и правда

попустила, и я позволил себе никуда особо не спешить. Серое призрачное утро становилось мало помалу все светлей, однако туман не спешил рассеиваться. Я и сам, как не странно, этого не хотел — сизая пелена словно укрывала от посторонних глаз, и в ней было как-то спокойнее, что-ли?

Однако время шло, и неумолимое солнце вновь поднималось на небо, где-то высоко над нависшими серыми тучами. Мир вновь обрёл четкие очертания, и впереди, у самого берега как раз показалось далёкое, темнеющее на фоне неба высокое строение с неустанно вертящимся водяным колесом.

Вон она, мельница. Теперь делов-то осталось — дошагать до нее, а уж там... там видно, вообще-то, будет, как оно дальше.

Больше книг на сайте - Knigoed.net